

Ияфовские встречи

ИЯФОВСКИЕ

ВСТРЕЧИ

В мае 2015 года исполнилось двадцать пять лет со дня выхода первого номера многотиражной газеты «Энергия-Импульс» ИЯФ СО РАН. «Ияфовские встречи» — это книга, в которой собраны публикации в газете, рассказывающие о встречах с руководителями государств, Нобелевскими лауреатами, известными деятелями науки, культуры, спорта, которые проходили в стенах института (и не только) с 1990 по 2015 годы.

Институт ядерной физики СО РАН, 2015
Издательство «Золотой тираж», г. Омск

ЭНЕРГИЯ

-импульс

1 мая 1990 года вышел первый номер многотиражной газеты «Энергия-Импульс» Института ядерной физики СО РАН.

Четверть века в ИЯФе выходит многотиражная газета «Энергия-Импульс». Однако история газеты гораздо длиннее: первое поколение ияфовцев помнит, что стенгазета с таким названием выходила еще в московский период, когда ИЯФ формировался в рамках одной из лабораторий Курчатовского института. И в те годы, и позже, когда шло становление института в Новосибирском Академгородке, стенгазету выпускали по «красным» датам на многометровом ватмане. Время шло, ИЯФ рос, и в огромном коллективе все острее чувствовалась необходимость источника информации, который бы издавался регулярно и на постоянной основе: нужна была своя многотиражная газета. Как всегда, ИЯФ оказался первопроходцем и здесь. После длительных горячих дебатов на ученом совете, парткоме и профкоме, было принято решение создать в институте газету. Учредителями выступили ученый совет и профком. 2 апреля 1990 года редактором многотиражной газеты «Энергия-Импульс» была принята Ирина Валентиновна Онучина. Все двадцать пять лет, прошедшие с момента выхода первого номера многотиражки (1 мая 1990 года), она работает в этом качестве.

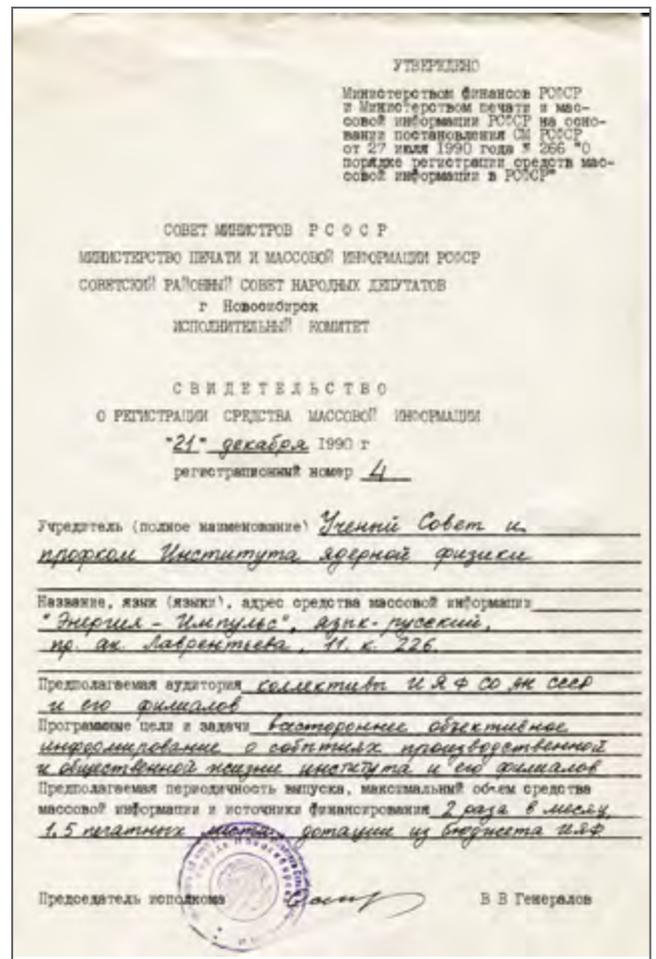

Фото М. Кузина.

Учредители многотиражной газеты «Энергия-Импульс»: ученый совет ИЯФ СО РАН и...

Фото Н. Купиной.

— Годы работы в Институте ядерной физики СО РАН дали богатейший жизненный и профессиональный опыт. ИЯФ — такое сложное и тонко организованное сообщество, что даже после двадцати пяти лет работы его невозможно до конца понять. У ИЯФа — особый менталитет. Здесь удивительным образом сочетается верность традициям и умение идти в ногу со временем, а нередко и опережать его. Здесь свои неписанные законы и правила, свой кодекс чести. Здесь трудятся люди, бесконечно преданные делу, и служение науке для них — не пустые слова. Работать рядом с ними — огромное счастье!

Несмотря на то, что редактор газеты — единственная «штатная единица» в редакции, в подготовке газеты участвует широкий круг людей. Огромное спасибо всем авторам нашей газеты, которые неизменно откликаются на просьбы редактора оказать содействие в подготовке материалов для «Э-И» или выступить в качестве научных консультантов. Это А. Н. Скринский, П. В. Логачев, А. В. Васильев, М. В. Кузин, Г. Н. Кулипанов, Е. Б. Левищев, Ю. А. Тихонов, А. А. Иванов, Н. А. Винокуров, А. В. Бурдаков, А. А. Брызгин, А. Г. Стешов, С. И. Эйдельман, С. Д. Белов, С. И. Середняков, С. Е. Бару, В. М. Аульченко, А. В. Соколов, Е. А. Недопрядченко, С. Ю. Таскаев, Я. В. Ракшун, В. И. Тельнов, Е. М. Балдин, О. И. Мешков, Ю. Б. Юрченко, В. В. Пархомчук, А. П. Онучин, Г. М. Тумайкин, А. Г. Харламов, А. Д. Николенко, Л. В. Кардапольцев, А. А. Шошин, Н. И. Григоров, В. В. Ершов, И. И. Авербух, А. Ю. Барняков, Г. Н. Хлестова, Т. А. Шторк, И. Г. Соколова, Ю. В. Бибко, Т. В. Кучина А. М. Манушини другие.

Фото Н. Купиной.

...профком ИЯФ СО РАН.

Хочется напомнить фамилии тех, кто активно поддержал газету в первые непростые годы – это Ю. И. Эйдельман, А. Г. Чилингаров, Ф. М. Израйлев, Б. В. Иванов, С. Г. Клименко, Н. К. Куксанов, Э. П. Кругляков, Ф. М. Матвеев, Ю. И. Мерзляков, М. Б. Персов, Е. Д. Бендер, Э. И. Трахтенберг, Л. Ф. Хайло, Б. А. Шварц, Т. Ф. Бутакова, С. И. Мишнев, В. В. Крюков, А. И. Шляхов. Они помогли мне, человеку новому в коллективе, определить тематику номеров, сообщали и писали о важных событиях, происходящих в институте, просто поддерживали добрым словом в трудных ситуациях.

Без фотографий представить газету невозможно: снимки В. Н. Баева, В. В. Петрова, Н. Н. Купиной, М. В. Кузина, В. Д. Кутовенко, Э. Л. Неханевича, А. А. Морозова помогают ей стать информативнее и интереснее. Дизайнер А. С. Попов многие годы творчески работал над созданием макета газеты, рисунки Д. И. Чекменёва и Е. Д. Бендера делают оформление газеты динамичнее и выразительнее. При работе над текстом нередко нужны аудиозаписи событий, которые проходят в конференц-зале ИЯФа, и здесь неоценимую помощь редакции постоянно оказывает В. И. Чужбинин.

Думаю, что немногим журналистам выпадает профессиональная удача участвовать во встречах с руководителями государств, Нобелевскими лауреатами, известными деятелями науки, культуры, спорта. За четверть века работы в ИЯФе мне посчастливилось побывать на многих подобных встречах, которые проходили в стенах нашего института. К юбилею «Энергии-Импульс» удалось собрать весь материал о таких встречах, опубликованный на страницах нашей газеты за двадцать пять лет, и подготовить его в виде книги. «Ияфовские встречи» — это попытка напомнить о ярких событиях в жизни Института ядерной физики СО РАН, которые произошли с 1990 по 2015 годы.

Основатель ИЯФа академик А. М. Будкер говорил о том, что атом неисчерпаем. Также неисчерпаема и многогранна жизнь созданного им института. Нет сомнений в том, что впереди еще много интересных ияфовских встреч.

*С глубоким уважением к ияфовцам и неизменной преданностью ИЯФу,
Ирина Онучина, главный редактор газеты «Энергия-Импульс»,
член Союза журналистов России.*

А. Н. Скринский.

П. В. Логачев.

Г. Н. Кулипанов.

Е. Б. Левичев.

В. В. Пархомчук.

Ю. А. Тихонов.

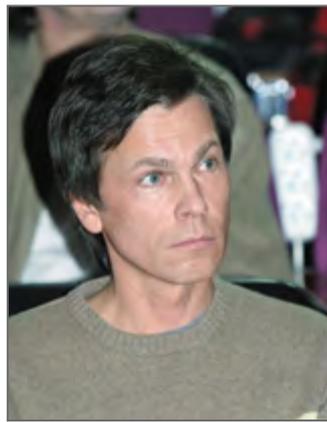
Н. А. Винокуров.

А. А. Иванов.

А. А. Брызгин.

В. Е. Блинов.

А. П. Онучин.

А. Г. Стешов.

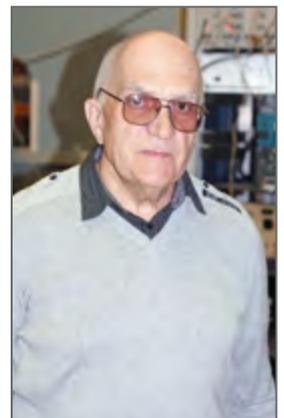
Г. М. Тумайкин.

С. И. Середняков.

А. В. Бурдаков.

В. М. Аульченко.

А. В. Васильев.

М. В. Кузин.

А. Д. Николенко.

С. Ю. Таскаев.

Я. В. Ракун.

Е. А. Недопрядченко.

О. И. Мешков.

А. А. Шошин.

В. И. Тельнов.

А. В. Соколов.

А. Ю. Барняков.

Ю. Б. Юрченко.

С. И. Эйдельман.

Е. М. Балдин.

О. В. Кононова.

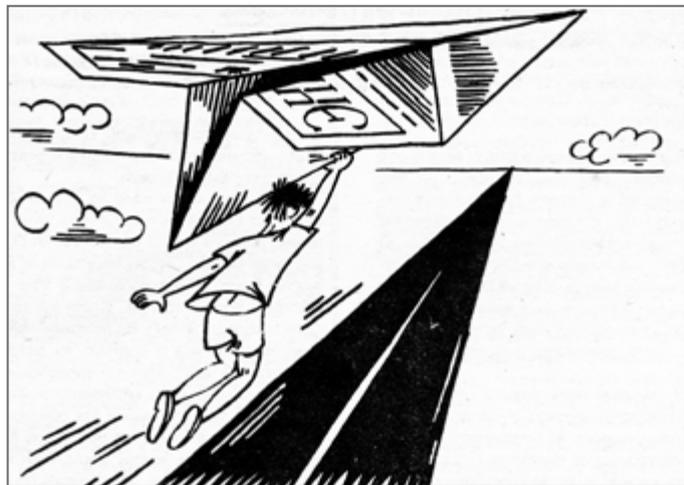
Н. И. Григоров.

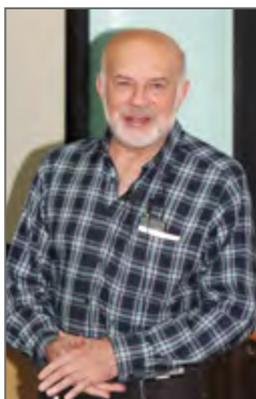
С. Д. Белов.

С. И. Мишнев.

Т. А. Шторк.

С. Е. Бару.

Т. Ф. Бутакова.

Л. В. Кардапольцев.

И. И. Авербух.

Б. А. Шварц.

И. Г. Соколова.

А. Г. Харламов

Г. Н. Хлестова.

Е. Д. Бендер.

*Рисунки на 8 странице
Е. Бендера.*

В. В. Еришов.

В. Т. Новиков, Н. Н. Купина, А. И. Шляхов, В. В. Петров.

В. Д. Кутовенко.

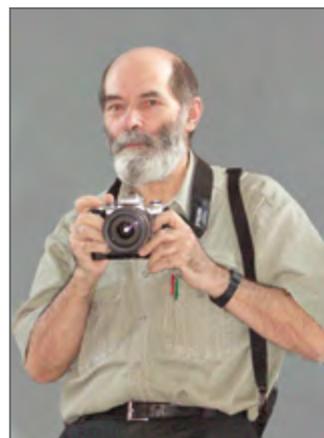
В. И. Чужбинин.

В. Н. Баев.

В. В. Крюков.

Э. Л. Неханевич.

Е. А. Кравченко.

А. М. Манушин.

А. А. Морозов.

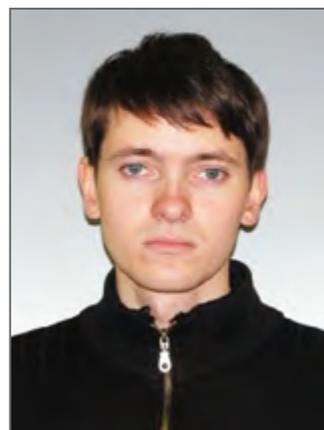
Т. В. Кучина.

А. С. Попов.

Рисунки на 9 странице и всех последующих Д. Чекменёва.

Д. И. Чекменёв.

Гость ИЯФа — Президент РФ Б. Н. Ельцин

2 июля 1991 года года ИЯФ посетил Б. Н. Ельцин.

Охранники плотным кольцом окружили вышедшего из машины Ельцина. Он обменялся рукопожатиями с встречавшими его заместителями директора ИЯФа (А. Н. Скринский был в это время в командировке) В. А. Сидоровым и Э. П. Кругляковым и энергично направился прямо к толпе людей, которые стояли на крыльце института. Поздоровавшись, Борис Николаевич начал задавать вопросы о зарплате, есть ли какие-то доплаты, поинтересовался, сколько стоит обед в столовой института и как обстоят дела с жильем. Потом, поблагодарив за встречу, высокий гость, наконец, вошел в институт, столпившиеся в холле ияфовцы встретили его аплодисментами. А в это время охранники уже блокировали вход и пропускали только представителей прессы.

Прошло чуть больше года с начала моей работы в Институте ядерной физики СО РАН. Было начало июля 1991 года, когда стало известно, что в Новосибирск приезжает первый Президент России Борис Николаевич Ельцин, более того, что он посетит наш институт.

ИЯФу не привыкать к визитам высоких гостей: в свое время здесь побывали Де Голль, В. Ульбрихт, И. Броз Тито, А. Н. Косыгин и многие другие. Но такой огромной толпы людей, которая собралась на крыльце института и в его стенах, чтобы увидеть Ельцина, раньше никогда не было.

Борис Николаевич должен был приехать из Дома ученых, где он встречался с членами президиума СО АН. В назначенное время гости не появились, и целый час люди терпеливо стояли в ожидании высокого гостя под мелким морозящим дождем, который то стихал, то вдруг усиливался. За несколько минут до прибытия Президента подъехал тогдашний председатель президиума СО АН В. А. Коптюг и вместе с ним несколько членов президиума.

Вот, наконец, показался долгожданный кортеж, причем оказалось, что Президент находился не в «Чайке», не в «Волге», а в обычном рафике.

Тем временем Ельцин и сопровождавшие его лица направились в здание ДОЛ. Здесь гостям показали плазменные установки, а Эдуард Павлович Кругляков рассказал об исследованиях, которые ведутся в ИЯФе в области высокотемпературной плазмы, и о том, как они важны для поиска новых источников энергии.

И вот высокие гости появились в зале заседаний ученого совета. За круглым столом их уже давно ждали не только члены ученого совета, но и всеми правдами и неправдами сумевшие пройти сюда физики. Вместе с журналистами они плотным кольцом окружили круглый стол, на котором согласно ияфовской традиции стояли чашки с только что сваренным горячим кофе.

Ельцин поначалу держался несколько скованно, но быстро освоился, уселся поудобнее и стал с интересом слушать рассказ Вениамина Александровича Сидорова о том, как создавался институт и над чем сейчас работает его коллектив. Обстановка за круглым столом быстро приняла непринужденный характер, как на очередном заседании ученого совета, не привычным было только присутствие многочисленных «накачаных» молодых людей, напряженно всматривавшихся в толпу и журналистов.

Борис Николаевич внимательно слушал и даже попытался задать «физический» вопрос, который со временем вошел в ияфовский фольклор. «Можно ли получать энергию из самого обыкновенного вещества, например, из камня?» — спросил он. «Если сбросить с четвертого этажа, то можно!» — немедленно среагировали ияфовские шутники. «А мне говорили, что это возможно, — не сдавался Борис Николаевич, — эти работы ведутся на Урале, кроме того, подобные исследования начали американцы, и тут же их закрыли.

Если неизвестно, как это сделать сейчас, то ещё не значит, что это теоретически невозможно. Если бы вы, физики, всегда могли все предвидеть, то, наверное, не зарывали бы где попало радиоактивные отходы.

Когда я начал работать в Москве, то поручил изучить радиационную ситуацию в городе. И можете себе представить, за короткий срок было найдено 380 мощных источников радиации, главным образом, в районе института имени Курчатова. Некоторые из них находились рядом с такими объектами, как детский сад. Сейчас уже большинство этих источников ликвидировано, а скоро добьёмся, чтобы их совсем не осталось».

«На заре ядерной физики к облучению отношение вообще было весьма легкомысленное, — заметил В. А. Сидоров. — Когда я, например, пришёл на работу в Курчатовский институт, то первое, что мне поручили, было выдраить дуанты ускорителя, который только что был разобран, а это значит, что дуанты эти были скорее всего радиоактивными. Сегодня такую работу никому бы не дали, а в те времена я работал возле них целый день, и это считалось нормальным. Человек вообще гораздо более сложный объект, чем, скажем, атом. Поэтому сперва разобрались в том, как получать радиацию и управлять ею, и только гораздо позже стали немного понимать, как это действует на человека».

«Но наши установки, — вступил в беседу Э. П. Кругляков, — после выключения становятся абсолютно безопасными, и в этом их большое преимущество перед реакторами Института атомной энергии».

«А вот ещё одну проблему я хотел с вами обсудить, — начал опять Ельцин. — Мы хотели бы полностью прекратить ядерные испытания. Полигон в Семипалатинске, как вы, наверное, слышали, уже закрываем. Ещё только два испытания — и конец. Теперь остался полигон на Новой Земле, но там тоже, как вы знаете, большие проблемы: хрупкая северная природа и так далее. Нельзя ли

обойтись вообще без этих испытаний?»

После короткой бурной дискуссии совет, который в данных обстоятельствах вполне можно было назвать президентским, пришёл к выводу, что те взрывы, которые проводятся с целью испытания воздействия на различные объекты мощных потоков излучения, источником которых и служит сам взрыв, можно было бы прекратить, разработав управляемые мощные источники различных излучений, в частности, нейтронов, над чем активно работают в ИЯФе. А так как подавляющее большинство взрывов производится именно с такими целями, то их прекращение существенно ослабило бы давление человека на природу.

Затем разговор перешёл к обсуждению финансовых проблем института. Исторически сложившаяся структура финансирования ИЯФа, в значительной степени ориентированная на поставки ускорителей и другого принципиально нового технологического оборудования промышленным предприятиям, сегодня перестала работать, поскольку в наше трудное время интерес к разработкам, рассчитанным на сравнительно долгосрочную перспективу, практически исчез. Все живут только сегодняшним днём, не задумываясь и не заботясь о будущем. В этой ситуации бюджет ИЯФа оказался сильно несбалансированным. «Мы понимаем, — сказал В. А. Сидоров, — что в нынешней ситуации просить денег у правительства бесполезно, поскольку у него их нет». «Вы, конечно, имеете в виду центральное правительство?» — не удержался от замечания Ельцин. Сидоров тем временем продолжал: «Мы сейчас хотим только одного: чтобы институту разрешили полностью использовать зарабатываемую за рубежом валюту, не облагая её никакими налогами. Если в нынешней ситуации государство не может полностью обеспечить финансирование фундаментальной науки за счет бюджетных ассигнований, то, по крайней мере, пусть даст возможность науке самой зарабатывать себе средства на существование, не пытаясь при этом ещё и получить с неё какую-то прибыль в госбюджет».

«Я вчера подписал документы по Сибирскому соглашению, — сказал Ельцин, — там, по-моему, этот вопрос решается». После короткого обсуждения с участием Коптюга, Гранберга и Мухи относительно того, вытекает ли такое разрешение из подписанных документов, Ельцин добавил: «Во всяком случае, я полностью поддерживаю вашу постановку вопроса и готов подписать дополнительные распоряжения на сей счет, если потребуется». Эти слова были встречены аплодисментами

всех собравшихся за круглым столом, а В. А. Сидоров передал Президенту краткий, на одну машинописную страничку, меморандум, в котором была изложена суть проблемы.

«Я хотел бы вернуться к вопросу о радиоактивных отходах, — сказал Борис Николаевич. — Мне кажется, что обезвреживание отходов атомных электростанций — это моральная обязанность физиков-атомщиков перед обществом». «Это, безусловно, очень важная задача, — ответил ему Э. П. Кругляков, — но она лежит за рамками тематики нашего института. Мы вкладываем усилия в решение других проблем, связанных с обеззараживанием промышленных отходов: сточных вод, дыма и тому подобное. Для этого применяются выпускаемые нашим институтом промышленные ускорители. Мы покажем вам об этом видеofilm».

В течение примерно десяти минут все присутствующие смотрели рекламный видеоролик, где рассказывалось о применении промышленных ускорителей ИЯФа. Едва погас телеэкран, как Валентин Афанасьевич Коптюг стал торопить высшее собрание, подчеркивая, что график визита и так уже сильно нарушен. «Последний вопрос, Борис Николаевич, — спросил кто-то, — ваше от-

ношение к Российской академии?» «Решение о создании Российской академии принято, — ответил Ельцин, — а какой она будет и чем станет заниматься, это мы ещё будем обсуждать. Во всяком случае, я хотел бы просить вас не проявлять к ней какой-либо неприязни. Я могу заверить, что не посоветовавшись с вами, учёными, мы не будем ничего решать».

На этом встреча за круглым столом закончилась. Высокий гость, которого приветствовали вдоль всего пути следования сотрудники института, направился к выходу.

На крыльце Президента вновь обступили люди, и снова состоялся краткий энергичный диалог на житейские темы. Затем — прощальные рукопожатия с представителями дирекции, приветственные жесты собравшимся людям и Б. Н. Ельцин, провожаемый аплодисментами, сел в свой скромный рафик, а кортеж отправился к следующему пункту — Институту геологии.

*В газете был опубликован репортаж
А. Чилингарова.*

Фото В. Баева, В. Петрова.

Гость ИЯФа — глава российского парламента Р. И. Хасбулатов

20 февраля 1993 года наш институт посетил Р. И. Хасбулатов.

Недавно в Новосибирске проходило большое совещание глав администраций различных областей в рамках Сибирского соглашения, в котором участвовал спикер Верховного Совета Р. И. Хасбулатов.

20 февраля 1993 г. в нашем институте побывала группа участников этого совещания, в том числе, министр финансов и председатель арбитражного суда. А. Н. Скринский познакомил гостей с основными направлениями работы института, рассказал о тех проблемах, которые решает сейчас ИЯФ. Это сообщение было встречено с вниманием, гости проявили интерес к выставке разработок института для народного хозяйства. После традиционных вопросов на темы «утечки мозгов», а также дезактивации отработанных продуктов атомных электростанций и возможностей ИЯФа (!!) в решении этой проблемы, гости отправились на одну из установок.

Буквально через несколько минут в сопровождении главы администрации Новосибирской области В. П. Мухи, председателя президиума Сибирского отделения РАН В. А. Коптюга, большой свиты телохранителей и представителей прессы в зале заседаний ученого совета появился Р. И. Хасбулатов. Так как время посещения ИЯФа спике-

ром Верховного Совета было жестко лимитировано, А. Н. Скринский был вынужден ограничиться предельно краткой информацией об институте. Короткая беседа за круглым столом, фильм об ИЯФе, знакомство с выставкой прикладных работ, экскурсия на установку — вся обычная «гостевая» программа прошла, что называется, на предельной скорости.

И директор ИЯФа, и председатель президиума СО РАН, насколько это позволяло время, постарались обратить внимание Р. И. Хасбулатова на то, что наука находится в бедственном положении, и необходимо хотя бы освободить от налогов средства, вкладываемые в ее развитие. Кстати,

Александр Николаевич Скринский передал Руслану Имрановичу документы, в которых были сформулированы предложения ИЯФа по этой проблеме. Трудно сказать, возымеют ли эти бумаги действие, но, как известно, дается лишь тем, кто стучится. Будем надеяться, что и наш «стук» услышан будет.

*И. Онучина.
Фото В. Петрова.*

«Я — послушный ученик исторического процесса»

6 сентября 1993 года в ИЯФе побывал поэт Б. Ш. Окуджава.

6 сентября 1993 года в институте состоялась встреча с Булатом Окуджавой. Традиционно гостям — вместе с Булатом Шалвовичем была его жена, их сопровождал Л. С. Трус — показали установки ИЯФа, а потом встреча продолжилась за круглым столом, где на этот раз было особенно многолюдно.

Окуджава был в нашем институте почти тридцать лет назад, и, конечно, первый вопрос к нему был о том, каковы его впечатления об Академгородке и о нашем институте, и что, на его взгляд, изменилось здесь за прошедшие годы.

— В Академгородке приятно, — сказал наш гость, — хорошо, что дома в лесу, но ничего такого специфического я не нашел здесь, не успел просто.

— Как Вы смотрите на происходящее сейчас в стране?

— С одной стороны — я счастливый человек: мне пришлось увидеть, как все, что мешало нам жить, рушится. А с другой стороны — очень горько, потому, что рушится с трагедиями, печаль-

ями. Это, по-видимому, одна из самых простых операций. Я только не знаю, рушим ли мы или оно рушится. Я думаю, что оно рушится, в основном, в плане времени. Вот мы говорим: Горбачев разрушил Советский Союз. А я себе представляю всё это так: идёт большой слон, его в поводу ведет человек. Все восторгаются и кричат: «Ой, какой у нас слон, какой гигантский — самый большой в мире!» А слон идёт, тихонечко болеет, сгорает, гниет — и в один прекрасный день падает. Тогда все набрасываются на человека, который его вёл, и говорят: «Ты погубил слона!»

Интеллигенция и её роль в современном историческом процессе — эта тема, спонтанно возникнув, вызвала оживленную полемику за круглым столом.

— Всё-таки самостоятельно мыслящим исказили психологию в разной степени. Например, по телевизору майор говорит: «Я — интеллигент, потому что я — майор». Это такой большевистский подход: раз в очках и в шляпе, да ещё с дипломом — значит интеллигент. А я встречал интеллигентов среди рабочих и жлобов — среди академиков. Пока не научимся определять, что такое свобода, что такое интеллигент, какая разница между свободой и волей, что такое демократия — будем диким обществом.

— Наука в наше время совсем не в моде у правительства. Не кажется ли Вам, что науку и культуру это каким-то образом объединяет?

— Что значит не в моде? Разве во время гражданской или Великой Отечественной войны почитались наука и культура? И сейчас тяжелый период. По сегодняшнему дню нельзя судить об отношении общества к науке. А в принципе, я думаю, что это всё не уничтожаемо: не может великая история, великая культура погибнуть, пока

есть общество, которое несёт все эти задатки в себе. Думаю, переживем мы и это, если переживем. Я — послушный ученик исторического процесса и стараюсь ему споспешествовать, а не видоизменять движение. Я себе представляю настоящего интеллигента как человека, жаждущего знаний, стремящегося эти знания принести на алтарь истории, уважающего других людей, склонного к самоиронии, не обольщающегося на свой счет. Все сторонники насильственных путей — не интеллигенты, это — «образованцы».

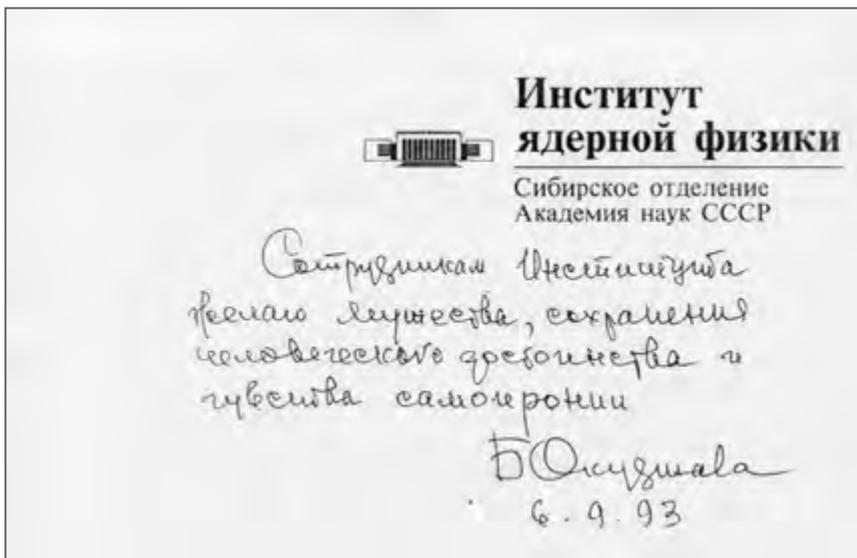
— В нашем обществе принято во всем обвинять интеллигенцию, которая «расшатала лодку». В чем, на Ваш взгляд, состоит долг писателя, любого представителя творческой интеллигенции перед обществом?

— Хорошо выполнять свою работу. Надо писать, исходя из своего опыта, о том, что ты знаешь, о том, что ты чувствуешь. Надо рассказывать о себе. Если ты талантливый человек, твои рассказы вызовут интерес. Если не вызвали — не состоялся как писатель.

Затем по просьбе гостей заместитель директора ИЯФа В. А. Сидоров коротко рассказал о том, что позволяет нашему институту сейчас держаться на плаву: «Это трудно — быть в наше время оптимистом. Но, оглядываясь назад, можно сказать, что мы были несколько лучше подготовлены к сегодняшним временам. Наш первый директор, Андрей Михайлович Будкер, ещё в 1956 году получил для института у правительства уникальное разрешение: быть независимым от московского начальства, получать прибыль, что в то время считалось очень необычным и неправильным. Этот стиль жизни развивался постепенно и привёл к тому, что половину — а иногда и больше — нашего финансирования мы обеспечивали сами. Это была независимость. Наши крупные установки построены не по постановлению Совета министров, а постановлением нашего круглого стола.

Однажды директор американской лаборатории, с которой мы давно имеем связи, после того, как Будкер объяснил ему принцип и стиль нашей жизни, сказал: «Вы — капиталистический институт в социалистической стране, а у меня — социалистический институт в капиталистической стране!» Ему принципиально было запрещено иметь прибыль, так как он живёт на государственном обеспечении.

Мы были лучше подготовлены к рыночной

экономике, чем другие. И это позволило нашему институту выжить в нынешних условиях. Сейчас очень модно разваливаться, а в институтах каждая лаборатория стремится к самостоятельности. У нас иной подход — сохранить единую команду, которая управляется круглым столом. Считается, что деньги, которые заработала одна лаборатория, принадлежат всему институту. И если раньше нас обвиняли в капитализме, то теперь — в пристрастии к социализму».

— В своем творчестве Вы мало обращаетесь к политике, но вот на Вашем вчерашнем концерте в Доме ученых прозвучали строчки стихотворения с резко выраженной политической направленностью...

— Я вам их сейчас прочитаю:
«Конечно, я во многом виноват,
Ну, проглядел — такой уж я бездарный.
Но если Хасбулатов демократ,
То я хочу в режим тоталитарный».

— Есть еще четыре строчки:
«Кухарка схоронена возле Кремля.
В отставке кухаркины дети...
Кухаркины внуки чинят у руля,
А мы, между прочим, в ответе».

Большой интерес у присутствующих вызвал рассказ Булата Шалвовича о работе над новым автобиографическим романом.

— Начал я работать над ним лет пять назад и написал первую книгу, которая будет публиковаться в этом году в журнале «Знамя». Она охватывает период моей жизни до тридцать седьмого года. Этот замысел сложился давно, сложность состояла в том, что мне нужно было показать своих родителей — фанатичных большевиков и очень чистых честных людей, не совершавших

преступлений. Вот один из эпизодов этой книги. «В тридцать седьмом году арестовали моего отца и расстреляли. Маму исключили из партии. Вместе с ней мы приехали в Москву. Мать была в полном отчаянии. Внезапно стало известно из газет, что Ежов арестован, и она поняла, что теперь всё разрешится. Прошло несколько месяцев, но ничего не менялось. Назначили Берия, а они в свое время были знакомы. И хотя мама не очень его любила, но как-никак — свой человек, она стала добиваться приема. Написала письмо, вскоре получила ответ, в котором значилось: народный комиссар внутренних дел примет вас такого-то числа в такое-то время. В этот день, тщательно одевшись, мама отправилась на Лубянку. Там её провели к кабинету Берии, она очень волновалась, представляя, что сейчас навстречу ей поднимется обрюзгший генерал в пенсне.

Вдруг дверь распахнулась, и выбежал в потертом коричневом костюме такой же, не изменившийся Лаврентий, с тонкой шеей, в пенсне. Бросился её обнимать, восклицая: «Боже мой! При каких печальных обстоятельствах мы встретились!» И стал говорить ей, что после ареста этого мерзавца — Ежова — на нём висит такое количество всяких преступлений, и он — Берия — этим сейчас занимается, и что ему очень трудно. Мать сказала, но ты помнишь Шалико, он же не может быть врагом. Да, конечно, ответил Берия и пообещал заняться этим делом сегодня же. Она отправилась домой, а вскоре её арестовали».

Вот так кончается эта история. Но главное в книге — это отношение к происходящему меня,

мальчика.

— *А что было дальше с Вашей мамой?*

— Мама девятнадцать лет отсидела, вернулась в 1955 году. Её тут же назначили в комиссию по реабилитации, и она отправилась на полгода на северный Урал по лагерям. Потом она вышла на пенсию. Мы с ней часто спорили по различным политическим вопросам. Она обожала Ленина. Я ей часто подсовывал книги, которые привозил, и она с удовольствием их читала. Помню, незадолго до её смерти, это было в 1982 году, во время нашего разговора она вдруг закричала куда-то мимо меня: «Что они наделали!»

— *Булат Шалвович, а как быть со знаменитыми Вашими строчками: «И комиссары в пыльных шлемах склонятся, молча, надо мной»?*

— В 1957 году я верил в то, что это было прекрасно.

— *А в пятьдесят третьем Вы написали бы эти строки?*

— В пятьдесят третьем я написал бы тоже. В то время я считал, что всё было именно так. В 1956 году, во время XX-го съезда я вступил в партию в надежде, что я помогу этому процессу. Но уже через год понял, что ошибся.

— *Как происходил процесс «прозрения», кто были те люди, которые «открыли» Вам глаза?*

— Это происходило постепенно, начиная со смерти Сталина. Я стал всё серьезнее задумываться над тем, что происходило вокруг. Мне помогли умные люди, которые были рядом со мной. Но по настоящему я созрел до сегодняшнего уровня, думаю, в 1962-1965 году. На протяжении всей моей жизни эти люди всё больше и больше приобретали в моих глазах ценность. Сначала, когда появлялся в моей жизни человек, скептически относящийся к советской власти, то он вызывал у меня отвращение: я его ненавидел. Но постепенно, шаг за шагом менялся я сам, а эти люди становились для меня более близкими. Это были серьёзные немолодые люди, очень немногословные, очень сдержанные и осторожные. Поначалу, то, что они говорили, вызывало во мне протест, но потом постепенно заставило задуматься тоже.

— *Булат Шалвович, все волновались, когда у*

Вас была операция в США...

— В январе 1991 года у меня случился грипп, затем было несколько приступов стенокардии. А здесь как раз — приглашение в Америку. Там, уже после всех концертов, жена заставила меня пойти обследоваться. И вдруг мне говорят: «Положение катастрофическое, нужна срочная операция на сердце!»

А я боюсь операции на пальце! Меня тут же увезли в палату и на следующее утро уже сделали операцию. Длилась она шесть часов, проснулся я в реанимации, весь в «кишках» каких-то, шевелиться боюсь, но горд тем, что мне сделали операцию. Надо мной стоят жена и сын, говорить мне трудно и почему-то плохо вижу. Я снимаю очки, чтобы протереть, и вдруг оказалось, что без них всё хорошо вижу (вот уже два года я не ношу очки). Я спрашиваю у американских хирургов: «А в чём дело?» Они смеются и говорят: «Бог его знает, может быть, что-то мы задели».

Самое интересное, что на следующий день после операции подходит ко мне медсестра, очень красивая филиппинка, и говорит: «Вставайте!» «Как вставайте, у меня же сердце!» Она повторяет: «Вставайте, вставайте!» Я поднимаюсь, мне дают стул с колесиками, на него ставят всё оборудование, я с этим стулом гуляю — и ничего.

На следующий день приходит хирург-японец, хохочет, снимает с меня одеяло, срывает все эти наклейки. Я понял, что сейчас развалюсь, но этого не случилось.

А через пять дней меня выписали. Когда выписывали, я спросил, нельзя ли мне глоток пива. Они отвечают, сколько хотите. А лекарства — никаких лекарств! С тех пор у меня никаких приступов, никаких лекарств.

Конечно, хирурги у нас ничем не хуже американских, но там замечательная аппаратура, потрясающие медикаменты и самое главное — гениальные медсёстры, которые умеют ухаживать: на неё посмотришь — и сразу выздоравливаешь. Но они и получают как профессора.

Перед операцией была договорённость с одним из издательств, где печатались мои романы, что они оплатят расходы, но, как потом выяснилось, эти деньги нужно было вернуть — а это шестьдесят тысяч долларов.

Потом, с помощью друзей удалось собрать около тридцати тысяч долларов, оставшуюся часть суммы оплатил Фонд социальной защиты, куда мы обратились, опять же по совету друзей, за помощью. Вот так это было.

— Вспоминаются 50-е годы, мы, студенты университета, бегали на воскресники, пели песни Окуджавы. Все-таки жалко этого времени.

Ольга Владимировна, жена Окуджавы, негромко сказала:

— Это молодости жалко, а не времени!

— Вот моя жена очень правильно говорит! Молодость жалко! — поддержал ее Булат Шалвович.

Ольга Владимировна продолжила:

— А вы послушайте фронтовиков, они говорят — вот тогда мы жили: в окопах, делились куском хлеба, пили из одной чашки. Они жалеют свою молодость, которая была в то время. Молодым вообще быть прекрасно!

— У американцев, — продолжил Окуджава, — благополучное общество, и они каждый — индивидуальность, но если случается беда, они объединяются в какие-то благотворительные общества, стараются помочь. В Израиле мы видели, как немецкая молодежь, кстати, внуки эсэсовцев, приезжает туда бесплатно работать. Как они счастливы! Они выполняют свой долг духовный!

Мы переболеем, я надеюсь, и возродимся в новом качестве.

И. Онучина.

Фото В. Петрова.

Булат Окуджава в ИЯФе. 8 марта 1964 г.

«Евтушенко невозможно повторить»

В августе 1994 года наш институт посетил поэт Е. А. Евтушенко.

За круглым столом ученого совета ИЯФа побывало уже немало известных людей. На этот раз встреча была с поэтом Евгением Евтушенко. Его поездка в Новосибирск была организована Эстетическим центром Новосибирского отделения Российского фонда культуры. Ияфовцы очень ценят возможность такого общения, что еще раз подтвердила теплая и непринужденная атмосфера встречи с Евтушенко. Как всегда во время таких бесед разговор спонтанно переходил от одной темы к другой.

Неизменным остается интерес ияфовцев к тому, как обстоят дела в Российской писательской организации. Евгений Александрович в целом обрисовал ситуацию в Союзе писателей, рассказал о том, сколько сейчас существует писательских организаций, как складываются их взаимоотношения. С большим сожалением он говорил о том, что отсутствие взаимопонимания среди писателей приводит к печальным результатам — это не только мешает творческому процессу, но и препятствует решению проблем писательских организаций на государственном уровне.

А правительство, считает Евгений Александрович, пользуясь сварой между писательскими группировками, не уделяет должного внимания литературе: «Страшную ошибку делают те политики, которые говорят — дайте разобраться с экономикой, а потом уж разберемся с культурой». В это смутное время очень легко пропустить появление действительно талантливых писателей и поэтов. Необходима федеральная программа развития литературы, а сами писате-

ли, «преодолевая отвращение друг к другу, должны договориться о защите писательского труда».

Отвечая на вопрос, как он относится к засилью зарубежной литературы на книжном рынке, наш гость с горечью сказал:

— В отличие от американцев, которые зарубежной литературы печатают лишь два процента от общего количества издаваемых книг, у нас обратная ситуация: книги российских писателей составляют лишь два процента. Да и хорошую иностранную литературу практически не издают

— все заполонила «дракулатура» в глянцевых обложках.

По образному выражению поэта «существует заговор мировой пошлости против человеческой тонкости». И то, что сейчас происходит в книгоиздательстве — яркое проявление этого «заговора мировой пошлости».

И завершил встречу традиционный вопрос о творческих планах нашего гостя. «Не умирай прежде смерти» — так называется новый роман Евгения Евтушенко. Как он сказал, «роман сразу обо всем»: в этой книге есть и автобиографические главы, и документальные, посвященные ныне здравствующим политикам, с которыми поэту довелось в свое время общаться — Ельцину, Горбачеву, Шеварднадзе.

Обращаясь в романе к событиям августа девяносто первого и пытаюсь осмыслить их с позиций сегодняшнего дня, Евтушенко твердо убежден в том, что это «были все-таки великие дни»: если бы их не было, то необратимые события неизбежно привели бы страну к ГУЛАГу.

— После опубликования первых глав на меня со всех сторон посыпались обвинения, причем взаимоисключающие. Правда, реакции своих героев я пока не услышал, — сказал Евгений Александрович и неожиданно добавил. — Лев Толстой в этом отношении был в более выгодном положении: на него не могли подать в суд.

В «творческом портфеле» Евтушенко пять сце-

нариев, два из них готовы к производству.

Сейчас он работает над поэмой об октябрьских событиях прошлого года, она будет называться по ассоциации с блоковской — «Тринадцать». В планах поэта еще несколько романов, в частности, один из них будет посвящен Карибскому кризису. Продолжается работа над антологией русской поэзии XX века. Это, убежден Евгений Евтушенко, самое лучшее, что он сделал в своей жизни. В прошлом году антология была издана в Америке и разошлась, несмотря на внушительный — 1400 страниц — объем, мгновенно. В нее вошли произведения более двухсот пятидесяти авторов — любителей поэзии ждут интересные открытия. Возможно, эта книга будет издана в России.

Вспоминая ситуацию 60-х годов, кто-то из присутствующих спросил: «Появятся ли новые «евтушенки»?».

— Евтушенко невозможно повторить, — последовал ответ.

И. Онучина.

Фото В. Баева.

«Создайте мне нормальную страну, и я вам создам такое»...

*12 декабря 1994 года в ИЯФе побывал
кинорежиссер Э. А. Рязанов.*

Какой же Новый год без «Иронии судьбы», а значит — без встречи с ее автором. Вот и нам очень повезло: под занавес уходящий год подарил нам встречу с Эльдаром Александровичем Рязановым. Состоялась она 12 декабря, как водится, за круглым столом ученого совета, и как обычно — благодаря стараниям Татьяны Сергеевны Богдановой, директора Эстетического центра Новосибирского отделения Российского фонда культуры.

Человек искренний и непосредственный, Эльдар Рязанов с первых минут сумел расположить к себе всех, заявив, что чувствует себя в этой аудитории очень неловко, так как совсем не знает физику.

Дело в том, что когда он учился в школе — а это были военные годы — преподавателей физики просто не было: в аттестате у него в графе «физика» стоит прочерк. Это признание вызвало сочувственный отклик в сердцах наших физиков и сразу создало доброжелательную и непринужденную атмосферу.

Традиционный рассказ заместителя директора института Вениамина Александровича Сидорова о том, что такое ИЯФ, по каким существует законам, как он борется за выживание, наш гость выслушал с искренним интересом, а его неожиданные вопросы вызвали неизменное оживление и одобрительный смех. Так, Эльдар Александрович поинтересовался, нельзя ли с помощью наших промышленных ускорителей, так же, как вредных жуков, нейтрализовать вредных политиков. Ияфовские физики были вынуждены при-

знаться, что над таким применением своей профессии пока еще не думали.

И, конечно же, коли в гостях известный, и даже «всенародно любимый» — что вполне соответствует действительности — кинорежиссер, речь зашла о кино и кинематографии. Первое, что сказал на эту тему Эльдар Александрович:

— У нас катастрофическая ситуация — мы никуда ничего не можем продать. За границей существует мнение, что русская кинематография медлительна. Действительно, мы только глубиной чувств, славянской ментальностью можем заинтересовать. Я смотрю американский фильм и не понимаю, как это технически сделано, а я пятьдесят лет работаю в кино. Но когда в нас плюнули огромным количеством американских фильмов, мы поняли, что у них все не так хорошо, что большинство из этих картин сделано по клише. Там очень развито типовое мышление — один фильм

имел успех, дальше делаются по этому образцу сотни фильмов.

Что касается того, что у нас нет комедий, то, во-первых, кино разрушено. У нас на Мосфильме было 6500 человек — сейчас там гуляет ветер, помещения сдаются под дискотеки и склады, мастера работать не могут, потому что нужны большие деньги. Потом существует телевизор, видеокассеты — фильмы смотрят до того, как они выходят на экран.

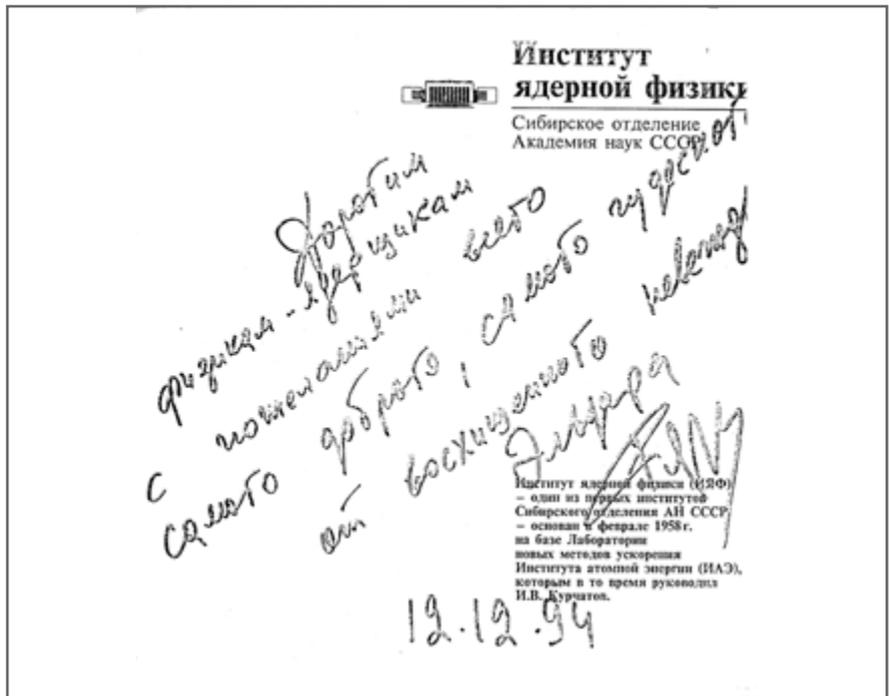
Когда у нас было как бы стабильное коммунистическое общество, считалось, что было три комедиографа — Данелия, Гайдай и Рязанов. Гайдай умер, Данелия и Рязанов очень не молоденькие люди: мы не можем пробиться ни к кошельку, ни к прокату.

У меня есть авантюризм, любовь к профессии, я хочу делать фильм, но если я полтора года буду «харкать кровью», а потом этот фильм куда не пойдет, то зачем мне это делать?

Полгода назад обычная рядовая картина стоила уже миллиард. Кто её будет покупать? Оказалось, что эта экономическая блокада, в которую мы попали, куда сильнее, чем коммунистическая цензура. Тогда ценой каких-то потерь что-то все-таки доходило до экрана, в тюрьму — я имею в виду фильмы — попадали единицы.

Мосфильм сейчас существует только потому, что он обслуживает иностранцев — у нас самая дешёвая рабочая сила, самые дешёвые артисты, самые дешёвые режиссеры и самая дешёвая техника. А российские кинематографисты стараются снимать на Украине, потому что купон — это нуль. Мы абсолютная колония в кинематографическом смысле. Наверное, Россия когда-нибудь станет приличной страной, хотя у меня такое ощущение, что сейчас у нас даже государства нет: нас объединяет только общность языка.

Вы все-таки делаете полезные вещи, а мне для того, чтобы пролезть на кинорынок, нужно делать, условно говоря, порнографию. Или вы хотите, чтобы я рекламу делал? Я видел как-то рекламу: там рекламируется обувь какой-то фирмы и используется строчка моих стихов — у природы нет плохой погоды. Но никто не согласовывал со мной, можно ли её взять. У нас нет законов, которые охраняют авторские права. Я не жалею, мне ещё повезло, потому что у меня есть возможность вести телевизионные программы, писать стихи,

пьесы, повести. Но огромное количество моих товарищей, моих сверстников оказалось просто за пределами жизни, они не востребованы эпохой.

Я могу назвать: Глеб Панфилов — хороший режиссер, он ничего не делает и не известно будет ли. Из его поколения снимают два-три человека, остальные не снимают.

Я последний свой фильм закончил в начале 1993 года, на него ушёл год. В три-четыре области продали, и с тех пор он нигде не шёл. Прокатный прогноз на мою картину «Предсказание» — притом, что играет очаровательная француженка, что снимал его я, был такой — 100-200 тысяч зрителей. Так оно, наверное, и было бы, если б не телевидение — показ все-таки состоялся. Телевидение является сейчас главным всероссийским кинотеатром.

Наверное, только большие мастера не боятся признаться в том, что позаимствовали какой-то сюжет. Так случилось в свое время с фильмом «Служебный роман»...

— Я открою вам секрет, как родился сюжет фильма «Служебный роман». В нашей области какие-то великие произведения искусства на тебя сильно влияют, в особенности, если это совпадает с годами молодости: в свое время на меня произвела огромное впечатление пьеса «Давным-давно», а потом я поставил «Гусарскую балладу». Такое же воздействие на меня оказал фильм «Большие маневры», там играл Жерар Филипп. На первый взгляд, ничего общего нет, но если препарировать ту картину и фильм «Служебный роман», то сюжетные схемы очень похожи. Приехавший из-за границы руководящий мерзавец, которого играет Басилашвили, советует скромному статистику по-

ухаживать за своей начальницей, чтобы получить должность руководителя отдела. Все мотивировки другие: если там — гусарское жеребьячество, то здесь — жизненная необходимость, но, тем не менее, там и там начинается любовь.

Отвечая на вопрос, почему фильм о Чонкине снял не он, Эльдар Александрович рассказал следующее. Английский продюсер Абрахам купил права у Войновича на роман о Чонкине. А получилось это так. Жена Абрахама — чешка, хорошо знающая русский язык, прочитала роман в подлиннике, и он ей очень понравился. Так возникла идея создать фильм. Мы начали сотрудничать, практически все было готово для съёмок: посадили даже растение — гибрид помидора с картофелем — у Войновича оно названо пукс, путь к социализму, — нашли биплан, но мы не сошлись на том, кто будет играть Чонкина. Они предлагали на эту роль Михаила Барышникова, а с моей точки зрения он не годился на эту роль. Я сказал — нет, и мы разошлись.

Сейчас эта картина снята чешским режиссером, однако он понимал, что нужны русские актеры, и снимал наших артистов. В роли героини снималась артистка Зоя Буряк, которую я тоже пробовал на роль Нюрки. На показе в Одессе произошел скандал: продюсер увидел какие-то камеры и подумал, что будет пиратская копия, показ был сорван. Потом он запросил у наших прокатных фирм 500000 долларов — за такие цены вообще никакие фильмы не продаются. Но я думаю, что эта картина к нам все-таки придет.

Что касается меня, то, когда эта картина сорвалась, я взял щенка — ризеншнауцера — и мы его назвали Чонкин. А так как по каким-то «собачьим» правилам его имя должно было начинаться на «И», то теперь имя нашего щенка — Иван Васильевич Чонкин.

На вопрос, пишет ли он сейчас стихи, Эльдар Александрович ответил, что значительно меньше.

— Стихи — это состояние души. Кто-то из поэтов сказал: стихи не пишутся — случаются. Но работы у меня колоссальное количество.

В заключение встречи кто-то из присутствующих высказал предположение, что кино сейчас в таком упадке потому, что оно очень похоже на жизнь, а не потому, что нет денег.

— Это можно воспринять как самый грандиозный комплимент для искусства, — сказал Рязанов. — Искусство, которое похоже на жизнь, — это то, к чему всегда стремился неореализм.

И. Онучина.

*Фото В. Баева,
В. Петрова.*

С. П. Капица Феноменологическая теория народонаселения

14 марта 1994 года в ИЯФе провел семинар С. П. Капица

Сергей Петрович Капица — советский и российский учёный-физик, просветитель, телеведущий, главный редактор журнала «В мире науки», вице-президент РАЕН. С 1973 года беспрерывно вёл научно-популярную телепрограмму «Очевидное — невероятное». Сын лауреата Нобелевской премии Петра Леонидовича Капицы.

14 марта 1994 года на семинаре в ИЯФе С. П. Капица сделал доклад о феноменологической модели роста народонаселения мира (статья на эту тему опубликована в журнале «Математическое моделирование», т.4, №6, 1992).

Доклад вызвал большой интерес, о чем свидетельствует необычно большое количество гостей семинара и многочисленные вопросы докладчику. По справедливому замечанию С. П. Капицы, все считают себя специалистами в демографии (не исключая и автора этой заметки).

С. П. Капица рассматривает народонаселение мира как единое целое, систему, развивающуюся по своим собственным закономерностям. При этом осредняются все локальные и временные отклонения, происходящие в разных регионах мира: социальные, экономические, экологические факторы участвуют в процессе только неявным образом.

Для построения математической модели нужно использовать демографические данные, известные более или менее достоверно, начиная с XVII века; для более древних времен известны оценки (расходящиеся в 2-3 раза) вплоть до момента около 2 млн. лет тому назад, когда жило около 100 тысяч человекоподобных существ. За весь этот период времени количество людей на Земле можно описать простой формулой: $N(\text{млрд}) = 200 / (2025 - T)$, где T — год от начала Новой эры.

Очевидно (но невероятно), что, если дальше следовать этой формуле, в самом недалеком будущем, через 30 ± 10 лет численность человечества должна стать бесконечно большой. Это означает, человечество достигло некоторого критического рубежа в своем количественном росте, для описания которого нужно изменить формулу для скорости роста численности населения:

$dN:dT$ (млрд/год) — $200 : [(2025 - T)^2 + t^2]$, где величина $t = 40$ лет (в предыдущей формуле $t = 0$).

Эта формула:

1) не отличается от предыдущей в описании численности населения вплоть до начала XX века;

2) более или менее соответствует данным о численности населения в XX веке, хотя при более подробном рассмотрении видны спады численности, вызванные Первой и Второй мировыми войнами;

3) говорит о том, что в районе 1993 года достигнет максимума (около 2% в год) относительный годовой прирост численности населения Земли, после чего он начнет быстро снижаться. Сама предсказанная величина относительного прироста в настоящее время соответствует демографическим данным ООН, но только через несколько лет можно будет проверить справедливость утверждения о ее уменьшении в будущем;

4) предсказывает стабилизацию к концу следующего века численности населения Земли на уровне около 15 млрд человек (сейчас около 5,5 млрд).

Предложенная модель является, конечно, феноменологической. Она не рассматривает неизвестные в настоящее время механизмы процесса, поэтому ее предсказательная сила ограничена. Однако, в ее пользу свидетельствуют демографические данные о динамике численности населения в отдельных странах, которые проходили за несколько десятков лет этапы высокой скорости прироста, а затем стабилизации численности населения. Это не только «развитые» страны (Швеция, Германия, США), но и такие «развивающиеся» страны, как Маврикий, Шри-Ланка, Коста-Рика.

В ближайшем будущем мир, несомненно, войдет в эпоху стремительных изменений. Можно ожидать появления значительных неустойчивостей, подобных тем, которые проявились во время Первой и Второй мировых войн. Тем не менее, как считает С. П. Капица, несмотря на все возможные локальные войны и конфликты, давление со стороны окружающей среды, человечество стабилизирует в ближайшие столетия свою численность на уровне около 15 млрд человек, развиваясь по своим собственным законам.

Ответы на вопросы (в изложении)

1) Развитие человечества идет не по обычным биологическим законам. Человек — это осо-

бое животное: оставаясь одним биологическим видом, за 2 миллиона лет он занял весь земной шар, и численность его на несколько порядков больше, чем численность любого другого вида, имеющего близкий размер (волки, обезьяны и так далее).

2) По мнению С. П. Капицы, ресурсы не ограничивают развития человечества в целом, возможно только локальное ограничение развития того или иного сообщества. Причина насыщения численности человечества — скорее в системном изменении характера поведения людей. Те же процессы, которые управляли развитием человечества в прошлом, теперь суммируются каким-то другим способом, что и приводит к ограничению численности. Не надо думать, что это какая-то сознательная воля людей, желание или нежелание иметь детей и так далее.

Есть и противоположная точка зрения, которая называется неомальтузианством, и которую развивала первоначально группа ученых «Римский клуб», утверждающая, что развитие человечества будет ограничено в ближайшее время недостатком ресурсов.

3) Вопрос о переходе к насыщению численности сейчас не оспаривается, спорят о причинах, о сценариях, о возможных числах. Существующая теория есть только первое приближение, примитивная схема, в ней нет критерия неустойчивости, однако исходя из предшествующего опыта и общих соображений можно предполагать неустойчивость развития в переходный период. В худшем случае неустойчивость может носить характер катастрофы, предсказать ее невозможно, но подобные случаи в истории известны. Например, Первая мировая война разразилась в период экономического благополучия в Европе (в том числе, в России, где производство возрастало со скоростью 10-12% в год), но в то же время это был критический период с точки зрения демографии — переход к стабилизации численности населения в Европе. Наибольшие потери во время таких кризисов несет гражданское население — из-за разрушения инфраструктуры общества, нехватки тепла, голода и болезней. После Первой мировой войны только от одной эпидемии гриппа («испанки») потери достигли 20 млн. человек, столько же, сколько погибло на фронтах.

4) На вопрос о том, не видит ли он вмешательства Бога в развитие человечества, С. П. Капица повторил ответ Лапласа Наполеону по поводу книги «Небесная механика»: «Сир, я в этой гипотезе не нуждаюсь».

Что касается возможности самого человечества разумно управлять своей численностью, С. П. Капица сказал, что из-за сложности системы это вряд ли возможно, скорее можно сделать хуже. Тот сценарий развития, который работает на протяжении 2 млн. лет, есть, по существу, выражение всего коллективного опыта людей. Разум человечества мог бы заключаться в том, чтобы гасить любыми методами возникающие неустойчивости, чтобы избежать катастрофического развития событий.

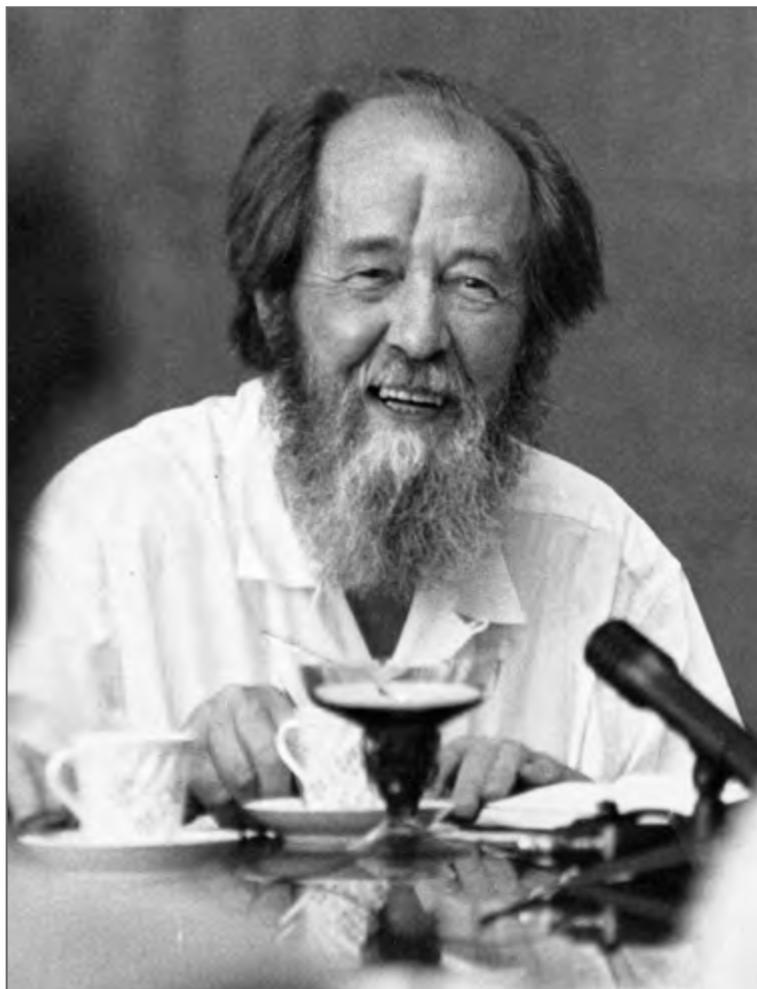
5) Еще недавно глобальные проблемы народонаселения считались неприличными для обсуждения не только в нашей стране, но и на мировом уровне из-за возражений развивающихся стран, католической церкви и некоторых других групп. Однако в самые последние годы ситуация начала меняться, и, например, сборник, посвященный экологической конференции в Рио-де-Жанейро, открывается очень аккуратно и четко написанной главой о демографических проблемах.

Доклад С. П. Капицы обсуждался во многих местах: в ЦЕРНе, в Кембриджском университете в Англии, на встрече бизнесменов и политических деятелей в Давосе. Был успешный доклад на семинаре у Пригожина, ведущего специалиста по сложным самоорганизующимся системам. Было обсуждение проблемы с профессиональными демографами, довольно серьезная и разнообразная критика с их стороны. Основная сложность в этих разговорах — непривычный для демографов системный подход, благодаря которому можно описать поведение сложной системы с помощью небольшого числа параметров и предсказать таким образом, не вдаваясь в детали, прошлое системы, а в какой-то степени и ее будущее.

*Подготовил к печати С. Мишев.
Фото В. Петрова.*

«Ваш институт в беде, но не в катастрофе»...

*28 июня 1994 года гостем нашего института
был А. И. Солженицын.*

Основная часть встречи, которая продолжалась немногим более двух часов, проходила за круглым столом, а завершила ее традиционная экскурсия на ияфовские установки. Александра Исаевича сопровождал председатель президиума Сибирского отделения РАН В. А. Коптюг, депутат Госдумы Ю. П. Лукин, вместе с Солженицыным был его сын Ермолай. Как обычно, на таких встречах присутствовало много журналистов, среди них выделялись своей раскованностью тележурналисты Би-Би-Си.

Программа трех дней пребывания Солженицына в Новосибирской области была до предела насыщена встречами, аудитории самые разные, но везде разговор неизменно возвращался к главной теме — судьбам России.

А встреча в нашем институте началась с небольшой заминки, вызванной тем, что гости, вопреки ожиданиям, не только не опоздали, но приехали даже немного

раньше. Пока собирался ияфовский народ, Александр Исаевич высказал свои пожелания о том, как бы ему хотелось построить эту встречу.

— Я собираю самые разнообразные сведения, поэтому езжу вот с этим «талмудом», — показал он довольно объемистую тетрадь, — куда все это записываю. Потом обрабатываю, классифицирую, чтобы получить как можно больше материала для советов, рекомендаций.

Если можно, давайте построим нашу встречу так, чтобы члены ученого совета говорили о чем им угодно — высказались бы о своей работе, о своей жизни, поделились своими планами и соображениями по самым разным вопросам.

Это предложение было охотно принято. Как водится, вначале Вениамин Александрович Сидоров, заместитель директора института (А. Н. Скринский был в это время в командировке), коротко рассказал об истории создания ИЯФа, основных направлениях проводимых исследований и их прикладных использованиях. Более подробно Вениамин Александрович остановился на тех принципах, которые определяют стиль ияфовской жизни:

— Мы сюда переехали, чтобы быть менее зависимыми от Москвы, и не только от бюрократии, но и от промышленности. Основная идея создателя института и его первого директора Андрея Михайловича Будкера — получить возможность создавать и реализовывать свои идеи самостоятельно. И первое здание, которое было построено у нас, было здание мастерских. Эта направленность развивалась постоянно, сейчас внутри нашего института целый завод. Но чтобы быть по-настоящему независимыми, нужно еще иметь и деньги. И вот делают деньги для института наши прикладные работы.

Еще в 1966 году Будкер получил от правительства уникальное разрешение использовать наши достижения для того, чтобы делать оборудование для промышленности, для науки и продавать по договорным ценам. Кроме того у нас не был ограничен фонд зарплаты. То есть уже в то время у нас была возможность следовать основным принципам рыночных отношений. Наш институт в то время нарекали капиталистическим.

А вот сейчас нас называют островом социализма, потому что деньги принадлежат ученому совету, а исполнительный орган — дирекция. Тот, кто заработал

деньги, никаких преимуществ не имеет: мы живем одной командой. Это значит, что зарплаты определяются квалификацией вклада человека в общее дело. В каком-то смысле это есть внутренний социализм.

Довольно быстро после получения правительственного разрешения мы начали осваивать возможности, которые оно давало. Наше главное направление в этом были промышленные ускорители и электроника. В настоящее время мы потеряли весь свой внутренний рынок, наше оборудование внутри страны никому не нужно. Люди думают о сегодняшнем дне, а то, что производим мы, даст выход через несколько лет, это инвестиции в тяжелое оборудование.

Но к этому времени мы уже в какой-то степени освоили зарубежный рынок. И сейчас ускорители поставляются только за рубеж. Главным нашим импортером является Китай, два ускорителя работают в Японии, корейцы тоже приобрели ияфовские установки.

Другим источником валюты для нас до прошлого года были контракты для огромного ускорителя, который строился в США. Но в конце прошлого года американский сенат закрыл этот проект.

Дальше разговор зашел о самом больном для института — и не только для него — а, пожалуй, для всей российской науки, о финансировании.

В. А. Коптюг: По содержанию финансирование Сибирского отделения за последние годы уменьшилось в шесть раз. В этих условиях мы не способны отправлять оборудование, практически остановлено строительство.

А. Д. Хильченко (научный сотрудник ИЯФ): Когда утверждается бюджет страны, наука попадает в сферу социально незначимых и финансируется по остаточному принципу. В итоге коллективы, подобные нашему, вынуждены зарабатывать сами. Когда существует программа, связанная со строительством большого физического комплекса, как у нас, например, ВЭПП-5, где задействован весь коллектив и это продолжается несколько лет, то возникают серьезные проблемы. И чтобы решать эти проблемы, мы обобществляем все, что зарабатываем, и стараемся жить по социалистическому принципу.

В нашем разговоре звучит в основном экономическая тема, и это понятно. Сейчас институт за счет бюджетного финансирования получает примерно сорок процентов от того, что ему необходимо. Все остальное приходится зарабатывать, чтобы обеспечить необходимый уровень фундаментальных исследований.

В. А. Коптюг: У нас всегда по Сибирскому отделению была очень тесная связь с промышленностью. Если бы рынок был нормальным и стимулировал производителя, тогда спрос бы рос. А когда производить практически все — себе в убыток, кто же будет этим заниматься. Среди предпринимателей производителей практически нет, а предприятия, не получая прибыли, тоже разваливаются. Производство на всех уровнях катастрофически падает. Спроса на нашу высокотехнологичную продукцию внутри страны практически нет.

А. И. Солженицын: В аудиториях разного интеллектуального уровня и разной высоты все сводится к определенному недовольству: действительно, Россия в крупной беде. Но, судя по тому, что здесь сказано, ваш институт в беде, но не катастрофе. Все-таки вы выстаиваете, чего нельзя сказать о многих других. Вы далеко не в худшем положении, и это очень радует.

В. А. Коптюг: Весной мы проводили общее собрание и решили друг другу не жаловаться, а посмотреть — есть ли еще у нас наука. И с удовольствием отметили, что наука в Сибири живет и дает очень хорошие результаты. Но все дело в том, что мы проедаем то, что было вложено раньше. Мы начинаем терять подпитку со стороны молодежи. В таком состоянии относительно эффективно мы можем работать год-два, после этого начнется разрушение научных школ, разорвется связь поколений. Школы пойдут на убыль, потому что мы теряем довольно много людей: они либо уходят в бизнес, либо уезжают за границу. Вообще говоря, мы стоим на краю гибели.

А. И. Солженицын: Это сейчас во многих областях нашей российской жизни, что держимся по инерции еще какое-то короткое время. Конечно, время нас не щадит, и больших сроков нам не отпущено. Можно только удивляться, что во многих местах, подобно вашему институту, еще продолжают держаться.

А во что мы превратились в национальном смысле, потеряв двадцать пять миллионов человек и не заботясь об этих потерях? На многих встречах мне приходилось слышать: «Ах, зачем мы начинали эту перестройку, все было как-то налажено». Но вот сейчас приходится как-то сразу расплачиваться за многое. Вот такой невероятный психологический удар полного разрушения представлений о том, как мы живем, как жить и что же делать, уже был в нашей стране в тридцатом-тридцать первом году. Это был удар, совершенно сокрушающий по народной психике, по психике интеллигенции. Невозможно было пройти эту отравленную зону, казалось, все кончено.

Многие испытывают подобное сейчас, считая, что это уникальный случай. Нет, не уникальный. Вот так получается в жизни отдельных людей, и отдельных семей, и иногда — отдельных народов: создаются до такой степени неудобные, неуютные — слова не найдешь — напряженные, невозможные условия, которые надо пройти, если мы еще живем. Надо найти в себе душевные силы, и хотя, может быть, наука очень страдает, но тут-то и душевные силы большие, а в других местах и душевных-то сил нет — испытания нечем выдерживать. Очень тяжелое состояние — что говорить!

В. А. Коптюг: Когда мы выступали от Сибирского отделения, всегда подчеркивали, что у России без образования, без науки и культуры нет будущего. И те руководители, которые не заботятся об этих сферах, не думают о будущем. Но если сравнивать нашу систему образования и западную, то вырисовывается следующая картина.

Получив среднее образование за границей, ни в

один вуз в России не поступишь: образование предвузовское там чрезвычайно низкое. Как же оценивают наших специалистов за рубежом. Все в один голос отмечают высокую теоретическую и экспериментальную подготовку и умение делать все своими руками. Не нужно, как там принято, приглашать специалистов, платить деньги — русские ребята все сделают сами. Здесь другая начинается проблема: наши ребята отзывчивы и всегда готовы помочь соседу, а их начинают на этом сильно эксплуатировать. В итоге остается значительно меньше времени на научную работу.

А. И. Солженицын: Я с вами совершенно согласен и хочу сказать, что в американском образовании, имеются в виду не привилегированные учебные заведения, как в средних, так и в высших учебных заведениях перевесила установка на самостоятельное решение учениками частных задач. И это привело к тому, что они изучают так называемый проект, то есть их ставят перед какими-то задачами, которые они должны решить — кажется, что это развивает самостоятельность, но с другой стороны, у них совершенно утеряна общая система знаний. В итоге получают какие-то клочки.

Мы свою систему образования ругали, но прежде всего за оказывание невыносимое, и это касалось больше гуманитарных наук. Мы ее ругали, а она была высока.

Кто-то из присутствующих заметил, что по официальной статистике даже сейчас Россия стоит на пятом месте в мире по качеству образования, тогда как Америка — на тринадцатом, а на первом — Тайвань, Япония.

А. И. Солженицын: Да, я был в японских школах и могу подтвердить, что система знаний у них строго соблюдается.

— *Александр Исаевич, на российском уровне какой опыт Вы находите правильным, положительным? Есть ли соломинка, за которую можно цепляться? Что Вас поразило в положительном отношении и в отрицательном, когда Вы приехали в Россию?*

А. И. Солженицын: Последние три года, когда мы определили время своего возвращения, я завел систематическую картотеку по изучению современного положения в России. Туда я заносил все поступавшие сведения, напряженно следил за тем, что делается. И с этим приехал. Я могу сказать, что ничем поражен не был. Все мои умозрительные представления оказались абсолютно адекватными. Но что меня очень порадовало на общем пессимистическом фоне, так это то, как много здоровых душ, ищущих приложения, деятельных, но в смятении, не знающих точно, как себя приложить и что делать. То есть несомненный народный духовный потенциал еще очень велик, и это нельзя уловить в Вермонте через газеты и радио. Вот это — одно-единственное — меня очень порадовало. Сказать, что я нашел какое общественное явление, которое бы меня порадовало, не могу, не нашел.

Все находится в тяжелейшем состоянии, где кри-

зисном, где — бедственном. Что советовать людям? Единственное, что я последовательно излагаю во всех аудиториях, и о чем говорил в своей брошюре «Как нам обустроить Россию?», это, коль скоро нам дают реальную возможность выбора, то делать его надо ответственно, активно и умело. Я до сих пор считаю, что пока нет альтернативы той, может быть, несовершенной схеме, которую я предложил в этой брошюре, схеме выборов только на местном уровне, где людей знают по их делам, поступкам, характерам. Когда они поработают на этом местном уровне, из своего числа они выбирают делегатов в районные органы — и так до центральных органов. Это займет времени никак не меньше восьми лет, но мы уже потеряли просто так девять лет. С 1985 года мы несем одни потери, с самого начала не было предложено и осуществлено никакого разумного выхода, а все делалось самым тяжелым, самым неуклюжим путем. Так что, может быть, восемь лет — не так уж много. Я призываю людей ко всякого рода организационным объединениям — территориальным, профессиональным, кооперативным, в смысле создания проекта любого дела, маленького или большого.

Чего у нас нет? Нас на Западе уверенно клеймят за отсутствие народной инициативы, за несамостоятельность. Я долгое время занимался историческими исследованиями и думаю, что наш народ в принципе не таков. Была у нас самостоятельность. И ее блистательно проявил наш народ в смутное время в XVII веке. Последующие события нашей истории постепенно отучали наш народ от самостоятельности. Но природно мы не таковы, мы можем проснуться. К сожалению, очень много упущено за эти девять лет — апатия народная, массовое неучастие в выборах, какие-то дикие референдумы и дикие их результаты. Мы этим себя сильно подрубили, и сейчас нам приходится выбирать не только из заржавленного семидесятилетнего коммунизма, но и из девяти лет полосы ошибок, ошибок и ошибок. И это очень тяжело!

Я думаю, что для ученых российских есть какие-то высшие способы воздействия на ход нашей истории, потому что в ваших руках — что-то сделать для того, чтобы не погибла наша наука, не погибло наше высшее и среднее образование. Нужно продержаться, может быть, дольше того времени, на которое вам кажется рассчитаны ваши силы. Продержаться до того времени, когда начнется какое-то оздоровление в политической сфере, которая очень больна. А об экономической и говорить нечего! Что следствие чего — трудно понять. Нравственно сотрясена наша сфера. Хотя каждый человек, естественно, вынужден заниматься проблемами экономическими, потом на досуге — политическими, но нравственное падение наше самое угрожающее. Если мы не выберемся из него, то вообще не знаю, что будет.

Самое страшное то, что не очищена наша нравственная атмосфера. Не было, как в Германии, ни судов, ни покаяний, ни отрицания своего прошлого.

У нас все осталось на прежних местах и болезненно переросло в новое состояние, умело приспособляясь к новым условиям. Мы потеряли двадцатые числа августа 1991 года, мы потеряли свободный раскованный путь выхода. Все было заброшено, во всем были сделаны ошибки — мы расплачиваться будем долго.

Допущена такая коррумпированность аппарата, что распространилось сплошное жульничество, презрение к труду, отсутствие всяких примеров для молодежи. Она же видит этих угнетателей, негодяев, палачей, которые были, не раскаялись и прекрасно устроились. Она видит сегодняшних жуликов, которые заняты исключительно игрой то на валютных курсах, то на взятках, то на разграблении недр — и хорошо живут. Нарушается иерархия семьи, где мальчишка может заработать за два дня то, что отец не может заработать за месяц. Что говорить — положение просто катастрофическое.

Г. Н. Кулипанов: Ваше посещение Китая, хоть и недолгое, не вызвано ли желанием сравнить китайский вариант реформ и российский? Есть социальный закон, который гласит, что невозможно одновременно перестраивать политическую и экономическую структуры. Обратные связи, которые возникают, отрицательны и разрушают обе системы.

А. И. Солженицын: Я хотел взглянуть собственными глазами на кусочек Китая, особенно по сравнению с Благовещенском. Видно, что город напротив Благовещенска быстро растет экономически. Что касается

того социального закона, о котором вы упомянули, то боюсь, что да. Как бы ни хотелось нам отделаться от прежней своей системы, вероятно, было бы разумнее начинать только с экономики.

Могу вам передать, что этот вопрос обсуждался еще в 1946-1947 году во время тюремных дискуссий, где я присутствовал, будучи молодым офицером. Уже тогда нам всем было ясно, что коммунизм потерпит крах. И во время этих дискуссий обсуждался вопрос, как из него выходить. Разумные люди с жизненным опытом говорили следующее: нужно оживлять только экономическую сферу, не разваливая всей этой ужасной, нелепой, безрассудной системы. Нужно начинать с самых низов, через маленькие земельные участки, маленькие мастерские, маленькие магазины — так, чтобы люди наелись, оделись, поправились, и постепенно оживлять систему снизу вверх. Этот совет нам некому было дать. Говорившие это — давно уже в земле. Я этот совет запомнил и с тех пор убедился в его правильности.

Когда разговор за круглым столом зашел о политической сфере, естественно возникло желание послушать депутата Госдумы.

Ю. П. Лукин: Дума у нас далеко не идеальная, но иной она и не могла бы быть — она такова, каково общество. Сейчас его состояние иное, чем, например, в девяностом году. По партийным спискам в Думу прошли люди, которые в ином случае туда не попали бы: они не популисты, они — работники.

Теперь давайте посмотрим на Думу и на Совет Федерации. Кто ведет себя по-деловому? На мой взгляд, все-таки Дума. Взять бюджет, можно сколько угодно говорить о том, что надо увеличить тому-то и тому-то, но как это сделать? Аграрии рвут на части, ВПК рвет на части и так далее. Доходная часть бюджета 124 триллиона рублей, и совершенно очевидно, что этого не будет, при таком спаде производства. В лучшем случае будет собрано процентов 60. После преобразования бюджета нам удалось выбить несколько сот миллиардов на науку. В чем порок такого бюджета: он сделан не под реальную перспективу, а есть результат лоббирования. Когда выбирают не по партийным спискам, а по индивидуальным — выбирают лоббистов. Чтобы Дума больше заботилась о национальных делах, а не о региональных проблемах, все-таки выбирать нужно по партийным спискам.

Слухи о том, что Дума хапает только для себя, не обоснованы: машин у депутатов нет, а есть только у председателей комитетов. Получают депутаты в среднем 600-700 тысяч.

Теперь о китайском опыте. Да, Китай развивается успешнее. Но это — их опыт, да и мы уже далеко ушли. Китайский опыт не надо переоценивать, потому что есть проблемы, которые не разрешимы для Китая:

демократическая и экологическая. Я думаю, что нам нужно выбирать наш путь на основе того, где мы реально сейчас стоим со всеми нашими ошибками: довольно нахватывать чужой опыт.

В. А. Коптюг: Слушать науку сейчас никому не интересно. Это связано с тем, что за спиной у власти стоят очень крупные силы. Мы много знаем, например, знаем все месторождения в Сибири, знаем экологию. Но лишь только, скажем, ставится вопрос о функционировании Лензолота, нас близко к этому не подпускают.

Ю. П. Лукин: Если вы выступите с независимой экспертизой — как минимум хуже не будет.

В. А. Коптюг: Что произошло сегодня? И Минфин, и Министерство экономики заложили финансирование ступенчатое, по нарастающей. За полугодие мы получили только четверть денег, которые обсуждались.

Ю. П. Лукин: Если нам предоставят проект бюджета на следующий год к середине сентября, Дума соберет всех экспертов и тогда можно подготовить реальный бюджет — принимайте участие.

В. А. Сидоров: Нам большой ущерб наносит призыв в армию. Армию сокращают, некуда девать офицеров, а у нас забирают молодых ребят, в которых мы уже много вложили.

Ю. П. Лукин: Это следствие отсутствия реформы в армии: она до сих построена по советскому принципу. Дума может воздействовать в нынешней ситуации лишь одним способом: только через бюджет, который еще очень трудно контролируется.

А. И. Солженицын: Для этого еще надо перестать защищать Таджикистан от Афганистана и решать вопрос, кому в Таджикистане быть у власти. Как минимум, надо кооперироваться с Казахстаном в защите южных границ Казахстана. Зачем нам Средняя Азия? Это не наша страна, это несчастные завоевания конца XIX века. И мы должны уйти из этого мусульманского мира.

Я в Казахстане был в ссылке и вполне представлял, что в случае чего, нам, немногим русским, придется отсюда выходить. А ведь казахи — самый добродушный из всех среднеазиатских народов. Но они — иной мир, и сегодня они это показывают. Будучи сорока процентами населения, измываются над шестьюдесятью процентами. И весь мир замечает это. Национальный вопрос — это отдельный, самый сложный вопрос, который добавочно будет нас мучить много времени. Легко сказать, мы признаем границы. А границы-то все были ленинские, фальшивые, проведены как попало, без всякого учета этнического принципа.

Нужно было сказать: этих границ мы не признаем, и при любых переговорах напоминать, сколько наших областей кто взял. Мы же проявили такое миролюбие, которого не знала мировая история. Нужно было хотя бы проявить твердость и говорить об этом.

Г. Н. Кулипанов: В последние два года Европа не выглядит как крепкий единый организм...

А. И. Солженицын: Не последние два года, а гораздо раньше. Обаянная философией просвещения XVIII столетия, Европа уверенно шла ко всечеловечеству без различия наций: нации должны отмереть и их не будет. К этой ложной идее шли до двадцатого века, а в двадцатом веке повсюду в мире нации стали бурно возрождаться и национализм бурно прорастать.

Я не считаю возрождение наций пороком. Наоборот — я считаю это благом для человечества. Нации — это цвет человечества. Но, увы, в двадцатом веке смешалась национальность и государственность. Да, нации должны развиваться всемерно, сохранять свою культуру, свой быт и традиции. Государственность идет в другом направлении — она идет к объединениям, всеевропейским, например. Наша страна — пример объединения наций. К сожалению, эти все автономии построены на путанице между национальным и государственным. И то, что сегодня наши республики, вроде Якутии, требуют, чуть ли не отделения — это безумие.

Это опасная ошибка — смешение национальности и государственности. Государственность должна идти к объединению, и наша страна должна идти только к объединению. Оставляя национальные, культурные автономии необходимо прекратить эти все дотационные республики, их права — все должны быть на рав-

ных правах.

— *А общий дом уже не фигурирует?*

А. И. Солженицын: Вот это и есть Европа — отечество. А мы? Нас трудно отнести к Европе или к Азии. Есть мир мусульманский, есть мир китайский — а есть российский, непобедимые национальные миры растут в мире. Мы — совершенно отдельный огромный мир, со своими национальными традициями, со своей тысячелетней историей. В двадцатом первом веке придет время — и другие страны будут искать союза с Россией.

— *Наше прошлое государственное устройство было бюрократизировано, а как теперь?*

А. И. Солженицын: Безумно растет бюрократический аппарат. Это от того, что в 1991 году не произошло оздоровление, номенклатуре дали возможность опомниться, перестроиться и снова войти в силу, но уже в переплете с коммерческим отребьем, с подкупленным чиновничеством и уже с прямым преступным миром. Страшнейшая вещь! У нас сейчас не демократия, у нас — олигархия. Как мы будем из этого выходить — не знаю.

— *Когда Вы приедете домой, в Москву, то увидите, что она очень оторвалась от интересов всей страны. Разрыв этот продолжает расти, недоверие к Москве на местах нарастает лавинообразно.*

А. И. Солженицын: Я согласен с вами полностью. Я знаю это еще по опыту моей жизни в Советском Союзе, в провинции. И это сейчас ухудшается. Это меня безумно тревожит. Я хорошо понимаю, что меньше всего могу найти сочувствие и понимание в Москве. Собственно, поэтому я и начал не с Москвы, потому что приедешь в Москву, эту загруженную, вздорную атмосферу, оторванную от боли народа, так вообще ничего не проверишь и не найдешь. И провинция понимает, насколько Москва чужда ее интересам. Я слышал это во многих местах. Ощущение безнадежности и потерянности в провинции всюду и везде.

Встреча подходила к концу, Александра Исаевича уже ждали в другом месте. Но люди, сгрудившись вокруг Солженицына, продолжали задавать вопросы, подавали его книги с просьбой оставить автограф и вдруг кто-то громко сказал: «А вы так похожи на нашего первого директора!» — вызвав новый взрыв оживления. Действительно, было какое-то сходство между этим человеком и стилизованным портретом Будкера на стене зала заседаний ученого совета. Возможно, это даже не столько внешнее, сколько внутреннее родство — умение проникнуть в суть событий, видеть перспективу, мудрость и прозорливость. Может, поэтому так тянутся к Солженицыну люди, так раскрываются в общении с ним, так верят ему.

*И. Онучина.
Фото В. Баева,
В. Крюкова.*

«Хороший фильм в России и в Америке — это далеко не одно и то же»

28 июня 1995 года Андрей Михалков-Кончаловский побывал в гостях у ияфовских физиков.

По приглашению агентства «Афина Паллада» и Эстетического центра Новосибирского отделения Российского фонда культуры наш город недавно посетил кинорежиссер и сценарист Андрей Михалков-Кончаловский. С его творчеством кинозрители знакомы давно — первый фильм «Мальчик и голубь» вышел в свет в 1962 году, он также поставил фильмы «Первый учитель», «История Аси Клячкиной...», «Дворянское гнездо», «Дядя Ваня», «Романс о влюбленных», «Сибириада», «Ближний круг», «Курочка-Ряба» и другие.

28 июня 1995 года Андрей Михалков-Кончаловский побывал в гостях у ияфовских физиков.

И уж коли за круглым столом ИЯФа — кинорежиссер, разговор, разумеется, в первую очередь шел о кино. Почему сейчас так мало хороших отечественных фильмов, как в Америке восприни-

мают киноленты о русской жизни, что сейчас мешает свободе творчества, чем определяется успех фильма у зрителей — эти и многие другие проблемы стали предметом обсуждения.

Разделяя мнение большинства присутствующих, дружно выразивших негодование по поводу безвкусной рекламы, заполонившей все и вся, Андрей Сергеевич, тем не менее, высказал следующее:

— Каждый народ заслуживает свою рекламу, как, впрочем, и правительство. Несмотря на чудовищную безвкусицу, реклама МММ достигла своей цели: пьяненький Леня Голубков стал чуть ли не национальным героем. Реклама отражает реальное состояние менталитета народа.

Отвечая на вопрос, действительно ли все его картины, снятые в Америке, посвящены России, и как они воспринимаются американскими зрителями, наш гость сказал:

— Эти картины нельзя назвать русскими в чистом виде. Но я снимал их по своим сюжетам, в основе которых всегда лежит чисто русская философская концепция — борьба добра и зла. В Америке, в отличие от Европы, эти фильмы не имели большого успеха.

Кинопроизводство сейчас требует колоссальных затрат — средняя картина стоит 20-25 миллионов долларов, суммы доходят до 70-80 миллионов. Кроме того, огромные расходы на рекламу. А так как в Америке Дисней Лэнд проник всюду и отношение к жизни у американцев весьма прагматично, то всякое философствование, столь характерное для россиян, исключается изначально. Все это вместе взятое вынуждает режиссеров останавливать свой выбор на беспроектных сценариях: есть определенные стандарты восприятия, и никто не будет тратить огромные деньги, чтобы финансировать фильм, не соответствующий этим стандартам. Я убедился в этом на собственном опыте. У меня была идея сделать фильм об американском национальном герое Торо. Он был глубоким философом, в жизни — человеком весьма странным, мне представлялось, что можно было бы сделать очень интересный фильм. Но никого не заинтересовало это предложение.

Трудное время, переживаемое сейчас Россией, и порождаемые им проблемы, религия, культура, менталитет нашего народа — темы, в силу своей вечной актуальности, не могли быть обойдены. Отмечая своеобразие культуры и российского менталитета, Андрей Сергеевич поделился своими размышлениями о будущем России. Он считает, что идет естественный процесс интенсивного формирования российской деловой элиты со всеми его прелестями — коррупцией, рэкетом и так далее. Наши нувориши принимают в свои ряды всех, не обращая внимания на «родословную», и развитой капитализм в России вполне реален.

И. Онучина.

Фото В. Петрова.

«За новое оружие было заплачено страшной ценой — человеческими жизнями»

30 мая 1996 года И. Н. Головин побывал в нашем институте и провел семинар.

В мае в Дубне работала конференция, посвященная истории атомного проекта. Главная ее задача — осветить разные моменты деятельности российских атомщиков: от создания сырьевой базы до развития отдельных научных направлений.

Игорь Николаевич Головин был в свое время одним из тех, кто принимал непосредственное участие в создании атомного оружия в нашей стране. В начале июня он побывал в нашем институте и провел семинар, на котором рассказывал об истории советского атомного проекта.

— С 13 мая в Дубне проходила пятидневная Международная конференция по истории советского атомного проекта. Было представлено много докладов с нашей стороны и 5-6 докладов иностранных участников. На конференции присутствовали в первую очередь историки, а не непосредственные участники этого дела.

Как же развивались события, отдаленные от нас несколькими десятками лет, как создавался и развивался советский атомный проект?

В 1936 году английский физик Э. Резерфорд говорил, что не имеет ни малейшего представления о том, каким способом можно применять ядерную энергию для практических целей в обозримом будущем. Но открытая в 1939 году Ганом и Штрассманом ядерная реакция деления урана и тория прозорливому физика сразу показала, что это знаменательное открытие. Эта проблема открыто и свободно обсуждалась в 1939 году в разных странах мира. Но американские физики подняли вопрос о том, чтобы не предавать гласности эти материалы. И после грандиозного всплеска публикаций в 1939 году начали исчезать со страниц журналов работы американских и английских физиков.

Французы и русские продолжали печатать статьи и проводить открытые конференции по обсуждению этих вопросов.

Летом того года Харитон, выступая на семинаре в Ленинграде в физико-техническом институте, рассказал о том, что проведенные вместе с Зельдовичем расчеты показали, что эта реакция может протекать во взрывном режиме и для этого нужно всего 10 кг урана-235. При этом взрыв будет такой силы, что, если произвести его над центром Москвы, то в пределах окружной железной дороги все дома будут разрушены, и даже за пределами ее будут заметны разрушения.

Но, чтобы получить 10 кг урана-235, потребуется специальная промышленность, которую сейчас развить не удастся, однако лет через двадцать этого уровня можно достичь. Поэтому в войне, идущей в Европе, это взрывное устройство никакой роли не сыграет. Видимо, так рассуждали и те, кто сидел в Наркомобороне. И Академия наук посчитала, что просить у правительства ассигнования на эти проблемы сейчас не нужно. Даже в ноябре 1940 года в резюме на доклад И. Курчатова по атомному ядру было следующее: надо с годик подождать.

А в это время у Рузвельта уже было письмо, подписанное Эйнштейном, и в Америке начали разворачивать Манхэттенский проект.

У нас в стране было три коллектива, которые изучали атомное ядро. Но наиболее активно эта работа шла в Ленинградском физико-техническом институте. И. Курчатова сразу принялся за решение вопроса о цепной самоподдерживающейся реакции. Но началась война, все ядерные работы были прекращены, физтех эвакуировали в Казань. Ни о каких теоретических исследованиях и экспериментах не было речи.

Иное положение было у США. Они не собирались участвовать в этой войне и активно развивали вопросы применения ядерной физики. В конце 1941 года наша разведка донесла Берии, что в Америке и Англии ведутся интенсивные работы по созданию урановой бомбы. На это Сталин сказал, что это, наверное, шантаж, с тем, чтобы вовлечь нас в значительные расходы и отвлечь силы от военных задач.

Но сведения продолжали поступать. Весной 1942 года пришло третье письмо Сталину от Г. Н. Флерова, который был сотрудником И. В. Курчатова до войны, а сейчас находился в ополчении. Он, волнуясь за результаты своих совместно с Петряком опытов по спонтанному делению урана, напоминает, что об этом забыли, а война развивается. Первое письмо о том, что нужно заниматься урановой бомбой, он написал в Государственный комитет.

Ответа не получил. Заключительные слова: «Я словно бьюсь головой об стенку, но прошибить молчания не могу. Когда враг завладеет этим оружием, а нам ответить будет нечем, будет уже поздно. На этом я кончаю и больше писать не буду». Письмо передали Сталину, и оно возымело действие: в конце 1942 года Сталин решил, что это важно.

Говорят, что он собрал у себя Иоффе, Флерова и Капицу и посоветовался с ними. Физики под-

твердили, что создать урановую бомбу возможно. Иоффе предложил И. Курчатова как руководителя этого дела. Игоря Васильевича вызвали из Мурманска, состоялась его встреча со Сталиным. На раздумья было дано три дня. А. П. Александров посоветовал ему возглавить это дело. 11 февраля 1943 года Курчатова был назначен руководителем работ по созданию урановой бомбы. В апреле в Академии наук было подписано два приказа: один, с грифом «совершенно секретно» — о создании в составе Академии наук СССР лаборатории №2, второй — о назначении профессора И. Курчатова начальником лаборатории №2 Академии наук.

Первыми сотрудниками этой лаборатории были Харитон, Зельдович, Кикоин, Алиханов и Флеров. Они начали писать программы работ. Курчатова написал большую статью, из которой ученым было ясно, для чего нужно делать урановую бомбу (тогда физики мало знали о ней). Затем были привлечены первоклассные математики и крупнейшие организаторы страны.

В течение войны эти исследования мало финансировались, было недостаточно оборудования, но работы шли. Началось создание уранового реактора на природном уране с графитовым замедлителем. В начале 1945 года научились получать тонны сверхчистого графита. Но металлического урана в стране еще не было.

Первая плавка урана была организована профессором Сажиным и З. Ершовой в примитивных условиях лаборатории. Но для получения большого количества урана эта технология не годилась.

Война закончилась. Летом 1945 года американцы провели испытания своей бомбы в одном из отдаленных мест. Эти сведения дошли до Курчатова и насторожили наше правительство. Но главным толчком стала бомбардировка Хиросимы и Нагасаки: советское правительство охватила паника. Физиков непрерывно вызывали на Лубянку и заставляли объяснять, как это можно одной бомбой уничтожить город.

Уже 20 августа Сталин подписал постановление ЦК КПСС об организационной структуре по этой проблеме. Был создан спецкомитет, председателем которого был Берия. Из ученых туда вошли Курчатова и Капица. Одновременно с этим комитетом был создан технический совет, который должен был готовить технические решения и предложения. Исполнительным органом стало Первое управление при Совете министров, которое превратилось в некое министерство над министерством. Во главе его поставили генерала Б. Л. Банникова. Создавались главки для решения от-

дельных вопросов. Все это обеспечило большую оперативность в работе.

Нам, в лаборатории N2, работать было легко. Проблема создания бомбы стала главной задачей правительства: наши предложения принимались и реализовывались быстро. Была организована поездка, сначала в Австрию (я ездил туда) в поисках урана и специалистов, затем в Берлин (сразу после капитуляции). В Германии был уже чистейший металлический уран и тяжелый парафин с дейтерием. Из-за невнимания Гитлера к этому вопросу, немцам не хватило лишь нескольких месяцев для создания цепной реакции.

Лаборатория N2 была местом получения урана-235, вскоре заговорили и о плутонии. Стало известно, что Клаус Фукс в Лос-Аламосе был коммунистом, он-то и стал передавать некоторые данные об американских работах. Но он не был в курсе опытов Ферми, который осуществил цепную реакцию на природном уране с чистым графитом. От кого были получены эти сведения, мы не знаем. Но это был не Фукс.

Первый наш реактор по получению цепной реакции (октябрь 1946 года) был похож по своим параметрам на реактор Ферми. Сотрудники Ю. Харитона в точности повторяли конструкции, добытые разведкой. Зельдович с молодыми физи-

ками развивал теорию. Но для того, чтобы перейти от подкритической массы урана к критической, нужно было увеличить плотность металла. Взрывом это удалось сделать. Сжимаемость этого металла сейчас до 150 г/см^3 — в то время физики и не мечтали о подобном. Наши теоретики пришли к параметрам Ферми самостоятельно.

Не все сведения разведки сыграли положительную роль. Документы говорят о том, что для разделения газов кислорода и азота Харитон предложил центрифуги с большой скоростью вращения и доказал их преимущество. Кикоин с Ланге начали строить центрифугу, но как раз в это время разведка доложила, что американцы отказались от центрифуг и стали применять диффузионное разделение изотопов. Когда мы построили диффузионный завод, оказалось, что не хватает энергии. Лишь тогда стало понятно, что нужно заниматься менее энергоемкими технологиями.

Стейнберг (немецкий физик, работавший в нашей лаборатории) стал развивать теорию центрифуги. Кикоин, зная результаты Стейнберга, разработал уникальную установку по разделению изотопов. До нашего времени кикоинские решения по центрифугам не повторены нигде.

Создание уранового реактора стало неотложной задачей для получения оружейного плуто-

ния. Тогда уже Курчатов говорил, что в реакторе будет выделяться тепло, можно получить пар, а с помощью турбины — электроэнергию. Так могла бы появиться возможность использования атомной энергии для промышленных целей. Но пока не было плутониевой бомбы правительство и слышать не хотело о чем-либо другом. А. Александров уже тогда пытался убедить Берия в необходимости применения атомных реакторов для подводных лодок. Такая лодка может работать месяцами в глубинном погружении, но все было отвергнуто.

В декабре 1946 года был запущен первый пробный реактор Ф1 и получены весовые порции плутония. Был создан Институт неорганических материалов, нужных для атомных реакторов. Начали строить первый промышленный реактор, разработанный Доллежалем. Здесь мы пошли уже по собственному пути. У англичан и американцев каналы с ураном были в виде горизонтальных труб, а у нас — вертикальных. Это решение было весьма успешным: наши реакторы проработали по 30-35 лет, а американцы через три года вынуждены были горизонтальные каналы заменить на вертикальные.

Промышленный реактор к весне 1958 был закончен и летом был запущен на проектную мощность в 100 МВт. Но начались трудности: мы попали в стихию нейтронных полей невиданных интенсивностей. Это поля достигали 10^{13} нейтронов сквозь кв. см в секунду. Никогда такого не было: реактор «закозлило». Блоки урана должны были высыпаться вниз, прямо в бассейн под этим реактором (после работы они были высоко радиоактивными), а оказалось, что блоки не вываливаются — застряли в трубах. Представители Бериевского аппарата сразу заподозрили диверсию. Курчатов немедленно написал письмо Берии, в котором сообщил, что он остановил накопление плутония, так как мы попали в непредвиденную ситуацию, о которой не имели ранее понятия. Пришлось высверливать восьмиметровые трубы. А. П. Александров — талантливый физик и инженер — нашел решение. До этого блоки опирались на три ребра в стенке, зазор между блоком и стенкой должен быть не более трех миллиметров. Сделали пять ребер — и все стало нормально. Блоки сваливались вниз, охлаждались в течение первых недель и теряли радиоактивность, а потом поступали на радиохимическое разделение. Потом плавка,ковка, чтобы плутоний был достаточно пластичным, добавлялись некоторые элементы.

Сталин торопил, и к весне 1949 года был из-

готовлен первый плутониевый шар, разбираемый на две половины, с маленькой полостью внутри, чтобы в нее поместить нейтронный запал (сначала это была ампула с полонием). Когда шар сжимался, то в плутонии-239 появлялись нейтроны, они попадали в ампулу, соединялись с запалом, и начиналась реакция взрыва. Взрывная волна должна быть сферически симметрична — задача трудная. Физики не находили решения. Справился с этой задачей электротехник по образованию молодой В. Камельков.

Итак, весной 1949 года Курчатов доложил Сталину, что можно испытать плутониевую бомбу на полигоне под Семипалатинском. Но необходимо было решить еще одну проблему: если брать готовый плутоний голыми руками, то он окисляется. Надо было подумать о покрытии. Анатолий Петрович Александров был в то время директором Института физпроблем. Он нашел технологию никелирования шара, и первый заряд никелировал лично сам.

29 августа 1949 года прошло успешное испытание. Монополия США в этой области была ликвидирована на пять лет раньше, чем они предполагали. Но это толкнуло Трумэна на развитие водородного оружия. Для того, чтобы изготовить бомбу, изотоп урана-235 должен был составлять 90 процентов. Кикоин тогда получал уже 40-процентное содержание урана-235. Попытались доводить его до 90-процентного содержания на электромагнитной установке, но пришли к выводу, что это неэффективно. Бомбу можно делать, сближая две половины уранового шара, когда периоды распада урана достаточно малы. Но для плутония это не годилось.

1950 год был годом молчания. Харитон получил разрешение у Сталина сделать бомбу по разработкам наших физиков. В 1951 году то, что получилось у него в Арзамасе-16, было испытано. Получилась бомба вдвое меньшая по весу и вдвое большая по мощности. Была взорвана и первая урановая бомба, и первая плутониевая.

Появились идеи создания термоядерной бомбы. В американских журналах говорилось о водородной сверхбомбе. Мы начали разделять на электромагнитных установках литий, но это было очень трудно. Более практичный метод предложили ленинградские ученые, и по их методике стал строиться завод.

Разработку теории водородной бомбы поручили И. Е. Тамму. Аспирантом у него был А. Д. Сахаров, уже тогда удивлявший окружающих своей эрудицией, оригинальностью и продуктивностью

мышления. Наиболее возбудимой была реакция соединения дейтерия с тритием. Для того, чтобы ее осуществить, тритий закладывает в бомбу не надо, а нужно было воспользоваться тем, что нейтроны от Д-Д реакции могут вызвать появление трития при столкновении с литием-6. Поэтому в бомбу было предложено закладывать дейтерий и литий-6. Химики предложили изготовить дейтерит лития — это твердое вещество, а не газ, и он был изготовлен. Сахаров развил теорию «слойки», где чередовались дейтерит лития с ураном и плутонием — это давало наибольший эффект. Расчеты велись совместно с математиками.

Взрыв этой первой термоядерной бомбы («слойки» Сахарова) был успешно произведен 12 августа 1953 года. Мощность этого взрыва была в двадцать раз больше, чем мощность плутониевой бомбы, то есть 400 килотонн. Встал вопрос: можно ли при таких мощностях обнаруживать атомные взрывы, не выходя из института? Кикоин успешно работал над этим. Наши датчики фиксировали взрыв, произведенный на акватории Тихого океана, научились измерять и мощность взорванной бомбы.

Американцы же к этому времени взорвали бомбу мощностью 10 мегатонн. Дейтерий и тритий там были употреблены в жидком состоянии — это была некая криогенная система. Сахаровскую «слойку» в такую мощную бомбу превратить было нельзя. Нужно было искать новое решение. Сахаров вместе с Зельдовичем разработали новый принцип конструирования водородной бомбы, названный Сахаровым третьей идеей. Осенью 1955 года она была готова к испытанию. Мощность этой бомбы можно было наращивать неограниченно, хоть до миллиарда тонн, лишь незначительно увеличивая ее стоимость. Правда, военные не видели смысла в увеличении. Когда во время испытания самолет с этой бомбой поднялся над полигоном, плотные облака закрыли цель, и сбросить ее было нельзя. Единственным же посадочным местом была полоса под Семипалатинском: если бы при посадке бомба взорвалась, город был бы снесен. Военные не решались на такой шаг, Курчатов вынужден был взять ответственность на себя. Посадка прошла благополучно. Через двое суток бомба была, наконец, испытана. Разрушения специально построенных на полигоне сооружений были громадные.

«Я предлагаю тост за то, чтобы наши изделия и впредь успешно взрывались над полигонами и никогда — над городами» — сказал Сахаров на бан-

кете по поводу успешного испытания этой бомбы. Присутствовавший на этом банкете маршал М. Неделин, он возглавлял военных, которые участвовали в этих испытаниях, в ответ усмехнулся и произнес тост, смысл которого сводился к следующему: вы — инженеры, ученые — изобретайте и делайте это оружие, мы же, находящиеся на вершине военной и политической власти, будем сами решать, где и для чего его употреблять.

Эти слова глубоко потрясли Сахарова и стали толчком к осознанию им угрозы атомного оружия для человечества.

Но прозрение пришло позже, а пока Андрей Дмитриевич продолжал совершенствовать это оружие страшной разрушительной силы. На Новой Земле 30 октября 1961 года была взорвана 50-мегатонная бомба: за секунду она выжгла площадь около 30000 квадратных километров. Взрыва такой мощности на Земле еще не было.

Но все острее вставали вопросы морали. Термояд нужно развивать для мирных целей, это проблема всего мира. Мощность атомной энергии должна быть направлена на мирные цели. Сахаров обращается с призывом ко всему человечеству вместе искать пути избавления от нарастающей угрозы. Но эта его деятельность в то время не нашла поддержки, а правительством была расценена как антисоветская.

В заключение семинара Игорь Николаевич рассказал о том, каких жертв стоило создание атомных и водородных бомб. Это было подобно взятию укрепленных высот, когда под огонь врага направлялись батальоны. Только «огонь» здесь был невидимый, но не менее смертельный. На радиохимический завод направляли выпускниц химических факультетов университетов и химических институтов. Работая там, они получали сотни кюри. Никто из них не дожил до 35 лет, никто не имел детей. Когда «закозлил» первый атомный реактор, зависли блоки, в водоем послали водолазов. Им не говорили, что их посылают на смерть. Поработав там и приведя в исправное состояние вышедшие из строя пусковые механизмы, водолазы поднимались вверх, и их сразу уводили в госпиталь. После нескольких дней они умирали, получив под тысячу бэров за несколько часов работы. А сколько жизней унесли урановые рудники! Такова ужасная цена нового явления.

*И. Онучина.
Фото В. Баева*

Гость ИЯФа — Председатель КНР Цзян Цзэминь

24 ноября 1998 года ИЯФ посетил Цзян Цзэминь.

24 ноября 1998 года в ИЯФе побывал Председатель КНР Цзян Цзэминь. Напомним нашим читателям, что последним гостем такого высокого государственного уровня был Президент России Б. Н. Ельцин, посетивший Новосибирск сразу после своего избрания летом 1991 года.

К визиту китайского лидера в ИЯФе готовились серьезно и задолго. Требования к обеспечению его безопасности были предъявлены очень высокие, и доставили немало хлопот тем, кто должен был их выполнить.

В ИЯФе Цзян Цзэминь и сопровождающие его лица должны были появиться примерно в 17 часов, после встречи в Доме учёных. Однако в означенное время гостей не было, что вызвало волнение в рядах встречающих. С Домом ученых поддерживали постоянную связь, и оттуда сообщили, что встреча затянулась, и в наш институт гости придут несколько позже. Действительно, ближе к восемнадцати часам кортеж машин с китайской делегацией проследовал в направлении ИЯФа, но не к главному входу, а ко второй проходной, и, миновав ее, направился к въезду в здание ДОЛ: отсюда, с демонстрации основных плазменных установок, началось знакомство китайского лидера с деятельностью нашего института и его сотрудниками. Не снимая верхней одежды, высокий гость и сопровождающие его лица прошли на установку, где директор института академик А. Н. Скринский коротко рассказал о сути экспериментов, которые проводятся здесь.

В ИЯФе интенсивно развивается одно из направлений в решении проблемы управляемого термоядерного синтеза, основанного на использовании открытых ловушек. В отличие от уже традиционного подхода, использующего замкнутые ловушки типа Токамак, в ияфовских установках плазма удерживается продольным магнитным полем и нагревается с помощью инжестируемых в нее мощных электронных или нейтральных пуч-

ков. Это направление, помимо решения чисто научных задач, является весьма перспективным и для создания нейтронных генераторов высокой интенсивности в интересах материаловедения и будущих термоядерных станций.

От ДОЛа правительственный кортеж подъехал, наконец, к главному входу в ИЯФ, и гости проследовали к залу заседаний ученого совета. Празднично убранный, он являл собой впечатляющее зрелище: российский и китайский флаги, непривычные хрустальные фужеры и кофейные чашечки из тонкого фарфора на круглом столе, смонтированная рядом с ним рентгенографическая установка, ярко-красные шары, напоминающие китайские фонарики, озабоченно снующие в последних хлопотах распорядители встречи... Буквально в последние минуты перед появлением китайской делегации было получено предупреждение о том, что никакого кофе (а как же без него!), никакого чая Цзян Цзэминю подавать нельзя — только и исключительно простую кипяченую воду. Забегая вперед скажем, что Александр Николаевич, следуя правилам русского гостеприимства, предложил — и налил-таки китайскому лидеру (чем вызвал переполох среди оберегающих и опекающих его лиц) чашечку крепкого чая, который тот и выпил с видимым удовольствием.

Но это было чуть позже, а пока делали наипо-

следнейшие приготовления: известно, что перед приходом гостей, как бы вы ни старались, все равно не хватает пяти минут...

А гости уже поднимались по центральной лестнице. Первая их волна в лице теле-, фото- и прочих журналистов в неимоверном количестве захлестнула опережающим валом зал заседаний ученого совета. Вслед за ним — первым валом — последовал второй: без лишних слов помощники и телохранители (в народе именуемые секьюрити) освободили от бесцеремонных журналистов жизненное пространство для своих подопечных и быстро разложили на круглом столе таблички с иероглифами, обозначающими, кто где из членов китайской делегации должен разместиться. Скажем сразу, для демократичного ияфовского глаза это было, мягко говоря, непривычно. И наконец, спокойно и неторопливо, влился в двери зала заседаний ученого совета поток высоких гостей во главе с Цзян Цзэмином и Александром Николаевичем Скринским.

Пока гости осматривались и размещались, секьюрити ещё больше потеснили журналистскую братию, которая в профессиональном экстазе только что на круглый стол не забиралась, и спешила она — братия — не зря... После того, как Александр Николаевич угостил высокого гостя чашечкой чая и произнес первые фразы, повествуя о жизни нашего института, перебивая его, прозвучал командирский голос одного из телохранителей: «Журналистам — спасибо»... И практически всех (за исключением двух — ияфовских — фото- и видеолетописцев) настойчиво и не очень вежливо вытеснили из зала.

После этого, когда журналисты, наконец, перестали мешать, директору нашего института

представилась возможность рассказать гостям о том, какими фундаментальными исследованиями занимается ИЯФ, и о тех работах, которые получили прикладное применение. Состоялся обстоятельный разговор о перспективах развивающегося сотрудничества России и Китая и месте ИЯФа в нем. А эти перспективы весьма значительны. Ведь кроме промышленных ускорителей, используемых при производстве кабелей и термоусаживающихся изделий, для стерилизации медицинского инструмента и в других современных пучковых технологиях, ИЯФ может предложить

ещё и, например, низкодозные рентгенографические цифровые установки с теплым названием «Сибирь». Заканчивая своё выступление, Александр Николаевич выразил надежду на то, что ияфовские физики и их китайские коллеги будут не только обмениваться информацией, но и проводить совместные эксперименты.

Большой интерес у китайского лидера вызвала информация о прикладных разработках нашего института, в частности, о промышленных ускорителях и цифровой низкодозной рентгенографической установке «Сибирь». Четырнадцать промышленных ускорителей уже работают в этой стране. Цзян Цзэминь в 1995 году в городе Чаньчуне ознакомился с работой технологической линии по производству термоусаживающихся изделий. Сердцем этой линии является промышленный ускоритель, поставленный в Китайскую Народную Республику нашим институтом. Дальнейшее сотрудничество в этой области обещает быть очень плодотворным для обеих сторон.

В производстве же «Сибири» в Китае очень заинтересованы. Использование современных методов детектирования рентгеновского излучения и компьютерной обработки собранной информации позволило снизить дозу облучения пациента в 30-100 раз. Такие установки уже начал выпускать один из российских заводов, и их можно встретить в медицинских учреждениях Москвы, Новосибирска и других городов России.

Цзян Цзэминю продемонстрировали принцип работы этой современной рентгенографической установки и рассказали о том, какими преимуществами по сравнению с обычными она обладает. Судя по реакции, «Сибирь» и ее возможности за-

интересовала Председателя КНР, и он даже согласился сфотографироваться рядом с ней.

С не меньшим интересом обсуждалось расширение научного взаимодействия ИЯФа и родственных институтов Китая. Здесь вопросы физики плазмы и физика высоких энергий, ускорители и лазеры на свободных электронах, электронно-лучевые технологии и многочисленные научные и технологические применения синхротронного излучения.

В заключение встречи за круглым столом Председатель КНР — на хорошем английском языке, перемежая его фразами на русском, — поделился с присутствующими своими размышлениями, к которым он часто обращается в последнее время. Ведь проблемы, стоящие перед нашими странами, близки и понятны каждому. Здесь и трудоустройство молодежи, и способность противостоять такому злу, как коррупция, забота государства о благополучии и безопасности своих граждан. Каждая страна в их решении идет своим путем. Однако общим, несомненно, является повышение уровня образования.

Правила русского гостеприимства включают и вручение подарка, напоминающего гостю о хозяевах — эта замечательная традиция также не была нарушена. Александр Николаевич Скринский вручил высокому гостю картину с изображением

ИЯФа зимой. В свою очередь Цзян Цзэминь подарил ему прекрасный альбом китайских почтовых марок.

Визит в ИЯФ завершился эксклюзивным интервью Цзян Цзэминя китайскому телевидению. В нем он, в частности, сказал: «Сибирь — самое известное, самое важное место России. Здесь особенно заметен научно-технический прогресс, без которого общество не может продвигаться вперед. Я приехал сюда, чтобы собственными глазами увидеть высокую науку. Здесь, как известно, работает много специалистов высочайшего класса, особенно в Институте ядерной физики. Это выдающийся институт, и в нем развивают фундаментальные исследования, составляющие основу современной науки. У нас большое будущее. Мы нацелены на него и должны посвятить как можно больше времени для развития научно-технического прогресса. При этом мы должны максимально использовать старый опыт и накопленные знания. У нас есть будущее, и мы на него должны работать!»

Вне сомнения, этот визит послужит делу укрепления научного и производственного сотрудничества России и Китая.

*И. Онучина.
Фото В. Баева.*

Гость ИЯФа — Президент РФ В. В. Путин

17 ноября 2000 года ИЯФ посетил В. В. Путин.

минут. Президент прибыл в ИЯФ после посещения выставочного центра СО РАН. К этому визиту у нас действительно подготовились с большой ответственностью: над главным входом красовался плакат «ИЯФ приветствует Президента России», на ступеньках крыльца — красная дорожка, и, несмотря на все усилия президентской охраны, особо целеустремленные ияфовцы сумели выстроиться в холле и на площадках между этажами, чтобы выразить свою любовь высокому гостю. А отдельные ияфовцы (говорят, даже, ияфовки), отмеченные поэтическим даром, по слухам, успели не то прочесть стихи собственного изготовления, не то пропеть частушку.

Этому событию в институте предшествовало множество подготовительных мероприятий. ИЯФ их благополучно пережил и в означенное время радостно приветствовал высокого гостя. Президента Российской Федерации сопровождали: Президент Российской академии наук Ю. С. Осипов, председатель Сибирского отделения РАН Н. Л. Добрецов, полпред Президента РФ по Сибирскому округу и НГМА Л. В. Драчевский, губернатор Новосибирской области В. А. Толоконский, вице-премьер, министр финансов А. Л. Кудрин, председатель Новосибирского областного Совета депутатов В. В. Леонов и другие.

Вся встреча суммарно заняла примерно пятьдесят

Нужно отдать должное Владимиру Владимировичу, он воспринял это очень хорошо и, опять же по не подтвержденным слухам, даже кого-то расцеловал...

Такой теплый прием не мог не настроить его на положительное восприятие того, что приготовили по этому случаю радушные хозяева, а именно — «Выставки ияфовских достижений». Александр Николаевич Скринский познакомил гостей с содержанием представленных стендов, призванных рассказать о тематике и масштабах ведущихся в нашем институте фундаментальных исследований, их прикладном применении. Нужно сказать, что Владимир Владимирович

уже не впервые оказался некоторым образом «причастным» к ияфовским разработкам: на одном из стендов была фотография, запечатлевшая его в октябре прошлого года в Курчатовском институте на открытии ияфовского детища — «Сибири-2».

После этого высокие гости отправились за круглый стол, где и продолжили общение с узким кругом удостоенных этой чести людей. Со стороны нашего института во встрече участвовали: директор ИЯФа академик А. Н. Скринский, академики РАН Б. В. Чириков, Л. М. Барков, Э. П. Кругляков, чл.-корреспонденты РАН Г. Н. Кулипанов, Г. И. Димов, заведующие лабораториями Ю. А. Тихонов, А. Е. Бондарь, зам. директора ИЯФа Н. А. Завадский, помощник директора ИЯФа по международным связям А. А. Прокопенко.

Обсуждались разные проблемы, в частности, весьма болезненная для ИЯФа — бесконтрольная скупка так называемого лома цветных металлов, ведущая к тому, что, например, у нас в институте невозможно остановить его разворовывание. На все ухищрения администрации народные умельцы всегда имеют в запасе «ответный удар» — их творческий потенциал неисчерпаем и может быть перекрыт только на государственном уровне.

Очевидно, эта проблема актуальна не только для ИЯФа, так как вопль души Ю. А. Тихонова — руководителя КЕДРА, нашей строящейся, многострадальной, многократно и неизменно «раздеваемой» установки по причине наличия в ней этих самых злополучных цветных металлов — обошел страницы многих газет. А начал Юрий Анатольевич свое выступление примерно так: единственное, для чего сейчас созданы условия для развития в Российском государстве, это криминал (имелась в виду, прежде всего, вышеупомянутая проблема). Реакция Президента была вполне адекватной: он предложил А. Л. Кудрину рассмотреть, как вариант решения, государственную монополию на закупку лома цветных металлов и его продажу. (Вероятно, встреча за ияфовским круглым столом не прошла бесследно и внесла свою лепту в решение этой давно наболевшей проблемы: недавно Дума приняла Закон о временном запрете на продажу лома цветных металлов за рубеж.)

Во время беседы Александр Николаевич Скринский передал Президенту документ, в котором были изложены его предложения по поводу финансирования фундаментальной науки в России.

Обсуждался также вопрос о катастрофическом состоянии демографической обстановки в Сибири: население неуклонно сокращается, хотя ресурсный потенциал региона высокий. Это связано с низкой рож-

даемостью, все возрастающей миграцией из Сибири, которую не восполняет приток людей из других районов. Один из обсуждавшихся на встрече вариантов решения этой проблемы был вопрос о правильной миграционной политике по отношению к русскоязычному населению, вынужденному возвращаться в Россию, например, из Казахстана. Речь шла о необходимости создавать условия для того, чтобы эти люди захотели и смогли обосноваться здесь, в Сибири.

Словом, несмотря на то, что встреча за круглым столом продолжалась недолго, были затронуты весьма важные и серьезные проблемы. Общее мнение тех, кто оказался в числе приглашенных, сводится к тому, что общение с Президентом оставило очень приятное впечатление. Он — в хорошей физической форме и, несмотря на то, что только что прилетел из Брунея, уже вполне адаптировался: задавал вопросы, комментировал происходящее и делал обобщения — то есть был активным участником события, а не отстраненным наблюдателем. И очень жаль, конечно, что свидетелей этого было так мало. Более того, люди, которым по долгу службы полагается донести эту информацию до широкого круга, именуемые в народе представителями прессы, сразу и решительно были остановлены на подступах к месту действия... В их числе — впервые за всю десятилетнюю историю существования ияфовской газеты — и редактор «Энергии-Импульс». А эта публикация — изложение со слов вполне заслуживающих доверия очевидцев.

*И. Онучина,
редактор газеты
«Энергия-Импульс».*

*Фоторепортаж
В. Крюкова,
В. Петрова,
А. Шляхова.*

Гость ИЯФа — Председатель Комитета обороны Корейской Народно-Демократической Республики Ким Чен Ир

11 августа 2001 года ИЯФ посетил Ким Чен Ир.

11 августа в нашем институте побывал Председатель Комитета обороны Корейской Народно-Демократической Республики Ким Чен Ир.

На обратном пути из Москвы литерный поезд Ким Чен Ира сделал остановку в Новосибирске. В программе, предложенной северокорейскому лидеру, значилось посещение Академгородка и Института ядерной физики.

После встречи в Доме ученых кортеж доставил Ким Чен Ира и сопровождающих его лиц на территорию ИЯФа прямо ко входу в ДОЛ. Здесь его встречали академик Э. П. Кругляков и член-корреспондент РАН Г. Н. Кулипанов. Они провели гостей в зал плазменной установки. Здесь была подготовлена стендовая выставка. Э. П. Кругляков, выступив в роли гида, познакомил визитеров с содержанием этой выставки, рассказывающей об основных направлениях фундаментальных исследований, которые проводятся в ИЯФе, и их прикладном использовании. Большое впечатление

на гостей произвела плазменная установка. Вся встреча заняла немного времени — около часа. Затем кортеж двинулся в сторону Новосибирска.

В общей сложности поездка Председателя Ким Чен Ира в Москву и обратно поездом продолжалась три недели.

*И. Онучина.
Фото В. Петрова.*

Гость ИЯФа — губернатор Новосибирской области В. С. Толоконский

1 декабря 2003 года ИЯФ посетил В. С. Толоконский.

Виктор Степанович не первый раз в Институте ядерной физики и не понаслышке знаком с его проблемами. Поэтому вполне закономерно, что встреча за круглым столом началась с обсуждения нынешнего состояния финансирования фундаментальных исследований и роли науки в современном обществе.

Оживленную дискуссию вызвали и другие важные вопросы: улучшение качества жизни населения, перспективы развития жилищного стро-

ительства в Новосибирске и молодежные кредиты на жилье, растущий уровень наркомании и способы борьбы с ней — это далеко не полный перечень злободневных тем, обсуждавшихся на встрече.

*И. Онучина.
Фото В. Петрова.*

«Будкер порадовался бы за своих учеников»

В январе 2005 года в ИЯФе провел семинар Р. З. Сагдеев.

Роальд Зиннурович Сагдеев уже много лет живет и работает в США. Он приехал в Академгородок в 1961 году вместе с группой выпускников Московского университета, которых Андрей Михайлович Будкер пригласил работать в только что созданном Институте ядерной физики. Роальд Зиннурович стал академиком в тридцать шесть лет. Многие годы был директором Института космических исследований АН СССР, в свое время входил в команду Горбачева. В конце 80-х годов, будучи в командировке в Соединенных Штатах, познакомился со своей нынешней женой Сьюзен Эйзенхауэр, внучкой президента Дуайта Эйзенхауэра. С 1990 года Сагдеев — профессор Мэрилендского университета, где читал курс физики студентам и продолжал заниматься исследовательской деятельностью.

В конце января нынешнего года Роальд Зиннурович побывал в Москве и на несколько дней приехал в Академгородок. Во время этого визита у него было запланировано несколько встреч, одна из них — с коллегами в Институте ядерной физики. Встреча за круглым столом в зале заседа-

ний ученого совета была очень теплой. «Я уехал отсюда в декабре 1970 года. Но если бы мне двадцать лет назад сказали, что я приеду в Академгородок как американский гость, я бы сказал: вы что с ума сошли — скорее марсианский!» — пошутил академик Сагдеев в начале встречи. Роальд Зиннурович живо интересовался исследованиями, которые ведутся сейчас в институте, и в свою очередь ответил на вопросы о том, каковы в настоящее время его научные интересы. Во время этой встречи спонтанно возникла идея провести Роальду Зиннуровичу институтский семинар, на что гость ответил согласием. Семинар вызвал большой интерес ияфовских физиков: конференц-зал был полон, а в конце Сагдееву пришлось долго отвечать на многочисленные вопросы. На общение с корреспондентом нашей газеты у Роальда Зиннуровича осталось буквально несколько минут после семинара: его уже ждали в другом месте.

На вопрос, как представить его читателям нашей газеты, он ответил — профессор Йельского университета, Герой Социалистического Труда.

— *Роальд Зиннурович, как часто вы бываете в России и, в частности, в Академгородке?*

— В городке не был более двадцати лет, а в Москве в последние два-три года стал бывать все чаще и чаще.

— *Какова цель вашего визита в ИЯФ?*

— Встретиться со старыми друзьями. Есть предмет для обсуждения новых вариантов использования газодинамической ловушки. Я много слышал о том, что делается в плазменной лаборатории ИЯФа, захотелось увидеть.

— *Насколько реальна, на ваш взгляд, перспектива использования термоядерного синтеза для получения тепловой и электрической энергии?*

— Никто уже не спорит, что лет через пятьдесят, если ничего не придумать, будет ощущаться дефицит энергии. Нефть становится дороже и дороже, газа хватит на несколько больший срок, но цена его тоже растет. А потребности становятся все больше и больше, так, Китай за последнее время увеличил потребление энергии на 35%, Индия приближается к этому уровню. Без ядерной энергетики не выжить.

Некоторые оптимисты-экологи считают, что можно задействовать, например, солнечную или другие виды энергии. Но ту экономику, которую

сейчас имеет общество, на этих видах энергии содержать невозможно. Однако у ядерной энергетики есть большие проблемы с радиоактивной безопасностью и с другой стороны — с ее отходами.

Я не верю, что термоядерная энергетика сможет прийти через пятьдесят лет на смену нынешним видам энергетики. Для этого потребуются гораздо больше лет. Создание тандема — реактор деления и термоядерный реактор — гораздо упрощает задачу с точки зрения физики, но остаются инженерные задачи, этот проект — в стадии зарождения.

— *Каковы ваши научные интересы в данный период?*

— Довольно разнообразные. В данный момент — изучение физики жесткого излучения при коллапсе, это должна быть очень интересная физика релятивистской плазмы, есть проблемы физики вспышек новых звезд и связанные с этим проблемы ускорения космических лучей, есть задачи и в термоядерной плазме.

Один проект — огромный сверхпроводящий детектор для частиц космических лучей на космическую станцию весом семь тонн. Такого эксперимента не было в космосе. Кстати, многие сборки делаются в России. В физике высоких энергий открытий не планируется, но всегда появляются какие-то сюрпризы.

Я являюсь консультантом не столько по существу вопроса, сколько по выводу этого сложного

эксперимента в космос. Все зависит от того, когда Шаттл снова будет запущен.

— *Что удалось посмотреть в нашем институте?*

— Я всегда интересуюсь жизнью ИЯФа. О многом мне рассказывали мои коллеги и за рубежом, и те, кто приезжал туда. Я знал, что ИЯФ выжил в тяжелое время — это радует.

Приятно было увидеть знакомые лица, многих своих коллег я не встречал много лет. А основная цель приезда в Россию — празднование 250-летия МГУ.

— *Какое у вас впечатление о праздновании юбилея Московского университета?*

— Оно как-то было раздроблено на разные эпизоды. Я присутствовал только на торжественном заседании в Кремлевском дворце съездов. МГУ в довольно благополучном положении: идет большое строительство, создаются новые факультеты, открыта прекрасная новая библиотека.

— *Что вы хотите пожелать своим ияфовским коллегам?*

— Так держать! Они просто молодцы! Я думаю, что Андрей Михайлович Будкер порадовался бы за своих учеников.

*Беседовала и подготовила к публикации
И. Онучина.
Фото Н. Купиной.*

Гость ИЯФа — директор DESY

А. Вагнер

В мае 2005 года ИЯФ посетил профессор А. Вагнер, почетный доктор СО РАН.

Генеральный директор Лаборатории DESY (Гамбург, Германия) профессор Альбрехт Вагнер (Albrecht Wagner) посетил наш институт.

А. Вагнер — известный специалист в области физики высоких энергий и элементарных частиц. Его работы связаны с исследованием свойств элементарных частиц с помощью встречных электрон-позитронных и электрон-протонных пучков, синхротронным излучением, линейными коллайдерами. В последние годы в DESY под руководством профессора Вагнера с участием нашего института и многих институтов из разных стран был подготовлен технический проект линейного электрон-позитронного коллайдера TESLA на энергию несколько сот ГэВ. Идея такого коллайдера была первоначально проработана в ИЯФе, и сейчас появился большой шанс, что этот проект будет одобрен и реализован в рамках международ-

ного сотрудничества. Профессор Вагнер дал интервью для нашей газеты.

— *В нашем институте хорошо известны работы лаборатории DESY по созданию будущего линейного коллайдера, кстати, два года назад на эту тему Вы делали семинар в ИЯФе. Сейчас ситуация резко изменилась, расскажите, пожалуйста, на каком этапе находится этот проект.*

— *С тех пор, как я был здесь, произошло три важных события. Во-первых, люди из основных финансирующих организаций регулярно встречаются, а это означает наличие интереса к этому проекту в мировом сообществе на политическом уровне. Во-вторых, было принято решение о выборе сверхпроводящей технологии для использования в проекте. И третье, образована международная коллаборация, в которой лаборатории со всего мира объединяют свои усилия. Ее директором выбран Бери Бэриш (Barry Barish) из США.*

— *Где, на Ваш взгляд, наиболее вероятное место строительства линейного коллайдера?*

— *В настоящий момент решение по этому вопросу еще не принято. Международный комитет будет рассматривать так называемые образцы точек строительства, чтобы понять все за и против, и выдаст свои рекомендации.*

— *Могли бы Вы назвать время начала и окончания строительства линейного коллайдера и общую стоимость проекта?*

— *Не могу ничего сказать об оценке стоимости проекта, поскольку ее еще нет. Известна оценка в 3,3 млрд евро для TESLA. Что касается расписания, то к концу нынешнего года планируется разработать основу проекта, в следующем году — концептуальный проект. Если будет принято политическое решение, строительство может начаться в 2010 году.*

— *Какова роль DESY в этом проекте?*

— *Поскольку была выбрана сверхпроводящая технология, независимо от того, где будет строиться коллайдер, роль DESY и европейских партнеров будет очень высока.*

— *Как Вы видите будущее лаборатории DESY в экспериментах на встречных пучках? Сейчас в лаборатории работает коллайдер HERA, когда*

предполагается его остановка и рассматривается ли какой-то проект коллайдера в Вашей лаборатории?

— HERA останавливается в следующем году, после чего DESY сконцентрируется на проекте международного коллайдера.

— Как Вы оцениваете перспективы электрон-позитронных фабрик, в частности, Super-B-factory и С-Tau-фабрики в нашем институте? Как Вы считаете, Ваша лаборатория может включиться в этот проект?

— До тех пор, пока не будут получены окончательные результаты с фабрик SLAK и КЕК, нельзя ничего сказать о новой физике, которую можно исследовать на Super-B-factory, это относится и к

с-т-фабрике. Очень важно, какие результаты будут получены на KLEO.

Это не означает, что работы по созданию проектов этих машин не нужно вести, однако окончательное решение о финансировании должно быть принято на основе экспериментальных данных.

Для DESY наивысшим приоритетом является проект международного линейного коллайдера, и мы пока не планируем участие в этих проектах.

Беседовала и подготовила к публикации

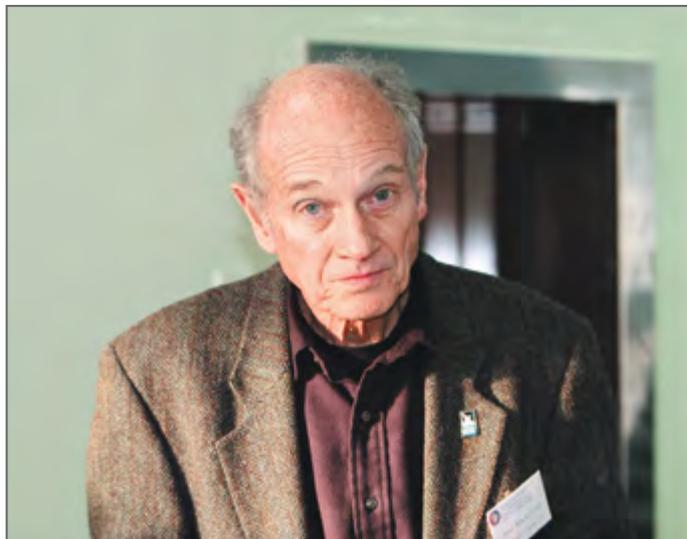
И. Онучина.

Фото Н. Купиной.

Неисповедимые пути прогресса науки

В феврале-марте 2006 года в ИЯФе побывал Д. Кронин — лауреат Нобелевской премии по физике 1980 года.

С 27 февраля по 2 марта ИЯФ принимал Международное совещание, посвященное физике на e^+e^- коллайдерах при низких энергиях. Совещание было четвертым в этой серии, которая началась в 1999 году в нашем же институте и была продолжена в СЛАК — в 2001 и в Пизе — в 2003 году. В работе этого совещания принял участие Д. Кронин, лауреат Нобелевской премии по физике 1980 года. Он дал небольшое интервью для нашей газеты.

— *Господин Кронин, в каком университете Вы сейчас работаете?*

— Это университет в Чикаго, который был создан в 1857 году. Наш университет всегда был силен во многих областях — социальных науках, языках. У него очень высокая репутация в США, может быть, он и не так высоко котируется, как Гарвард или Принстон, но уж точно, на уровне Калтеха (Калифорнийский Технологический институт).

Когда в 1951 году я пришел в Чикагский университет, у меня были замечательные учителя, среди них — Энрико Ферми, Мюррей Гелл-Манн, Марвин Голдбергер и другие. Наверное, в то время это был лучший физический факультет в мире. Позже в университете был некоторый спад, но сейчас его престиж очень высок, особенно в области физики и астрофизики, как в экспериментальном, так и теоретическом аспектах. И для меня это честь — работать в таком университете.

В конце восьмидесятых — начале девяностых годов я занялся физикой космических лучей и перешел с физического факультета на астрофизический, хотя большую часть своей жизни работал в области физики элементарных частиц. В 1992 году мы начали работу над большим экспериментом Auger (Оже), названном в честь выдающегося французского физика Пьера Оже. В нем участвуют физики из разных стран.

— *Расскажите, пожалуйста, подробнее об этом проекте.*

— Нас постоянно бомбардируют космические частицы, некоторые из них — с очень большой макроскопической энергией. Например, самые большие энергии космических частиц, которые были зарегистрированы, примерно равны энергии теннисного мяча при подаче. В настоящее время никто не понимает, как рождаются эти частицы. В 1992 году мы начали работать над созданием большой установки для регистрации таких частиц. Установка представляет собой набор из 1600 счетчиков, расположенных на площади три тысячи квадратных километров, а также нескольких детекторов для регистрации атмосферной флюоресценции.

После тринадцати лет работы мы достигли успеха и действительно построили эту установку в Аргентине совместными усилиями физиков из четырнадцати стран. Нужно сказать, что ни одна из стран не доминирует, например, вклад США значителен, около 20 %, но и он не является определяющим. Сейчас эта установка работает, но мы еще не получили ответов на свои вопросы, однако надеемся, что природа их нам даст.

Этот эксперимент отличается от обычного, лабораторного. Если в лаборатории мы находимся в замкнутом пространстве и взаимодействуем со своими коллегами, инженерами и лаборантами, то в этом эксперименте оборудование находится на обычной территории среди полей и лесов, там работают фермеры и ходят коровы. В связи с этим взаимодействие с местными жителями очень важно. Рядом находится маленький городок, жители которого до этого имели небольшое представление о физике. Мы провели и в школах, и для всех жителей много лекций по физике и рассказали о

нашем эксперименте. После этого в городке открылся планетарий, в окрестностях появилось несколько английских школ.

— *Вы будете рассказывать об этом эксперименте на лекции для студентов Новосибирского университета?*

— Да, это основная тема моего сегодняшнего выступления.

— *Господин Кронин, Вы — лауреат Нобелевской премии по физике за 1980 год. Было бы очень интересно узнать именно от Вас, как проходил эксперимент, во время которого было обнаружено нарушение CP-симметрии: ведь за это открытие Вы и Ваш коллега В. Фитч были награждены Нобелевской премией*

— Я думаю, что это интересный урок на тему, как происходит прогресс науки. Мой коллега Вал Фитч, наш талантливый аспирант Рене Тюрлей и я изучали процессы регенерации нейтральных K-мезонов в веществе. Незадолго до этого подобные эксперименты были проведены в Брукхэйвенской лаборатории с маленькой жидководородной пузырьковой камерой, при этом измеренный уровень регенерации в водороде оказался намного выше, чем предполагалось ранее. Это был очень неожиданный результат. Появилось много теоретических предположений для объяснения этого эффекта (типа «пятой силы» и т. п.). К этому времени я построил очень хорошую систему искровых камер, у нас был спектрометр, и мы решили проверить эту аномальную регенерацию. Размышляя над экспериментом, мы поняли, что можем также заметно улучшить предел на вероятность распада $K_1 \rightarrow 2\pi$ (в то время наилучший предел был 1/300, полученный в России).

Мы провели этот эксперимент, никакой аномальной регенерации не обнаружили и продолжили подробное изучение обычной регенерации. Вначале мы использовали водородную мишень примерно 1 м длиной, потом заполнили объем гелием, чтобы поискать распад $K_1 \rightarrow 2\pi$ с нашими оптическими искровыми камерами. Было сделано множество фотографий. Но так как мы занимались исследованием других эффектов, то в течение последующего полугодия даже не просмотрели эти фотографии. Внутренне мы были уверены, что такого распада нет. Мы начали анализировать эти данные летом 1963 года, и, к своему удивлению, довольно скоро обнаружили события этого распада.

— *Почему Вы решили искать этот распад, предсказывал ли его кто-то раньше?*

— Да, это широко обсуждалось в литературе,

еще в 1957 году была опубликована работа Ли и Янга, в которой они предлагали искать нарушения CP и CPT-симметрии. В Дубне проводился эксперимент с помощью камеры Вильсона и был установлен верхний предел на вероятность этого распада на уровне 1/300, что очень близко к измеренному нами значению 1/500. Это показывает, как развивается физика. У нас было прекрасное оборудование: искровые камеры, магнитный спектрометр, мы могли бы установить предел 1/10000, но вместо этого нашли сорок событий распада $K_1 \rightarrow 2\pi$, нарушающего CP-симметрию.

— *Что послужило поводом для Вашего нынешнего визита сюда?*

— Это очень забавная история. В 2003 году я получил по почте сообщение о том, что меня избрали иностранным членом Российской академии наук. После этого мне начал приходить журнал Российской академии. Я ожидал, что придет красивый диплом с надписью на кириллице. Вы же понимаете, — засмеялся Кронин, — одно дело уведомление по почте, другое — настоящий диплом. Однако диплом так и не пришел.

В прошлом году осенью я оказался в CERN и встретил там А. Скринского, Л. Окуня и М. Данилова. В разговоре с ними я вспомнил про диплом, и в шутку пообещал, что если они это дело организуют, я приеду в Россию и выступлю с лекциями. Вот эта история и стала поводом для моего нынешнего визита в Россию.

— *Вы также член Американской академии наук и искусств. Означает ли это, что Вы имеете какое-то отношение и к искусству?*

— Нет, к искусству я не имею никакого отношения, просто эта Академия наук объединяет вместе с научными дисциплинами и литературу, живопись и т. д. Более важной для ученых является американская Национальная академия наук, членом которой я тоже являюсь.

— *В свободное время Вы любите совершать лыжные прогулки...*

— Сейчас я очень редко хожу на лыжах, мне семьдесят пять лет — возраст уже не тот, боюсь что-нибудь сломать себе... Хотя погода для лыжных прогулок здесь сейчас стоит очень хорошая. Вечером мы едем в Оперный театр. В 1986 году я приезжал в Новосибирск вместе с женой, и мы были на одном из спектаклей в Оперном, нам очень понравилось.

И. Онучина.

Перевод Б. Шварца.

Фото Н. Купиной.

«Делать свое дело достойно»

27 мая 2006 года в Новосибирске побывал В. М. Песков — мэтр отечественной журналистики, лауреат Ленинской и Государственной премий.

Специально для «Э-И»

27 мая 2006 года состоялось награждение первых лауреатов премии «За верность профессии», учрежденной для новосибирских журналистов мэтром отечественной журналистики, лауреатом Ленинской и Государственной премий Василием Михайловичем Песковым.

На теплоходе, плывущем по Оби, собрались журналисты, работающие в самых разных изданиях. После награждения Василий Михайлович ответил на многочисленные вопросы братьев по перу.

— Василий Михайлович, расскажите о том, как Вы получили Ленинскую премию.

— Я расскажу, коль скоро зашел разговор о премиях. Представьте себе, что я нахожусь в Антарктиде, сидим мы за столом, а у меня перед этим вышла книжка «Шаги по росе», и вдруг из репродуктора раздается сообщение о том, что началось выдвижение кандидатов на Ленинскую премию, и среди них называют мою фамилию. Мы посмеялись, я подумал, вот выдвинули — и то большая честь, шутя, выпили, и я забыл об этом. Прилетаю в Москву, и вижу, что все серьезно. По телевидению выступает наш редактор, показывает снимки из этой книжки — колесо закрутилось со страшной силой. Я прилетел в конце января, а Ленинскую премию в апреле у нас вручали. И вдруг на мою голову сваливается вот такая громадная глыба — Ленинская премия, от которой, вообще-то, можно сломаться.

Как все это получилось? Хрущев в свое время ездил в Америку, вместе с ним была группа журналистов и писателей, которые сделали отчет об этой поездке, написали очень хорошие статьи. Все это было потом издано книжкой «Лицом к лицу с Америкой». В этой группе был А. И. Аджубей, зять Хрущева. И за эту книжку, конечно, хотели воздаяние, замахнулись высоко, на Ленинскую премию. Нужно сказать, что номинации по журналистике в Ленинских премиях не было. Они учредили эту номинацию и получили премию: их там было человек семь.

На следующий год ее получил Юхан Смуул — эстонский писатель и журналист. Он написал очень хорошую книжку, она называлась «Ледовая книга» об Антарктиде. До этого он выдвигался дважды, но не проходил, так как выдвигался в области литературы, а в журналистике у него не было конкурентов. Наступил третий год, нужно было искать новую кандидатуру на премию, а тут как раз вышла моя книжка. Буду честным: эта книжка такой большой премии не стоила. Если бы это происходило сейчас, то на каком-то эта-

пе я сам отказался бы от номинации. Но тогда я был молодой, самонадеянный, решил: будь, что будет. И вдруг неожиданно все получилось — вот она, премия.

Эта книжка для меня дорога: в ней есть достоинство, она принесла в нашу журналистику, в то время очень официальную, человеческое тепло, во-первых, нормальный человеческий язык, во-вторых. И третье, на страницах газет появилось нечто о природе. До этого о природе газеты никогда не печатали, разве что «Огонек» иногда печатал маленькие заметки о каких-то курьезах.

И вот на меня свалилась такая премия. Года два я находился в положении самолета, который вошел в пике и не знает, как из него выйти. Некоторые думали, что, раз я получил Ленинскую премию, теперь должен написать «Тихий Дон». Но я сказал себе, дорогой Василий Михайлович, вот ты вел свою борозду, и веди достойно. Никогда и нигде ты не подпишешь «Песков — лауреат Ленинской премии». Правда, один раз я все-таки изменил этому правилу: мы хлопотали за какую-то женщину, нужна была квартира, а везде ей отказывали. Мы все-таки добились, чтобы эта проблема была решена.

А потом вся история с премией забылась, и я вспоминаю об этом только в соответствующей обстановке, такой, как сегодня, с улыбкой и пониманием того, что судьба может по-разному повернуться к человеку. Эта премия могла оказать мне дурную услугу: если бы я был глуповатым человеком, то начал бы с ней носиться и потерялся бы. Я вовремя сообразил, что мне нужно делать то дело, которое я делаю, и делать его достойно. И вот сорок с лишним лет уже я отрабатываю этот громадный аванс. Я написал несколько книжек, лучше, чем «Шаги по росе». Но она осталась в памяти, потому, что это был такой свежий ветерок в нашей журналистике.

В последние два года у меня вышло в издательстве «Терра» десять томов, под названием «Василий Песков рассказывает». Сейчас издательство повторяет это издание, это большая честь для меня. Заработать на этом невозможно. Может быть, что-нибудь получится издать здесь, в Новосибирске, в Союзе журналистов.

После этого я получил премию Союза журналистов, международную премию, премию Президента. Эти премии как бы подкрепляли то, что я получил в то время, как я считаю, не вполне справедливо. Человеку нужно быть достойным того, чем его поощряют. Это очень важно, и мой собственный опыт жизни говорит об этом достаточно убедительно.

— *Кроме природы, кто еще был вашим учителем?*

— Я считаю своими главными учителями мать и отца, им я обязан в первую очередь очень многим. Это были честные, работающие люди, которые нас ласкали, но не баловали. Я рос во время войны с 11 до 15 лет, время очень важное для становления человека. Я был рядом с матерью, старшим сыном в семье, помощником, кроме меня было еще трое детей, моложе меня. Это было очень трудное время. Мы жили в степном селе, и ходили в лес за дровами: пять километров полем, пять километров лесом, чтобы найти сухую чурку. Вот принесешь ее домой, сбросишь с плеча, а оно болит. Мы в это время умели и сапоги заклеить, и козу подоить — чего только мы ни делали. Это была лучшая школа, которую я прошел в жизни. Жизненный университет. Преодоление трудностей, которые были естественны в то время, и сейчас, с чем бы я ни сталкивался в газете, у меня есть точка отсчета: я знаю, что все преодолимо, я все это уже проходил. Я называю мать и отца, потому что они были умными строгими

педагогами, хотя сами этого не осознавали.

Если говорить о школьных учителях, я с благодарностью вспоминаю учителя литературы Николая Васильевича Ларченко. Замечательный был человек. Мы встретились, когда он пришел в школу, а я был в девятом классе. Это был очень хороший педагог. Именно он тогда заметил, что я чего-то могу писать, потому что он, раздавая тетрадки, говорил: «Ну, вот, Песков опять тут ошибок наделал, и оценку я ему снизил, но вот то, что он написал, я вам прочту». И читал мои сочинения. Я думаю, оттуда пошло все это дело.

Я написал один очерк, он назывался «Речка моего детства». Это было в 1970 году. Наблюдал, что происходит с нашими речками в Центральной России, видел, что многие погибают, пересыхают, и важно было выяснить, почему это происходит. Я стал думать, как это лучше сделать, и решил, что мне нужно пройти по руслу речки, на которой я вырос. Взял посошок, и от устья этой реки прошел сто пятьдесят километров. Так я увидел, что с ней происходит. А увидел я, что распаивают землю под самый берег, вырубают леса, которые были около этой речки, осушают болотца — вот все это и губит ее. Я получил около девяти тысяч писем, смысл которых сводился к одному: Василий Михайлович, вы написали не только о своей речке, но и о моей речке. Я понял, что у каждого человека в жизни есть своя речка — у кого-то Обь, у кого-то Волга, у кого-то — совсем крошечная речушка. Речка тоже является своеобразным воспитателем человека, вырастая около воды, он и плавать учится, и перевозить через речку что-то на лодке, и рыбешку какую-то ловить — это целый университет жизненный. Я тоже все это проходил, вырос в деревне и до сих пор остаюсь человеком деревенским: город меня тяготит, долго в Москве находиться не могу — неделя-две, и меня уже куда-нибудь тянет уехать.

Работая в «Комсомолке», я побывал во многих странах, на Северном полюсе, восемь раз в США. С Борисом Стрельниковым мы написали книжку «Земля за океаном», решили не лезть в политику, а написать очерки о зеленой Америке: что растет на поле у фермера, как осваивалась эта земля, как жили индейцы, как пришел сюда белый человек, что такое национальный парк и какие в нем животные. Это было интересно и нам, и читателям. Вот так складывалась журналистская жизнь.

С «Комсомольской правдой» у меня долгий роман: мы друг другу нужны. После Ленинской премии было много всяких соблазнов: предлагали разные варианты, с высокой зарплатой и так далее. Я удержался от этих соблазнов, так как понимал, что мое место тут. И вот в этом «счастливом браке» мы живем уже пятьдесят лет. Драма моя состоит в том, что «Комсомолке» всегда двадцать пять, а мы, к сожалению, стареем. Поэтому нужно жить таким образом, что тебе словно двадцать пять.

*И. Онучина.
Фото автора.*

Гость ИЯФа — первый вице-премьер правительства РФ Д. А. Медведев

18 апреля 2006 года наш институт посетил Д. А. Медведев.

18 апреля 2006 года наш институт посетили первый вице-премьер правительства РФ Д. Медведев и министр науки и образования А. Фурсенко, их сопровождали: Полномочный представитель Президента РФ в Сибирском федеральном округе А. Квашнин, губернатор Новосибирской области В. Толоконский, мэр Новосибирска В. Городецкий и председатель президиума СО РАН Н. Добрецов. Директор ИЯФа академик А. Скринский и его заместитель академик Г. Кулипанов познакомили гостей с главными направлениями работы института, затем они побывали на одной из основных установок ВЭПП-2000, повстречались со студентами, проходящими практику в нашем институте.

В течение своего двухдневного визита первый вице-премьер знакомился с реализацией в Новосибирске национальных проектов «Образование» и «Здоровье».

*И. Онучина.
Фото Н. Купиной.*

Гость ИЯФа — Председатель правительства РФ Д. А. Медведев

7 августа 2012 года наш институт посетил Д. А. Медведев

7 августа 2012 года ИЯФ посетил премьер-министр РФ Д. Медведев. Он осмотрел лазер на свободных электронах, познакомился с перспективными проектами, разработанными в нашем институте.

Премьеру также рассказали о микродозовой системе рентгенографического контроля (СРК) «Экспресс», которая позволяет осуществлять контроль досмотра пассажиров в аэропортах, причем для этого пассажиру не надо снимать верхнюю одежду, ботинки, ремни.

Премьер-министра сопровождали: губернатор НСО В. Юрченко, Полномочный представитель Президента РФ в Сибирском федеральном округе В. Толоконский, председатель СО РАН академик А. Асеев и другие.

*И. Онучина.
Фото М. Кузина.*

Гость ИЯФа — Ж. И. Алферов

2 февраля 2007 года в ИЯФе побывал Ж. И. Алферов — лауреат Нобелевской премии по физике 2000 года.

СО РАН. Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе (ФТИ, Ленинград-Санкт-Петербург), с которым связана вся жизнь Алфёрова, давно сотрудничает с новосибирским Институтом физики полупроводников. Жорес Иванович избран Почетным председателем ученого совета ИФП, соответствующие регалии ему были вручены в Москве, в Президиуме РАН. А здесь, в Новосибирске, была изготовлена твердая копия документа, которую 1 февраля на расширенном публичном заседании ученого совета ИФП СО РАН вручил академику Алферову директор института академик А. Асеев. На этом заседании Нобелевский лауреат выступил с

Жорес Иванович Алферов — вице-президент РАН, председатель президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, директор Физико-технического института им. Иоффе. Депутат Государственной Думы, член комитета по образованию и науке. Автор 50 изобретений, 4 монографий, 400 научных статей в отечественных и международных журналах. Лауреат Ленинской (1972) и Государственной (1984) премий. Ему присуждено множество международных наград, в числе которых — самая значительная: Нобелевская премия по физике (2000 г.).

В Академгородке Жорес Иванович был в последний раз двадцать лет назад, но теперь его визиты сюда будут более частыми. Академику Алферову и другому Нобелевскому лауреату Лео Есаки принадлежит идея организации международного симпозиума «Наноструктуры: физика и технология», и следующий, пятнадцатый, впервые пройдет в июне нынешнего года именно в новосибирском Академгородке, в дни празднования 50-летия СО РАН. Во время нынешнего пребывания Ж. Алфёрова в Новосибирске состоялось заседание оргкомитета симпозиума.

Однако основная цель визита — сотрудничество с Институтом физики полупроводников

докладом «Полупроводниковые гетеропереходы в солнечной энергетике».

Ещё одна встреча с Жоресом Ивановичем Алферовым состоялась в Большом зале Дома ученых, где он прочитал лекцию «Альберт Эйнштейн и развитие квантовой электроники».

Расширенное публичное заседание ученого совета ИФП СО РАН 1 февраля началось с небольшой церемонии. Обращаясь к присутствующим, директор института академик А. Асеев напомнил, что Жорес Иванович Алфёров избран почетным председателем ученого совета Института физики полупроводников, в Новосибирске наши химики изготовили с использованием высоких технологий твердую копию документа, как выразился А. Асеев, с удовольствием вручив сувенир своему старшему коллеге. И это еще не всё. Стараниями историков Сибирского отделения в архивах найдены документы, подтверждающие, что отец Ж. Алфёрова — инженер Иван Карпович Алфёров в 1937-1938 годах работал в тресте «Запсибтранслес» в г. Новосибирске. Так что наш город не совсем чужой для Жореса Ивановича: в Новосибирске будущий Нобелевский лауреат пошел в первый класс. В ответном слове Ж. Алфёров выразил признательность за оказанную честь и напомнил, что последний раз бывал в Академ-

городке в 1986 году и рад, что новая общественная должность обязывает время от времени приезжать из Санкт-Петербурга в Новосибирск. Вторая встреча в этом году состоится летом, в июне, на юбилейных мероприятиях в честь 50-летия СО РАН и XV Международном симпозиуме «Наноструктуры: физика и технология».

Пользуясь уникальным случаем, А. Асеев напомнил, что Жоресу Ивановичу вместе с другим Нобелевским лауреатом — Лео Есаки — принадлежит идея организации этого международного симпозиума, который впервые пройдет именно в новосибирском Академгородке. Директор ИФП СО РАН познакомил почетного председателя ученого совета и всю аудиторию с основными научными направлениями и разработками института, в том числе, связанными с солнечной энергетикой, отметив работы, находящиеся в стартовом состоянии: «Как только потребуются, исследователи не заставят себя ждать, будут готовы сразу включиться в масштабную работу по практической реализации результатов».

Физики понимают друг друга с полуслова, тем более, что Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе (ФТИ, Ленинград-Санкт-Петербург) давно сотрудничает с Институтом физики полупроводников СО РАН. С питерским институтом связано формирование всей советской, российской школы физиков, настолько широко он работал и работает (год создания института — 1918). Мощные традиции чувствуются и в делах ИФП СО РАН. И без всякого преувеличения, как отметил Ж. Алфёров, коллектив института по-настоящему активно работает, имея очень много исследований мирового класса. «Конечно, печально, что многие из них не востребованы отечественной промышленностью, поэтому институт в каком-то смысле выполняет необычные для РАН функции производителя высокотехнологической продукции».

Оглядывая зал, Ж. Алфёров искренне порадовался, что видит столько молодых лиц, а это свидетельствует о том, что в новосибирском Академгородке успешно действует система подготовки кадров. «Мы, — отметил Ж. Алфёров, — в какой-то степени копировали систему Академгородка, когда создавали в Санкт-Петербурге свой Академический физико-технологический университет с лицеем и физико-технической школой в составе Научно-образовательного центра. Наши связи с Академгородком, Институтом физики полупроводников, Новосибирским госуниверситетом и физико-математической школой Академгородка будут укрепляться».

Такое важное предисловие к основной повестке дня заседания ученого совета ИФП усилило неожиданность темы доклада Ж. Алфёрова: «Полупроводниковые гетеропереходы в солнечной энергетике». Объясняя свой выбор, он не ограничился общими словами о том, что энергетика играет огромную роль в жизни мирового сообщества: «В наше время исследования в области разработки энергетических концепций становятся не только научно-технической, но и в какой-то степени политической проблемой. Мы видим, что о проблемах энергетической безопасности говорится и пишется предостаточно». Энергетические ресурсы, мировое распределение энергетических потоков — эти проблемы обостряются в XXI веке. И сейчас, по словам Ж. Алфёрова, на новом этапе особое значение приобретают методы преобразования солнечной энергии в электрическую.

2 февраля Ж. И. Алфёров посетил одну из установок нашего института — лазер на свободных электронах (ЛСЭ). Его сопровождал председатель Президиума СО РАН академик Н. Л. Добрецов. Об исследованиях, которые проводятся на установке, и ее перспективах гостям рассказали директор ИЯФа академик А. Н. Скринский и заведующий лабораторией 8-1 доктор физ.-мат. наук Н. А. Винокуров.

Подготовила к публикации И. Онучина.

Фото Н. Купиной.

Гость ИЯФа — директор проекта ЛНС Л. Эванс

В марте 2007 года в ИЯФ посетил профессор Лин Эванс.

В марте наш институт посетила представительная делегация из CERN во главе с профессором Лином Эвансом, директором проекта ЛНС. Этот визит был посвящен подведению итогов десятилетнего сотрудничества ИЯФ и CERN по осуществлению крупномасштабного международного проекта — Большого адронного коллайдера (ЛНС). Наши гости посетили экспериментальное производство ИЯФа, обсудили перспективы дальнейшего сотрудничества за круглым столом, но центральным событием этого визита стал семинар, который состоялся 22 марта в конференц-зале института. Дата проведения семинара была не случайной: десять лет назад в этот день подписали первую техническую спецификацию на выполнение в ИЯФе магнитной системы перепускных каналов. С этого все и началось.

За прошедшие годы в ИЯФе было изготовлено уникальное оборудование, об-

щий вес которого составил более пяти тысяч тонн. Было освоено широкомасштабное производство сверхпроводящих шин (басбаров) для основных дипольных магнитов коллайдера, а восьмой цех, в котором эти шины изготавливали, наши гости называли не иначе, как «басбар-фабрика». Специалисты экспериментального производства за это время научились делать в соответствии с самыми жесткими требованиями к качеству и теплые магниты, и системы вывода тока в случае нарушения сверхпроводимости, и различное вакуумное оборудование.

Открывая семинар, директор ИЯФа академик А. Н. Скринский сказал, что Большой адронный коллайдер — это путь к новым открытиям в области физики высоких энергий, и что для его создания приложены большие усилия всех участников международной коллаборации, в том числе, и коллектива нашего института.

Профессор Л. Эванс выразил благодарность коллективу ИЯФа за эффективное сотрудничество в создании Большого адронного коллайдера. Строительство ускорительного комплекса ЛНС завершилось, и сейчас идут испытания различных его систем. Каждая из этих систем изначально была выделена в особые проекты, имеющие своего руководителя. В составе делегации, посетившей ИЯФ, были руководители этих проектов, которые на семинаре провели их презентацию. Так, были представлены: система теплых магнитов (Карл Ширм), система тоководов в сверх-

проводящие магниты (Амалия Балларино), вакуумная система (Пьер Струбин), система сверхпроводящих токопроводов (Жан-Луи Перене-Марке). В знак успешного сотрудничества профессор Л. Эванс передал от своих коллег академику А. Н. Скринскому памятный подарок, а затем заместитель директора ИЯФа В. В. Анашин вручил каждому из гостей памятную медаль, изготовленную по спецзаказу на нашем экспериментальном производстве. Первую медаль получил профессор Л. Эванс: именно он десять лет назад взял на себя ответственность за решение

о том, чтобы начать в рамках проекта партнерство с ИЯФом. Эти десять лет были, конечно, простыми и в жизни нашего института, и наших партнеров по проекту LHC, которые совершили в общей сложности около пятисот визитов в ИЯФ. За это время установились не только очень крепкие деловые контакты, но и дружеские человеческие отношения: подтверждением чему была теплая, непринужденная атмосфера, в которой проходил семинар.

Все основные этапы этого сотрудничества нашли отражение в фотовыставке, которая размещалась в одном из холлов перед конференц-залом и вызвала большой интерес у всех участников семинара.

Большой адронный коллайдер открывает новую страницу в своей истории, где ИЯФ, несомненно, занимает важное место.

*И. Онучина.
Фото Н. Купиной.*

**4 июля 2012 года в ЦЕРНе было
объявлено об открытии бозона Хиггса в
экспериментах на
Большом адронном коллайдере.
Наш институт внес большой вклад в
это историческое событие.**

Гость ИЯФа — С. Б. Иванов

В начале июня 2007 года в ИЯФе побывал С. Б. Иванов — первый вице-премьер Российского правительства.

Первый вице-премьер Российского правительства Сергей Иванов впервые за круглым столом ученого совета ИЯФа.

В конце мая — начале июня 2007 года в Академгородке прошли праздничные мероприятия, посвященные празднованию пятидесятилетия СО РАН. В юбилейных торжествах приняли участие почётные гости: первый вице-премьер Российского правительства Сергей Иванов, а также представители зарубежных и российских научных организаций, национальных академий наук, члены правительства.

1 июня на торжественном расширенном заседании президиума РАН в большом зале Дома учёных Сергей Иванов зачитал телеграмму от Президента России, в которой говорилось, что «Сибирское отделение РАН занимает лидирующие позиции в мировой фундаментальной науке и является

одним из самых мощных центров отечественной исследовательской мысли».

Вице-премьер также добавил, что создание Сибирского отделения РАН стало «поистине революцией в сфере организации научной деятельности», именно в Новосибирском Академгородке коллектив учёных смог обеспечить «непрерывность процесса практической реализации научных идей».

Во время короткого визита в Новосибирск первый вице-премьер посетил и наш институт.

За круглым столом, в непринуждённой обстановке, он поздравил сотрудников ИЯФа с юбилеем, после чего состоялось обсуждение реализации государственной программы «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий».

*Ю. Бибко.
Фото Н. Купиной.*

Второй ректор НГУ

В январе 2008 года в ИЯФе побывал С. Т. Беляев.

Спартак Тимофеевич Беляев приехал на несколько дней из Москвы, чтобы принять участие в совместном заседании президиума СО РАН и ученого совета НГУ, посвящённого 50-летию постановления Совета министров СССР о начале строительства Новосибирского университета, которое состоялось 23 января в Доме учёных.

В начале 60-х С. Т. Беляев был заведующим одной из лабораторий ИЯФа, руководил теоретическим отделом, а с 1965 года по 1978 был ректором НГУ. Случилось так, что после того, как первый ректор университета уехал из Новосибирска, практически год в НГУ не было руководителя. Беляеву предложили этот пост, основное преимущество его кандидатуры заключалось в том, что он до этого не занимал никаких административных должностей. Об этом Спартак Тимофеевич рассказал на встрече в Доме учёных, так же, как и ещё об одной сложной ситуации, с которой он столкнулся, уже будучи ректором НГУ. В этот период Совет министров строго запретил практику преподавания по совместительству, а профильное министерство довело до сведения вузов (и НГУ в том числе), что будет следить за выполнением постановления.

Беляев обратился к Лаврентьеву и сообщил, что он либо увольняется, поскольку «это — гроб для университета», либо выполнять постановление советского правительства не будет. «Не выполняй!» — ответил ему Лаврентьев. Потом по своим каналам они связались с партийными структурами. Завершилось всё звонком в Совет министров из ЦК, где объяснили, что отменять уже принятое постановление, конечно, не надо, но и придирается к новосибирцам, нарушающим его, тоже не стоит.

Завершил свое выступление второй ректор НГУ программным высказыванием о фундаментальной науке и её применениях. По его мнению, требовать непосредственного применения результатов фундаментальных исследований бессмысленно. В качестве примера он привёл международные проекты ЦЕРН, в которых он сам принимает непосредственное участие, и от которых никто не ждёт применений. Выгода от этих исследований заключается в создании технологий, необходимых

для достижения оптимальных значений параметров, критичных для научного открытия. А потом эти технологии расходятся по гражданскому сектору. (По материалам сайта Academ.info).

Прошло уже тридцать лет с тех пор, как Спартак Тимофеевич уехал из Новосибирска. Контакты с ияфовским научным сообществом в течение этих лет сохранялись, и когда в начале этого года появилась возможность посетить Академгородок, академик Беляев побывал и в нашем институте.

В этот день проходила ежегодная научная сессия, которая уже восемь лет проводится в ИЯФе. Прослушав часть докладов (присутствовать на конференции до окончания он не мог: вечером того же дня улетал в Москву), Спартак Тимофеевич дал высокую оценку исследованиям, которые ведут наши учёные, и сказал, что «такие конференции могут проводиться только в ИЯФе».

*Подготовила к публикации И. Онучина.
Фото В. Петрова.*

Красота игры

4 мая 2008 года в ИЯФе побывала чемпионка Мира по шахматам среди юниоров В. Небольсина.

4 мая 2008 года в ИЯФе состоялась необычная встреча: нашей гостьей была чемпионка Мира по шахматам среди юниоров Вера Небольсина. Она пришла вместе со своим отцом и тренером Валерием Яковлевичем. В течение часа в конференц-зале они рассказывали о том, как складывалась спортивная биография Веры, а затем в одной из лекционных аудиторий института состоялся сеанс одновременной игры на двадцати досках.

Недавно Вере исполнилось восемнадцать лет, но на её счету столько побед, каждой из которых

можно гордиться. Судите сами: уже в семь лет она стала чемпионкой России среди детей в возрасте до восьми лет, а на следующий год — чемпионкой Мира в возрастной группе до десяти лет и мастером ФИДЕ. Затем последовали: чемпионат Мира в этой же возрастной группе 1999 года — 1-2 место; чемпионат Мира в возрастной группе до двенадцати лет 2000 года — 2 место и победа на чемпионате России в следующем году в этой же возрастной группе; успешные выступления в ряде престижных международных соревнований, в том числе, на кубок чемпионки Мира, Азии, Европы и США. Пожалуй, самым результативным в спортивной биографии Веры Небольсиной был 2007 год: в семнадцать лет она стала чемпионкой России среди юниоров, а затем — чемпионкой Мира и международным гроссмейстером.

Чтобы добиться таких результатов, вместе с великолепными способностями нужно обладать огромной работоспособностью, твердым характером и верой в свои силы. Этому учит Веру её отец и единственный тренер, мастер спорта СССР Валерий Яковлевич Небольсин: в своё время он был одним из сильнейших шахматистов за Уралом.

Валерий Яковлевич считает, что привить любовь к шахматам можно каждому ребёнку, и каждый может достичь больших высот, главное, чтобы ему не мешали, и чтобы было соответствующее окружение. У Веры было именно такое окружение: в семье Небольсиных шахматы любят все. Никто и не собирался делать из нее шахматистку: с девочкой просто играли в разные игры, одной из которых были шахматы. И именно шахматы ей понравились больше, чем остальные, даже компьютерные игры не смогли составить им конкуренцию.

— С мамой мы играли и в шашки, и в шахматы, и в карты, она водила меня на занятия худо-

жественной гимнастикой, — рассказывает Вера. — Когда мы с ней играли в шахматы, она всегда меня обыгрывала, а мне очень хотелось выиграть, показать, что я тоже могу просчитывать ходы....

Так, уже в четыре года у девочки проявился интерес к шахматам, который родители поддерживали и развивали.

То, что в семье растёт необычный ребенок, стало понятно, когда Вере было всего шесть лет. 28 апреля 1996 года Вера считает началом своей спортивной шахматной карьеры: именно в этот день, вместе с мамой они случайно зашли в шахматный клуб, где в это время проводился турнир памяти Саши Ковалёвой, и впервые — в возрасте шести лет — она приняла участие в настоящих соревнованиях. Несмотря на то, что девочка была значительно моложе остальных участников турнира, дебют оказался удачным. Это было очень интересно и весело, а огромную игрушечную обезьяну, которую ей тогда подарили, Вера любит и хранит до сих пор.

Уже через год семилетняя шахматистка завоевала свой первый чемпионский титул. Сразу взяв такую высокую планку, она должна была не снижать этот уровень: каждая новая задача, которую ставит её тренер, всегда значительно сложнее предыдущей. Спортивная биография талантливой девочки развивается стремительно: она принимает участие в турнирах с очень высоким рейтингом его участников, уже в возрасте девяти-десяти лет достигает уровня международных гроссмейстеров. Вместе с игровым опытом формируются и развиваются черты характера, без которых невозможны серьёзные достижения — целеустремлённость, уверенность в своих силах, независимость мышления, собранность.

Во время одного из турниров Вера жила в номере вместе с китайскими шахматистками. Получилось так, что накануне она проиграла одну из партий, так же, как и одна из её соседок по комнате. Однако, в отличие от очень переживавшей этот проигрыш Веры, китайская спортсменка была совершенно спокойна. Заметив состояние Веры, она сказала: не нужно так сильно переживать: не имеет значения, проигрываешь ты или выигрываешь — это всего лишь наш опыт, из которого нужно сделать вывод и идти вперёд. Это стало откровением для Веры.

У каждого из нас есть свои жизненные рубежи, которыми мы определяем своё взросление. Для Веры такими рубежами становятся переходы из одной возрастной группы, в которой она играет в турнирах, в другую. Как правило, при этом

она оказывается самой юной в новой возрастной категории (день рождения у Веры в декабре). Не случайно, на вопрос, какие партии были самыми сложными, она ответила:

— Самое трудное, это когда переходишь в другую возрастную категорию.

Конечно, трудности роста есть, подтверждает Валерий Яковлевич, но это всё преодолимо.

Когда несколько лет назад Небольсина занималась в школе Олимпийского резерва в Москве, то экстерном сдала там и экзамены за курс средней школы. Нужно сказать, что Вера не училась в школе, как все её сверстники, с ней занимались дома. И в своё время это было поводом для некоторого недоверия к ней. После успешной сдачи школьных экзаменов и поступления в НГТУ на отделение «Востоковедение» гуманитарного факультета, она стала чувствовать себя гораздо увереннее, это значительно повысило её самооценку. Учится она с большим удовольствием, по выражению её отца, со страстью. Вера говорит, что занятия эти расширяют сознание и прибавляются силы, а шахматы только помогают в учёбе.

Желание изучать китайский язык не случайно. Дважды Вера принимала участие в турнирах, которые проходили в Китае, ее даже приглашали остаться там, обещали предоставить все условия — квартиру для всей семьи, стипендию. «Несмотря на всю привлекательность этого предложения, мы отказались», — говорит Валерий Яковлевич. Рассказывая об этих поездках, он отмечает, что развитию массового спорта в Китае уделяют большое внимание, это относится и к шахматам. И то, что в последние годы китайские шахматистки всё чаще завоёвывают чемпионские титулы — вполне закономерно.

Что определит будущее Веры Небольсиной —

избранная специальность или шахматы — сейчас говорить еще рано, но учиться она собирается серьёзно и хочет получить хорошее образование. А тема ее курсовой работы — политика Китая в развитии массового спорта.

Не только в Китае, но и во всём мире растёт интерес к шахматам, всё большее признание и распространение получают они и в России. Далеко за примером ходить не нужно: вот и в нашем институте с каждым годом всё активнее работает шахматный клуб.

Если шахматист не участвует в турнирах, длительные паузы плохо отражаются на его дальнейшей шахматной карьере. Финансирование поездок — одна из сложных задач, которую постоянно приходится решать Валерию Яковлевичу, неоднократно помогал ему в этом депутат облсовета Г. К. Бессонов. Изредка появляются спонсоры, но тогда главным становится победа в турнире. Однако, если шахматист думает только о победе, он утрачивает важнейшее ее условие — вдохновение, теряет вкус к игре, ее красоту, считает тренер Веры.

Ежедневно она играет в интернете в шахматы около шести часов, а перед ответственными турнирами — с утра до вечера, кроме того — ещё сложная университетская программа: сессии, как

известно, два раза в год. Чтобы выдерживать такие нагрузки, нужно быть в хорошей физической форме, необходимы регулярные тренировки: каждое утро в 6-45 Вера вместе со своим отцом играет во дворце спорта НГТУ в большой теннис, занимается бегом и плаванием.

Часовая пресс-конференция пролетела незаметно, и хотя осталось еще немало вопросов, пришлось ограничиться полученной информацией: чемпионке предстоял сеанс одновременной игры на двадцати досках с ияфовскими шахматистами. Игра продолжалась чуть больше трёх часов, в итоге пять партий завершились ничьей, партию с В. В. Плаксиным Вера проиграла, все остальные — выиграла.

Сейчас Вера Небольсина готовится к первенству России в высшей лиге — оно пройдет в июне этого года, а в июле-августе планируется первенство Мира среди женщин, в котором она тоже собирается участвовать. Нет сомнений в том, что мы еще не раз поздравим с новыми победами нашу юную землячку.

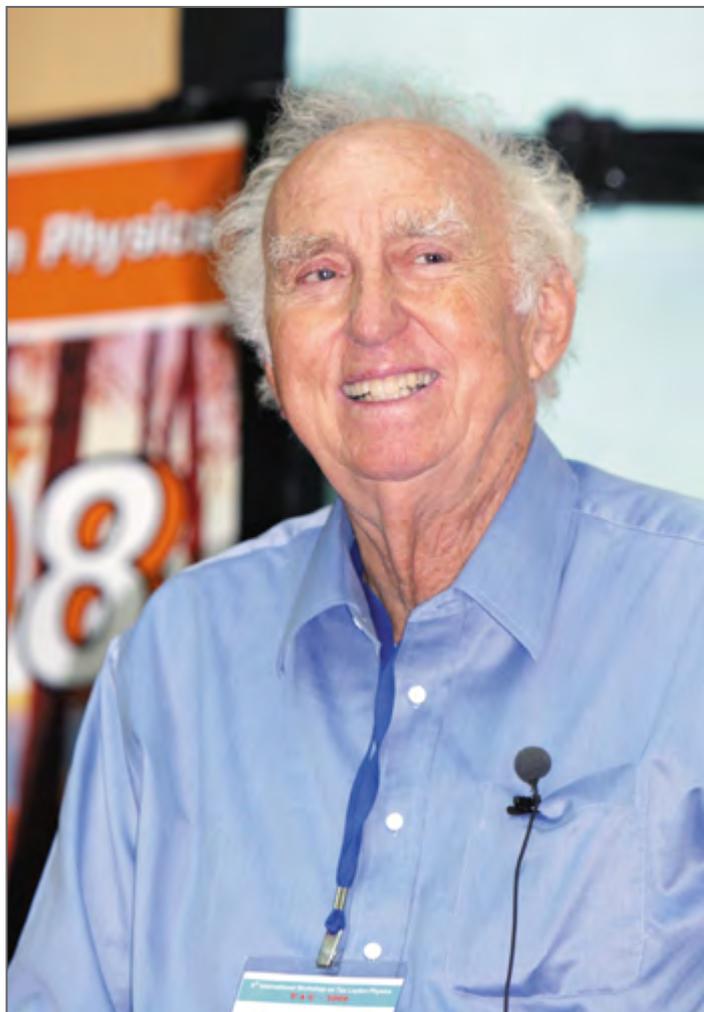
*И. Онучина.
Фото Н. Купиной
В. Петрова.*

«Я верил в свою мечту»

В сентябре 2008 года в ИЯФе побывал М. Перл — лауреат Нобелевской премии по физике 1995 года.

Гость ИЯФа — американский физик, общественный деятель Мартин Льюис Перл, лауреат Нобелевской премии по физике (1995 год) за открытие тау-лептона. Профессор Перл выступил с докладом на рабочем совещании Тау-2008, вёл в качестве председателя одно из заседаний.

Нашему корреспонденту удалось взять небольшое интервью у Нобелевского лауреата, и разговор, конечно, шёл об открытии тау-лептона.

— *Господин Перл, было ли теоретически предсказано существование тау-лептона?*

— Теоретических предсказаний не было. Все знают, что такое электрон, он был открыт сто лет назад, без него невозможно существование радио, электричества. Пятьдесят лет назад была обнаружена другая частица, которую назвали мюон. Она приходит с космическими лучами из космоса, то

есть, создана естественным образом, существует в природе. Мюон примерно в двести раз тяжелее электрона, во всём остальном — это то же самое, как если бы у нас был маленький слоник и другой слон, в точности такой же, но в двести раз тяжелее. И выглядят, и ведут себя они одинаково.

Возникает вопрос, почему существуют только эти две частицы? И я подумал, два — это как-то странно: один маленький и лёгкий, другой — большой и тяжёлый, что-то здесь неправильно. Должно быть что-то ещё, должны быть более тяжёлые частицы. Я думал, что нужно продолжать поиск дальше и дальше, что частицы будут всё тяжелее и тяжелее, а когда появятся более совершенные ускорители, мы их найдём. Так что теории не было — была только моя мечта.

И вот мы построили установку, такую же, как здесь, электрон-позитронный коллайдер. Работу закончили в 1974 году. Никто в мою мечту не верил, но я в неё верил. Я начал искать свидетельства существования этой более тяжёлой частицы — и нашёл. Мюон в двести раз тяжелее электрона, а тау — в три тысячи! Во всём остальном они одинаковы.

В течение ещё пяти лет мне никто не верил. Но новые экспериментальные данные подтвердили, что я был абсолютно прав. Всем стало понятно, что есть электрон, есть мюон и есть тау. Думаю, что должны быть ещё частицы, потому что три — это тоже странно. Удивительно то, что больше ничего не было найдено. Так что сейчас найдены эти три частицы, очень похожие, но каждая тяжелее другой. Так как тау — тяжёлая частица, то она очень не стабильна и распадается сотней разных способов на самые разные частицы.

Тау-лептон стали подробно изучать на разных установках и много узнали об этой частице. Но мы так и не разгадали тайну, что такое мюон и что такое электрон. Тайна осталась. Возможно молодые физики, может быть, и из вашего института, разберутся в этом. Мы пока не понимаем, что они собой представляют, и почему нет других частиц. Но эксперименты проводятся всё лучше и лучше, а наши коллеги-теоретики много работают в этом направлении.

Природа хранит свои секреты. Природа сурова, но честна: если мы что-то открываем, то это остаётся постоянным и не меняется со временем. Но как открыть эти секреты? Этому посвящена нынешняя — очень успешная — конференция, где было высказано много новых идей. Но тайна остаётся, чтобы приоткрыть её, нужно ещё много сделать, возможно, кому-нибудь из молодых удастся сделать это. Люди старшего поколения придерживаются устоявшихся убеждений и не могут мыслить по-новому. Молодые люди другие — дерзкие, они либо сделают новый эксперимент, либо построят новую теорию. Дело будет продолжено: в следующем году или через пятьдесят лет — это вопрос времени.

Ещё, что замечательно: здесь, на конференции, собрались люди из разных стран, мы говорим на разных языках, но работаем все вместе — это очень важно в культурном отношении.

— *Планировались ли подобные эксперименты до Вас?*

— Нет. Я совершал не ошибки, а провёл много экспериментов, которые ни к чему не привели. Я всегда всё делаю по-своему: если кто-то делает одно, я буду делать другое. Когда кто-то уже занимается проблемой, пусть продолжает это делать, а я просто прочитаю потом статью о результатах.

— *Сколько времени прошло с момента открытия до публикации статьи?*

— Первая попытка была сделана в 1963 году, затем на протяжении восьми лет я делал неправильные эксперименты. Мы нашли тау-лептон в 1973 году, а опубликовали статью об этой работе в 1975 году. До 1980 года большинство физиков не верили нам.

— *Как было подтверждено Ваше открытие?*

— Открытие в науке всегда должно подтверждаться другими экспериментами, кто-то обязательно их повторяет. Первыми, кто подтвердил наше открытие, стали молодые японские физики, которые делали похожий эксперимент в физике высоких энергий в Гамбурге. Они увидели то же, что и мы, затем тау-лептон обнаружили и на других установках.

— *Как открытие тау-лептона повлияло на развитие физики элементарных частиц?*

— Это привело к следующему: сейчас известно три типа элементарных частиц, из одних состоит всё окружающее нас вещество — столы, стулья, вся химия — они относятся к первому поколению. Мюон относится ко второму поколению, но раньше этого не понимали. Тау-лептон — это первая обнаруженная частица третьего поколения. Пока

никто больше не нашёл частицы четвёртого поколения. Почему всё остановилось на трёх, никто не понимает, и для меня это огромная тайна.

— *Как Вы видите перспективы физики элементарных частиц через тридцать лет?*

— Необходимы новые технологии, чтобы можно было дешевле получать пучки высоких энергий для поиска новых частиц. Это рано или поздно произойдёт. Сейчас появился Большой адронный коллайдер, но он очень дорогой.

Возможно, что-то получится в вашем институте: здесь работают очень изобретательные физики-ускорительщики. Что-то обязательно появится, и тогда многое упростится. Сейчас эксперименты очень дороги, и у правительств во многих странах для этого нет денег. Но открытие будет: для этого нам нужна технология, инженерные решения. Люди работают над новыми идеями и здесь, в Новосибирске, и в других местах. Кто-нибудь это обязательно сделает.

— *Ваши родители — выходцы из Восточной Европы?*

— Сто десять лет назад мои родители уехали из Белоруссии в США, в Нью-Йорк. Они так и не вернулись назад, потому что были бедны, но они всегда любили Россию. Моя мама и бабушка часто готовили русскую еду, на обед у нас был борщ. А я побывал в России шесть раз, посетил Москву, Санкт-Петербург — это замечательная страна. В Академгородке я впервые, мне нравится лес, здесь очень красиво.

— *Вам удалось познакомиться с ияфовскими установками?*

— Да, установки хорошие, но не помешало бы побольше денег для них. Это общая проблема: их всегда не достаточно, и в нашей лаборатории тоже.

— *Чем Вы занимаетесь сейчас, над чем работаете?*

— Я теперь больше занимаюсь астрофизикой. Мы строим большой телескоп. Меня это сейчас очень интересует, потому что есть интересная задача — тёмная материя и тёмная энергия. В нашей лаборатории в SLAC был закрыт ускоритель, люди в Вашингтоне хотят, чтобы мы занимались чем-то другим. Мы не можем больше заниматься физикой высоких энергий, и теперь зависим от других установок, например, в Новосибирске или в Японии.

Беседовала и подготовила к печати

И. Онучина.

Перевод К. Аринштейн.

Фото Н. Купиной.

«Невозможное оказалось возможным»

В октябре 2008 года в Доме ученых состоялся творческий вечер народной артистки России И. И. Алферовой.

Ирина Ивановна Алферова приехала в Новосибирск в качестве президента Международного кинофестиваля семейных и детских фильмов, который проводился с 14 по 19 октября.

Сделать свой выбор

— У меня никогда не было амбиций, — говорит о себе Ирина Ивановна, — я просто хотела играть на сцене. Ей посоветовали поехать в Москву и поступать в столичный театральный вуз. А силу дал Академгородок, те люди, с которыми она общалась, та обстановка свободной наполненной жизни, которая царила в те годы здесь.

«В моей жизни сложилось так, что невозможное оказалось возможным. Если человеку что-то действительно нужно, он всегда этого осуществляет. Я ничего не добивалась, у меня нет этих бойцовских качеств, наглости, и формировать всё это в себе не хочу. Когда я поступала в театральный институт, то опоздала, но меня всё-таки взяли на второй тур. Меня попросили прочесть то, что приготовила, потом станцевать, к чему я совершенно не была готова, я показала какое-то попурри», — в общем, Ирину приняли.

О профессии

«Для меня это даже не профессия, это — образ жизни. Меня всегда удивляет, когда актрисы говорят, что поступили в театральный случайно. Я хотела на сцену ещё в детстве. Тогда мне очень хотелось сыграть

Снегурочку, потому что мне казалось, что она может согреть и знает, как сделать всем хорошо. И я делала это, у меня получалось, я ощущала эти силы. Уже когда стала актрисой, мне казалось, что я знаю что-то такое, чего другие не знают, и что я должна это сказать — тогда людям станет лучше».

О театре Марка Захарова

«Он — великий режиссёр, сделал потрясающий театр, в котором всем актёрам и режиссёрам можно учиться бесконечно. Однако я оказалась там мало востребованной и ушла из театра, когда Захаров начал подбирать актёров для спектакля «Игроки» по Достоевскому. Он предложил мне характерную роль, моя героиня ругается матом и в итоге превращается в обезьяну. Я пришла на репетицию, но рычать не смогла, и после этого решила уйти из театра. А вообще — театр Захарова замечательный».

О любимых партнёрах

«Олег Даль был одним из моих любимых партнёров. Мы познакомились на съёмках картины «Незванный друг» (1981 год). Меня предупредили, что он тяжёлый человек, тяжёлый партнёр. Он снимался в фильме, а когда понимал, что искусство ушло, мог просто уйти из картины. Он уходил отовсюду: с творческих вечеров, из театров, куда его приглашали на работу, если понимал, что происходящее не соответствует его тонкому представлению об искусстве. И остановить его не мог никто. Поэтому периодически его запрещали снимать. Но Леонид Марягин — режиссёр фильма — его очень любил и пригласил Даля и меня».

В этом фильме впервые была написана роль специально для меня, и она мне очень понравилась. Но тогда, и тоже на главную роль, меня пригласили сниматься в Венгрию, я приняла это предложение. Однако после возвращения выяснилось, что актрисой, которая снималась вместо меня, режиссёр не доволен, картина не складывается, и меня попросили прийти на съёмки. Мне объяснили задачу, и началась съёмка. Олег долго-долго смотрел на меня, медленно подходил, и так повторилось несколько раз. Режиссер не выдержал, остановил мотор и спросил Даля, что он опять там выдумывает. Олег снова посмотрел на меня и сказал: «С этой надо серьёзно». Для меня это были очень важные слова, и так он ко мне относился в течение всего фильма».

Отношение к возрасту

«В старости есть много неприятных моментов, с этим надо как-то бороться. Я надеюсь, что Бог мне поможет».

У меня сейчас трое приёмных детей, они скучать не дают. Жить только для себя не хочется, когда есть дети, то о себе забываешь».

*И. Онучина.
Фото автора.*

*Ирина Алферова в составе творческой группы за столом ученого совета ИЯФа.
20 октября 1983 г. Фото В. Баева.*

«Так я мыслю жизнь»

В мае 2009 года в Доме актера состоялась встреча с народным артистом РСФСР М. М. Козаковым.

Специально для «Э-И»

«Любовь по системе Станиславского» — так называется комедия, которую поставил и где играет одну из ролей известный актер и режиссер Михаил Михайлович Козаков. Недавно этот коллектив был на гастролях в Новосибирске, состоялась творческая встреча, во время которой Михаил Михайлович поделился размышлениями о жизни и творчестве.

Накануне был спектакль, Козаков, очевидно, еще не отдохнул, к тому же был простужен, а вечером предстоял еще один спектакль в Доме ученых Академгородка, вдобавок к этому оказалось, что нет микрофона — настроение у мэтра в начале встречи было не лучшее. Но вскоре проблему микрофона решили, роскошный звучный голос актера набрал силу, аудитория внимала благодарно — и Михаил Михайлович оживился и разговорился.

О пьесе, которую привезли в Новосибирск

— Комедия всегда была редким и самым трудным жанром и в кино, и в театре. Если вспомнить историю советского театра, настоящих комедий было мало. Но нужно сказать, что наша публика всегда любила комедии, а сейчас особенно: жизнь

настолько трудна, люди настолько в заботах, в непонимании, куда идет жизнь и как ее строить, а пьесы на эти вопросы, как правило, не отвечают. Почему по этому телевизору окаянному сплошной Петросян, Камедиклаб и всякое тому подобное? Почему смотрят эту пошлятину? Потому что это отвлекает, уводит от проблем.

И вдруг находится комедия, которую написала Инна Милорадова. Чистое везение, что пьеса попала ко мне! Это русская комедия, на грани лирического водевиля, с оригинальным сюжетом, без пошлостей, в ней хорошо написанные образы, хорошие диалоги. Мы поработали над ней немного, но очень немного. Она была написана со знанием дела: легкая, очень занимательная по сюжету, в ней есть проблема, в ней есть любовь, причем любовная интрига очень интересная.

Я за последнее время поставил в театре только две вещи, об одной мы сейчас говорили, а вторая старая, Ноэля Каурда — это прекрасный классический драматург середины прошлого столетия. Там играют двенадцать актеров, все сделано с декорациями, костюмами. Шесть актеров, как в нашем сегодняшнем спектакле, еще можно привезти в Новосибирск, да и декорации здесь легче. А уже большие декорации, к сожалению, неподъемны, это слишком дорого для принимающей стороны.

О драматургии

В России всегда было много замечательной прозы, но серьезных драматургов можно пересчитать по пальцам. «Маленькие трагедии» Пушкина — это скорее поэзия, «Борис Годунов» — тоже труднейшее сочинение с точки зрения жанра, постановка которого почти никогда не получается. Далее Грибоедов с одной вещью — «Горе от ума», у Лермонтова — пять редакций «Маскарада». Дальше — великий драматург Островский, дальше — «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина, дальше — Толстой «Живой труп». Пьесы Тургенева вялые, они требуют крепкой хорошей режиссуры, затем — две гениальные пьесы Гоголя «Женитьба» и «Ревизор», Чехов — величайший драматург с очень сложными для той эпохи пьесами, которые не все понимали. Советская эпоха — это уже устаревшие «Дни Турбинных» Булга-

кова, пять пьес Шварца. А прозы-то не меряно по сравнению с драматургией, но сейчас и прозы-то почти не осталось. Ощущение, что все закончилось. Умер Солженицын, особый писатель, великая личность. Великие романы где? Я книгочей и мучительно выискиваю, что мне почитать. Читаю литературу о литературе, например, книга Быкова о Пастернаке, или какие-нибудь мемуары, с Запа-да что-то приходит, что мы еще не читали, но уже почти все напечатано.

А с драматургией просто нуль. И вот начинают переделки классики, просто буквально переписывают классику. Я видел спектакль в Москве «Фигаро» с прекрасными актерами, но все — своими словами, далеко не лучшими, и с матом, и с вульгаризмами. Это просто ужасно!

Хотя есть в Москве хорошие спектакли. Изумительный спектакль Сергея Юрского «Предбанник» — пьесу он сам написал, сам поставил, сам играет. Я был поражен, что кто-то сейчас способен написать современную, актуальную, смешную и злую — в хорошем смысле — пьесу. Но все это по пальцам можно пересчитать. Проблема, конечно, не в актерам, потому что хорошие актеры есть всюду, главная проблема — в драматургии. Вторая проблема — режиссура, но и это преодолимо. А вот с пьесами дело плохо.

О себе

Я занимаюсь тем, что готовлю поэтические программы — у меня их восемь, я люблю это, и это меня спасает. Я начал читать стихи, когда еще учился в третьем классе, мы были тогда в эвакуации на Урале. Мне нравились сюжетные стихи, потом пришел Пушкин — и пошло-поехало. После эвакуации мы приехали в Питер, в 1944 году во Дворце пионеров я поступил в студию художественного слова, кстати, мы занимались там вместе с Юрским. Чем дальше, тем больше — поэзия, мой спасательный круг. Подготовка поэтической программы длительный процесс. Сначала я должен полюбить стихотворение, влюбиться в автора, начать читать за столом, друзьям, родным....

Последние годы я много ездил, и, слава Богу, что приходят зрители, и залы наполняются. Но я один, привезти и поселить в гостиницу одного человека — это дешевле, чем двенадцать человек. Это в советские времена мы ехали в Барнаул на месяц, и месяц играли и «Дон Жуана», и «Женитьбу». В Барнауле! И было полно зрителей, и бабушки с платочками в зале сидели... Сегодня бабушки с платочками не ходят в театр: бабушек не осталось, и платочков тоже.

Меня спасает сознание того, что мне будет 75

лет, и что я свою жизнь, в общем-то, худо-бедно отгрохал. Я не хочу сказать, что охота завтра помереть, это было бы враньем: моей дочке младшей будет тринадцать лет, и мне надо хотя бы четыре года ее дотянуть, если Бог позволит, чтобы она школу-то закончила. Сын уже в армии, тоже куда-то поступать надо будет.

Но, Боже мой, иногда я думаю, хорошо, что я не молодой. Жизнь была не простой при советской власти, мы это знаем, много было тяжелого: матушка у меня сидела в тюрьме два раза, и брата убили во время войны — практически в каждой семье такое было. Но, тем не менее, нашему поколению повезло: мы формировались, когда умер Сталин, появилась относительная свобода, что-то можно было сделать. Еще было кино, где были мастера, где были сценарии, на телевидении — телеспектакли, и в театре было интереснее, хотя запретов было много: мои «Покровские ворота» год лежали на полке.

«Покровские ворота» я снимал в 1981 году, когда была наивная ностальгия по хрущевским временам, по юности. Москва была совсем другая: она была более безалаберная, но какая-то теплая, уютная, домашняя. По ней можно было гулять. А вот гулять по современной Москве желания нет, впрочем, также как, и по Новосибирску.

Сейчас тоже лежит фильм «Очарование зла» — три года, о какой свободе можно говорить? Канал, который его приобрел, не пускает в эфир. Поэтому я махнул рукой на телевидение и решил, что по возможности буду делать концертные программы, если будут приемлемые для постановки сценарии, буду ставить пьесы.

В кино сниматься предлагают мало, и чаще какую-то ерунду. Я сыграл эпизодические роли в нескольких фильмах: директора школы в детской сказке, во втором фильме — генерала МВД в отставке, а в третьем — очень старого ветерана войны, у которого крадут его награды.

А кроме этого я беспрерывно рассказываю о тех людях, не только об актерам, которых я знал, любил, и перед которыми у меня есть долг человеческий — о Евстигнееве, о Ефремове, о Быкове. Вот сейчас украинские кинематографисты снимают фильм о Быкове и просят поделиться воспоминаниями.

Так я живу, так я мыслю жизнь, так я ее воспринимаю и стараюсь жить, как и жил. Слава Богу, есть друзья, коллеги, я нахожу их, близких мне людей по творческим и по человеческим качествам, и работаю.

*И. Онучина.
Фото автора.*

Гость ИЯФа — глава корпорации «Роснано» А. Чубайс

21 мая 2009 года наш институт посетил А. Чубайс.

С 21 по 22 мая в Новосибирске находился глава госкорпорации «Роснано» Анатолий Чубайс. Главная цель этого визита — поиск успешных бизнес-проектов.

За два дня Анатолий Чубайс посетил наукоград Кольцово, а также несколько институтов и инновационных компаний Академгородка.

21 мая глава «Роснано» вместе с губернатором Новосибирской области В. А. Толоконским, председателем Сибирского отделения А. Л. Асеевым и сопровождавших их лиц побывал в 11 здании нашего института, где находится лазер на свободных электронах (ЛСЭ).

О том, какие возможности открывает эта мощная современная установка как для исследований в различных областях науки, так и для приклад-

ных работ, прежде всего в сфере нанотехнологий, рассказали академики директор ИЯФа А. Н. Скринский и его заместитель Г. Н. Кулианов. Хотя визит был очень коротким, гости осмотрели нашу уникальную установку и задали ряд интересующих их вопросов.

Делегация «Российской корпорации нанотехнологий» побывала также в Сибирском центре фармакологии и биотехнологий, где для производства лекарств используется ияфовский промышленный ускоритель.

Для участия в конкурсе на получение грантов «Роснано» оформляются заявки.

*И. Онучина.
Фото Н. Купиной.*

Гость ИЯФа — председатель Счетной палаты РФ С. В. Степашин

20 октября 2009 года наш институт посетил С. В. Степашин.

20 октября 2009 года наш институт посетил председатель Счетной палаты Российской Федерации Сергей Вадимович Степашин. Его сопровождали: В. А. Толоконский — губернатор Новосибирской области, В. С. Косоуров — аудитор Счетной палаты Российской Федерации, Г. А. Сапожников — заместитель губернатора Новосибирской области — руководитель департамента науки, инноваций, информатизации и связи Новосибирской области, В. М. Фомин — и.о. заместителя председателя СО РАН, директор Института теоретической и прикладной механики СО РАН, академик М. И. Эпов — заместитель председателя СО РАН, директор Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, академик, В. В. Кулешов — заместитель председателя СО РАН, директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, академик, Н. З. Ляхов — главный ученый секретарь СО РАН, директор Института химии твердого тела и механохимии СО РАН, чл.-к. РАН и другие.

В зале заседаний ученого совета собрались ученые Новосибирского научного центра и представители инновационного бизнеса. Участники встречи обсуждали проблемы, которые мешают развитию науки и внедрению в жизнь современных научных разработок. В своем выступлении С. В. Степашин назвал некоторые из них: неэффективное освоение бюджетных средств (чему в немалой степени способствует нынешняя система тендеров), высокие процентные ставки по кредитам, а также недостаток менеджеров, имеющих опыт работы в сфере науки.

Фундаментальная наука и установки Mega Science — этой теме было посвящено выступление академика Г. Н. Кулипанова. К установкам Mega Science относятся ускорители, источники синхротронного излучения, лазеры на свободных электронах и другие, их стоимость — от 200 миллионов до 8 миллиардов долларов. Кстати, на одной из таких установок, которая находится в нашем институте — ВЭПП-2000 — гости побывали перед началом встречи.

В России отсутствуют ведомства, которые занимались бы финансированием таких установок, а для одного института — это непосильная ноша.

А между тем, именно с использованием этих установок делаются сейчас важнейшие открытия в области фундаментальной науки. Геннадий Николаевич предложил разработать государственную программу создания новых и модернизации действующих установок Mega Science, а также создать агентство, которое должно объединить научно-исследовательские центры в рамках госпрограммы развития до 2020 года.

С. В. Степашин попросил подготовить документы, в которых были бы изложены эти предложения, и пообещал передать их премьер-министру.

За круглым столом обсуждались также вопросы строительства Технопарка в Академгородке и проблемы, связанные с использованием лицензий и патентов, которые получают научные сотрудники институтов СО РАН.

Губернатор Новосибирской области Виктор Толоконский предложил разместить в строящемся Технопарке таможенный пункт для оформления экспорта и импорта инновационных товаров, где будет работать соответственно подготовленный персонал. Как уточнили хозяева встречи, в ИЯФе уже несколько лет существует подобный таможенный пост, его нужно будет только расширить, когда Технопарк начнет работать.

Встреча за круглым столом прошла в конструктивной деловой обстановке.

*И. Онучина.
Фото Н. Купиной.*

Гость ИЯФа — Г. А. Зюганов

**23 августа 2011 года наш институт посетил
председатель ЦК КПРФ Г. А. Зюганов.**

23 августа 2011 года в нашем институте состоялась встреча с руководителем фракции КПРФ в Госдуме председателем ЦК КПРФ Геннадием Андреевичем Зюгановым.

Академик А. Н. Скринский сделал краткий исторический экскурс о создании института и познакомил гостей с основными направлениями фундаментальных исследований, которые проводятся в ИЯФе. Александр Николаевич рассказал о мега-сайнс установках, созданных в нашем институте. Особый интерес вызвала тема ияфовских прикладных разработок: промышленные ускорители, бор-нейтронозахватная терапия рака (БНЗТ), «Сибскан» — система рентгенографического контроля для досмотра людей с целью обнаружения спрятанных на теле и в одежде опасных предметов, оружия и взрывчатых веществ и другие. Не менее интересной для гостей оказалась и тема контрактной деятельности института, в частности, вклад ИЯФа в создание Большого адронного коллайдера.

Поинтересовался лидер КПРФ и тем, как государство финансирует институт, какова средняя заработная плата в ИЯФе, какими важными государственными наградами отмечены исследования, проводимые у нас.

Академик Э. П. Кругляков передал Г. А. Зюганову документы, содержащие предложения об ужесточении ответственности за недобросовестную медицинскую рекламу.

Г. А. Зюганов поблагодарил академика А. Н. Скринского за информативную презентацию, отметил широкий диапазон и высокий уровень фундаментальных исследований, которые проводятся в ИЯФе, подчеркнул его важную отличительную особенность — высокотехнологичное большое производство. «Мы сейчас завершаем подготовку развернутой программы по развитию всех отраслей народного хозяйства, в том числе, науки и образования, — продолжил Геннадий Андреевич. — В свое время мы

подготовили Закон о науке, по которому 4% бюджетного финансирования должны быть направлены на поддержание науки, но этот законопроект не был принят. Новосибирский Академгородок в свое время создавался как ведущий центр освоения богатств Сибири и Дальнего Востока, а также для продвижения современных технологий. Сюда переехали самые талантливые люди. Мы настаиваем на том, чтобы были максимально профинансированы ведущие научно-исследовательские учреждения, чтобы был скоординирован научный поиск, чтобы у правительства и государства были органы, способные решать эти задачи, и одновременно была проведена научная экспертиза всех ключевых разработок». Г. А. Зюганов также изложил позицию КПРФ по поводу общей ситуации в стране и выразил надежду на то, что ее можно изменить в лучшую сторону. Этому посвящены законопроекты, программы и предложения, подготовленные фракцией КПРФ в Госдуме. «Мы настаиваем, — подчеркнул Зюганов, — на перераспределении финансовых средств в пользу субъектов России: сейчас 70% идет в Москву, остальное на места. По идее должно быть так: треть — в центральные органы, треть — в области и республики, треть — в местное самоуправление. Резерва времени для раздумывания нет».

*И. Онучина.
Фото М. Кузина.*

«ИЯФ — колыбель новой физики»

В сентябре 2011 года наш институт посетил академик РАН, лауреат Ленинской премии Д. В. Ширков.

С 19 по 22 сентября 2011 года в нашем институте проходило VIII международное рабочее совещание «Электрон-позитронные столкновения от фи до пси». В его работе принял участие Дмитрий Васильевич Ширков — доктор ф.-м. наук, профессор, академик РАН, лауреат Ленинской премии, главный научный сотрудник лаборатории теоретической физики Объединенного института ядерных исследований (г. Дубна, Московская область).

— Я прожил в Академгородке все 60-е годы, и, конечно, бывал на конференциях в ИЯФе. ИЯФ стал колыбелью новой физики. Здесь в 60-е годы была реализована одна из пионерских идей А. М. Будкера: столкнуть два пучка — электронный и позитронный — и изучать это событие.

Теперь о нынешней конференции. Она зародилась тоже в этом институте в конце 90-х годов, и сейчас стала очень популярной.

Академгородок — это удивительное место.

Здесь есть проспект Лаврентьева, который попал в книгу рекордов Гиннеса. Оказалось, что здесь находится самое большое в мире количество плодотворно работающих институтов, такого больше нет нигде! И ИЯФ расположен тоже здесь

Меня многие спрашивают: а что, Новосибирский Академгородок совсем загнулся, оттуда же все разбежались, какая там может быть наука? Когда Академгородок только создавался, с трудом верилось, что люди вообще поедут сюда за Лаврентьевым. Нынешняя конференция — это замечательная иллюстрация того, что Академгородок живет и многим столицам может дать фору. В лаврентьевские времена была такая песня: «Кому наука дорога, в столицах делать нечего». Академгородок — это место, где и сейчас делается большая наука.

*И. Онучина.
Фото Н. Купиной.*

Тяга к успеху

В нашем институте работает чемпион Мира по пауэрлифтингу 2011 года В. Шольский.

С 8 по 13 ноября 2011 года в городе Пльзень (Чехия) проходил Чемпионат мира по пауэрлифтингу. Победителем в весовой категории до 93 килограммов стал сотрудник нашего института Владимир Шольский.

Молодого сотрудника ИЯФа Владимира Шольского среди сверстников выделяет прекрасная физическая форма и накаченные мускулы. Работу инженера на криогенной станции он совмещает с серьезными спортивными тренировками. Недавно Владимир вернулся из чешского города Пльзень, где участвовал в Чемпионате мира (World Open Men's Championships) по пауэрлифтингу. По словам Владимира, мероприятие прошло на высоком уровне: участвовали представители более тридцати стран мира, тысячи зрителей, трансляция по

интернету.

Пауэрлифтинг (от англ. powerlifting: power — сила, и lift — поднимать) — это силовой вид спорта, суть которого заключается в преодолении веса максимально тяжелого отягощения. Его также называют силовым троеборьем.

— Владимир, как проводятся соревнования в этом виде спорта?

— Пауэрлифтинг состоит из трех упражнений. Первое — приседание со штангой, второе — жим лежа (когда жмешь штангу двумя руками от груди, лежа на горизонтальной скамье) и третье — становая тяга (поднятие максимального веса от пола). К каждому упражнению — три подхода, из каждого подхода лучший результат идет в копилку спортсмена. Сумма строится из этих трех лучших результатов, засчитанных судьями. В моей весо-

вой категории — до 93 килограммов — выступало 22 человека. Из них я стал первым, второе место занял украинец, третье — поляк.

— *Волновался перед соревнованиями?*

— Разве что из-за боязни, что спина подведет: у меня была травма, пришлось основательно лечиться. Из-за этого во время подготовки к Чемпионату не приседал и тягу не делал, только выполнял жим. Как видите, лечение дало положительный результат.

— *На Чемпионате мира группа поддержки была?*

— Друзья и близкие поддерживали меня на расстоянии: следили за соревнованиями по интернету, списывались в онлайн, звонили. Как только я с помоста вышел, мне тут же пошли звонки с поздравлениями.

— *Как удалось решить проблему финансирования этой поездки?*

— Все было очень непросто. Перед Чемпионатом отказался мой спонсор, и мне пришлось самому искать финансирование. Было очень трудно: надо было и тренироваться, и искать средства на соревнования. В последние дни уже думал, что никуда не поеду. Но буквально в последний момент все решилось. Администрация ИЯФа в лице В. В. Анашина и профком института оказали финансовую поддержку, за что я очень благодарен. Администрация Советского района также внесла свою лепту, помогли и ребята, с которыми я тренируюсь. В общем, «с миру по нитке» — собрал финансы на поездку.

— *С чего началось увлечение этим спортом?*

— В юношестве я увлекался разными видами спорта — занимался и лыжами, и бегом, и карате, и боксом. Друзья шли в секции, и я с ними заодно. Мне было шестнадцать лет, когда вместе с двоюродным братом я впервые пришел на тренировку в секцию пауэрлифтинга. В этом возрасте все парни хотят быть похожи на Шварцнеггера, вот и я тоже решил покачать мышцы. Походил недельку, тренер ко мне присмотрелся и предложил заниматься пауэрлифтингом. Начал тренироваться, уже через полгода стал кандидатом в мастера спорта, а через полтора года — мастером спорта.

— *Это тяжелые тренировки, никогда не хотелось все бросить?*

— Нет, наоборот, все время хотелось большего. Я не пропустил ни одну тренировку, старался преодолеть все, чтобы стать первым. Всегда ставил перед собой конкретные цели — выиграть чем-

пионат Новосибирской области, выиграть кубок Сибири, стать чемпионом мира — и достигал их. Когда идешь к цели, на мелочи не обращаешь внимания. И о том, чтобы уйти, я даже не думал. Тренировки для меня — удовольствие.

— *Что дают тебе занятия пауэрлифтингом?*

— Основной плюс — это новые знакомства. У меня почти в каждом городе есть друзья, и если я бываю там проездом, то мы обязательно встречаемся. Есть знакомые и на Украине, и в Казахстане. Мы общаемся, переписываемся в социальных сетях, созваниваемся по скайпу. А если бы я ничем не занимался, круг общения был бы намного уже.

Пауэрлифтинг — спорт для тех, кто хочет стать красивее и внешне, и внутренне. Железо дает свою энергию. Поднятие тяжести — это не только выплеск адреналина, при растяжении мышц вырабатывается специальный гормон, который позволяет продлить жизнь. После тренировки становится легче жить во всех смыслах слова.

— *Чем ты занимаешься в ИЯФе?*

— Наша лаборатория 1-4 занимается сжижением гелия и производством жидкого азота. Газ идет на охлаждение сверхпроводящих магнитов на детектор КЕДР и ВЭПП-2000. Также мы поставляем гелий в другие организации по всему сибирскому региону. Я занимаюсь автоматизацией криогенной станции, отслеживаю через компьютер все промышленные процессы по сжижению гелия, которые происходят на станции.

— *Твое новогоднее пожелание ияфовцам.*

— Желая крепкого сибирского здоровья, чтобы в семье было благополучие, чтобы дети не болели и чтобы денежки в кармане водились.

*Радость победы поделила Ю. Бибко.
Фото автора.*

Гости ИЯФа — депутаты Госдумы РФ

2 апреля 2013 года в нашем институте побывали депутаты Госдумы РФ.

2 апреля в президиуме СО РАН прошло заседание выездного круглого стола комитета Государственной Думы по обороне, посвященное теме «Передовые разработки институтов СО РАН в интересах ОПК и внедрение их в производство». В составе делегации было десять членов комитета во главе с его председателем — депутатом Государственной Думы, адмиралом Владимиром Петровичем Комоедовым. На заседании обсуждались работы СО РАН в целях обороны: развитие гиперзвуковых, химических и лазерных технологий, создание новых материалов и другое.

После заседания В. П. Комоедов и председатель СО РАН, академик А. Л. Асеев ответили на вопросы журналистов.

Затем в малом зале президиума СО РАН состоялась пресс-конференция с А. А. Журавлевым — депутатом Государственной Думы, членом комитета Государственной Думы по обороне, председателем ВПП «Родина». В ней также принял

участие Ф. А. Клинецвич — заместитель председателя комитета Государственной Думы по обороне. А. А. Журавлев совместно с депутатом С. А. Жигаревым внесли проект закона «О статусе Академгородков в Российской Федерации».

Члены делегации Госдумы ознакомились с разработками Института физики полупроводников, Института ядерной физики, Института теоретической и прикладной механики.

В ИЯФе для гостей была проведена за круглым столом презентация института, а затем они побывали на установке ВЭПП-2000.

*И. Онучина.
Фото М. Кузина.*

Гость ИЯФа — мэр Новосибирска А. Е. Локоть

В начале марта 2015 года в нашем институте побывал мэр новосибирск А. Е. Локоть.

В начале марта в ИЯФе прошло рабочее совещание, в котором принял участие мэр Новосибирска Анатолий Евгеньевич Локоть. Речь шла об использовании в жизни нашего города инновационных достижений, в частности, ияфовских промышленных ускорителей. Сейчас их больше покупают за рубежом, чем в России. Так, по словам академика Г. Н. Кулипанова, в городе Шэньчжэне (Китай) только на одном заводе работает 11 наших ускорителей, на втором — 8. Эти предприятия выпускают кабель и термоусаживающиеся трубы, которые затем поставляются, в том числе, и в Россию. А в Новосибирске на весь город только шесть установок.

Промышленные ускорители нашли эффективное применение для обеззараживания сточных вод. На совещании обсуждалась проблема обезза-

раживания стоков «Горводоканала» и ила очистных сооружений, а также отходов свинокомплекса «Кудряшовский», который фактически входит в городскую агломерацию.

Активную заинтересованность мэра вызвал опыт института по использованию промышленных ускорителей для холодной пастеризации и обеззараживания одноразовой медицинской продукции. Кстати: вся одноразовая медицинская продукция, выпускаемая в Сибирском федеральном округе, обрабатывается ускорителями ИЯФа.

Встреча за круглым столом проходила в преддверии 8 Марта, и мэр Новосибирска поздравил с наступающим праздником женщин-ветеранов: Е. В. Пахтусову, Н. Н. Коршунову, Е. Ф. Баеву.

*И. Онучина.
Фото Н. Купиной.*

Олимпийские Игры — 2014 Сочи

ILIA CHERNOUSOV (RUS)
50km Free Bronze medallist - Sochi 2014

ANOTHER**BEST**DAY

ROSSIGNOL

Встречи с призером Олимпийских Игр — 2014 И. Черноусовым

«Медаль Чемпионата мира — это очень здорово!»

В апреле 2011 года в НГУ состоялась встреча с И. Черноусовым.

Специально для «Э-И»

В НГУ состоялась очередная встреча болельщиков с бронзовым призером Чемпионата мира по лыжным гонкам, нашим земляком из Академгородка Ильей Черноусовым. В завершившемся сезоне Илья, кроме медали на Чемпионате мира в Осло, завоевал три подиума на этапах Кубка мира, а по итогам сезона занял девятое место в дистанционном зачете Кубка и двенадцатое место в общем зачете. Это огромный прогресс для спортсмена по сравнению с прошлым сезоном, во многом связанный с переходом Ильи на индивидуальную подготовку.

На встрече Илья ответил на многочисленные вопросы болельщиков.

— *Илья, как поменялась в новом сезоне структура тренировок?*

— Если сказать честно, то в России вообще нет системы тренировки. Планы сбора придумывают непосредственно перед сбором. А здесь все было по-другому, уже в мае я знал, что буду делать в ноябре и почему. И это был план не на один год, а на несколько лет. Европейские лыжники тренируются так уже давно, поэтому с ними и трудно бороться.

— *Вы сказали, что тренировались отдельно от сборной. Можно пояснить?*

— Мы готовились по своему плану, но провели вместе с командой все основные

сборы. И многие тренировки у нас пересекались, просто мы следовали своей методике.

— *Кто привлек к тренировкам сборной Изабель Кнаут, и что нового появилось с ее приходом?*

— Это была инициатива спортсменов, в большей степени Александра Легкова. Так получилось, что в основном мы с ним вдвоем стали готовиться по другой системе. Изабель принесла в сборную очень много нового. Во-первых, она десять лет работала со швейцарской национальной командой, у нее огромные связи, ее все знают, плюс она предложила новые силовые тренировки — вообще новый взгляд практически на все аспекты подготовки, а также очень помогала в разнообразных организационных вопросах. По образованию она физиотерапевт и тренер по функциональной тренировке. Ее приглашают в футбольные клубы, она

знает о тонкостях тренировочного процесса не меньше, чем любой из наших тренеров. Я бы даже сказал — больше, потому что наши тренеры учиться не любят и советы со стороны не слушают. В Европе же напротив, тренеры не стесняются посещать курсы повышения квалификации или интересоваться чем-то новым в других видах спорта.

— Кто вам писал тренировочные планы?

— Планы писал тренер, а непосредственный контроль тренировок осуществляла Изабель.

— В прессе упоминался немецкий тренер Легкова и Черноусова, но его имя при этом не называлось. Кто этот загадочный человек?

— Я тоже не могу назвать его имени, извините. Да, был такой тренер, который писал нам план, но весь контакт с ним в основном был через Изабель. Может, позднее я смогу сказать, кто это был, но не сейчас.

— Старший тренер сборной России О. О. Перевозчиков участвовал в составлении вашей тренировочной программы?

— Нет, не участвовал. Но руководство сборной пошло нам навстречу, за что ему спасибо. У нас все получилось, и потом я нередко замечал, что и сборная по нашим планам ведет тренировки.

— В сборной России есть еще кто-то, кто тренируется по плану, отличному от плана Перевозчикова?

— Только Петр Седов, наверное.

— С чем связана история с П. Седовым, не получившим допуск по состоянию здоровья — с некомпетентностью врачей или чем-то еще?

— Детали мне не известны. Каждый год на проведение обследования сборной страны по лыжам

проходит тендер между различными учреждениями в Москве, и клиника каждый год меняется. В этом году была какая-то обычная больница, где решили, что для нормального человека у Петра слишком большое сердце, поэтому парня и забраковали.

— У вас заметно изменилась к лучшему техника классического хода, с чем это связано?

— Прoshлые годы техническая работа отставала, очень мало делали. А в этом сезоне мы под контролем Изабель и нашего тренера гораздо больше работали над тех-

никой, много узнали о новой технике, о том, как тренируются европейцы. Эта работа принесла результаты. В сборной не особенно много внимания уделяется техническим тренировкам, плюс сама техника вообще другая, это скорее техника 80-х годов, но ее до сих пор пытаются ставить нашим гонщикам.

— Если не секрет, сколько у вас получается часов тренировок в год?

— В год не могу сказать, а за месяц — от 80 до 88 часов.

— В прессе упоминалась ваша тренировка «30 по 30 через 30», о чем шла речь?

— Это было в Давосе (Швейцария). Давос — уникальное место, просто рай для лыжников в плане тренировок. Там есть отрезок трассы, где две лыжни проложены в гору на протяжении восьми километров и параллельно им идет автомобильная дорога. Мы ехали на лыжах, а рядом с нами шла машина и давала сигнал каждые 30 секунд: 30 секунд шло максимальное ускорение, 30 секунд отдых, и так — 30 раз подряд. В общем,

была очень тяжелая тренировка, цифры пульса были космические.

— *Поговорим о принципах отбора на Чемпионат мира — Ширяев и Главатских выглядели в Осло неважно, были, наверное, слабейшими в российской команде. Но попали они в команду по так называемому спортивному принципу, который в этом случае явно не сработал. С вашей точки зрения, где эта тонкая грань между справедливостью и эффективностью отбора?*

— Я считаю, что Чемпионат России — это совершенно другой старт по сравнению с гонками Кубка мира, сравнивать их нельзя. У нас многие спортсмены могут выступать только внутри России, а пересекают границу — и на Кубке мира ничего не могут показать. Эта несостоятельность системы наших отборов вновь проявилась в Осло.

— *А как отобрать более достойных?*

— Не знаю. У нас всегда ЧР выигрывает Турышев. Я ничего против него не имею, но вспомним, что на этапе Тур-де Ски он уступил по времени лыжнице сборной Норвегии на заключительном этапе — гонке в гору.

— *Если бы не удалось выиграть в Рыбинске этап Кубка мира, взяли бы вас на Чемпионат мира?*

— Не взяли бы.

— *Расскажите о Чемпионате мира.*

— Мы приехали туда за неделю до нашего основного старта, и это была очень нервная неделя. Только после победы в Рыбинске я понял, что могу уверенно себя чувствовать на финише, распределив силы по дистанции. В этом году в Осло было очень много настоящего снега, но норвежцы зачем-то добавили к нему и искусственный, из-за чего у многих сборных возникли проблемы с подготовкой лыж. Хозяева, видимо, заранее готовили штайншлифты под такой специфический снег, и у них лыжи работали отлично. Вдобавок за два-три дня до начала Чемпионата мира трассы вообще никак не готовились, поэтому «откатывать» различные варианты смазки и структур было затруднительно.

На дуатлоне я грамотно распределил силы и выдал все, что мог. В любом случае, я очень рад этому результату, потому что это — медаль. Наверное, на финише у меня было небольшое разочарование, что не реализовал свои планы до конца. Тем не менее, медаль Чемпионата мира — это очень здорово!

— *Все мы переживаем из-за того, что произошло с нашей сборной в эстафете, есть ли объяснения случившемуся?*

— Это был сильный состав, там все было по спортивному принципу. Чемпионат мира — это еще и психологически тяжелый старт. Мы очень хотели выиграть, просто в воздухе витало, что все мы настроены на победу. Но не пошло! Со всеми командами бывает... Не первый пример в истории, что так случилось. Даже если бы мы заняли место повыше, то нас бы сняли из-за нарушения правил прохождения дистанции Волженцевым — он заступил за маркировку трассы. Голоса судейской бригады разделились: трое судей против двух проголосовали за сборную России и нас оставили на шестом месте.

— *Есть мнение, что вы немного приберегли силы на последнем этапе эстафеты, было такое?*

— Конечно, мне было очень трудно выходить на этот этап, потому что настрой был совсем на другую ситуацию. Начал думать о том, что нет смысла выкладываться, потому что такие отрывы уже не отыгрываются. Но, в то же время, трасса гонки была очень сложной, не скажу, что так уж много сил приберег, хотя и бежал не на полную мощность.

— *Ваше мнение о женской сборной.*

— Девчонки все способные. Они трудолюбивые, но довольно молодые, а, как известно, за один год результаты не делаются, нужны многолетние тренировки.

— *Были ли встречи после приезда с новосибирскими спортивными боссами?*

— Обещали помощь, поддержку и базу построить в Академгородке. Так что скоро здесь будет база!

— *В последнее время лыжи по популярности проигрывают биатлону. Что-то предпринимается руководством сборной и федерации, чтобы повысить к ним интерес?*

— Честно скажу, в Европе лыжи намного популярнее, чем у нас. У европейцев нет проблем с трансляцией, они всегда показывают лыжные соревнования. С другой стороны, очень много знакомых мне звонят и говорят, что биатлон смотреть становится не интересно, когда в лыжах российские гонщики борются за призовые места. Как популяризировать лыжи? Наверное, роль СМИ здесь не последняя.

Подготовил к публикации
О. Мешков.
Фото И. Онучиной.

**5 апреля 2013 года в НГУ состоялась
новая встреча с И. Черноусовым.**

Специально для «Э-И»

5 апреля 2013 года в Мальцевской аудитории НГУ состоялась встреча с членом сборной России по лыжам, нашим земляком, Ильей Черноусовым. Он — неоднократный призер этапов Кубка Мира, призер Чемпионата мира, обладатель шестого места в общем зачете Кубка мира сезона 2012-2013 года, обладатель пятого места в дистанционном зачете Кубка мира этого сезона.

По традиции такие встречи проходят в форме ответов на вопросы. На вопрос об условиях катания в Австралии, где проходил учебно-тренировочный сбор, Илья отозвался весьма положительно о подготовке лыжных трасс, хотя, заметил он, погодные условия бывают достаточно специфическими, так, например, на вершине горы сильный ветер просто сбивает с ног.

Ряд вопросов был посвящен технике тренировок спортсмена, в частности, зачем нужна ходьба по канату, натянутому между деревьями. Это хорошая тренировка для развития координации и укрепления мелких мышц, ответил Илья.

О специфике тренировок на большой высоте (свыше трех тысяч метров), которые проходили в Италии, Илья сказал, что работать на такой высоте тяжело, начиная с третьего дня после приезда уже трудно даже просто идти пешком. Кататься на высоте трех тысяч метров приходится не каждый

день, на интервальную работу многие спускаются вниз. Тренироваться в таких условиях нужно грамотно.

На вопрос о том, как питаются спортсмены, Илья сказал, что нужно самому контролировать питание с учетом советов диетологов.

Важным обстоятельством, как отметил Илья, является организация отдыха и восстановления спортсмена, потому что приходится очень часто переезжать из одного места в другое. Поделится наш земляк впечатлениями от олимпийских трасс и Олимпийской деревни в Сочи. От того, что он увидел в столице будущих зимних Олимпийских игр, у него осталось положительное впечатление, несмотря на то, что стройка ведется еще очень активно. Очень красиво, когда хорошая погода, однако, подчеркнул спортсмен, трассы сложные, особенно для спринтеров. Меры безопасности не очень мешали, поделится своим мнением Черноусов, хотя в прошлом году на сборах, когда еще было не все отработано, на его взгляд, ощущалась некоторая назойливость служб безопасности. Также он считает, что для тренировок лыжников там сейчас условий нет: только один круг, далеко расположены объекты проживания, питания, трассы.

Интересовал аудиторию и вопрос о том, как работает сервисная группа, которая готовит лыжи перед стартом. Черноусов рассказал, что каждый сервисмен работает с одним, максимум двумя спортсменами. Илья ответил на вопрос о том, какие проблемы были с подготовкой его лыж в Италии на Чемпионате мира на пятнадцатикилометровой дистанции свободным стилем с раздельным стартом, где он выступил неудачно. Выяснилось, что сервисмены не учли особенности снежного покрова.

На вопрос, какой фирмы у него лыжи, он ответил, что второй год бегаёт на лыжах фирмы Rossignol.

Отчет о встрече со спортсменом был опубликован в кратком изложении, с полной версией можно ознакомиться на страничке лыжной секции ИЯФа.

И. Онучина.

Фото О. Мешкова.

Победный марафон

В начале апреля 2014 года в НГУ состоялась встреча с призером Олимпиады-2014 И. Черноусовым.

Специально для «Э-И»

Илья Черноусов — бронзовый призер зимних Олимпийских игр 2014 года в лыжном марафоне, бронзовый призер Чемпионата мира 2011 года в скиатлоне, неоднократный призер и победитель этапов Кубка Мира.

Награды:

Медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (24 февраля 2014 года) — за большой вклад в развитие физической культуры и спорта, высокие спортивные достижения на XXII Олимпийских зимних играх 2014 года в городе Сочи. Медаль «За воинскую доблесть» (Минобороны) (28 февраля 2014 года) — за высокие спортивные достижения на Олимпийских зимних играх в Сочи. Заслуженный мастер спорта России (24 февраля 2014 года).

Нынешний год проходит под знаком Сочинской Олимпиады. В нескольких номерах мы рассказывали о том, как в феврале ияфовские волонтеры работали на Олимпийских Играх. А сегодня, завершая эту тему, публикуем отчет о встрече с нашим земляком Ильей Черноусовым, которая со-

стоялась в начале апреля 2014 года в одной из аудиторий НГУ.

В Академгородке живут родители спортсмена, сюда Илья приезжает обычно весной и по доброй традиции встречается в стенах университета со своими болельщиками. На этот раз на встречу с бронзовым призером Олимпиады-2014 пришло особенно много поклонников самого популярного в Сибири зимнего вида спорта.

В начале встречи Илью попросили рассказать о том, как проходило вручение ему награды Президентом.

— Все было организовано на высшем уровне. Как известно, в Сочи было несколько Олимпийских деревень, а встреча с Президентом была внизу, в основной Олимпийской деревне. Рано утром нас туда привезли, и целый час пришлось проходить все контроли, чтобы попасть в зал, где должно было состояться награждение. Каждый из нас знал, какое у него место, что нужно делать, как подойти к Президенту, как нужно пожимать ему руку, куда нужно смотреть — словом, все было оговорено заранее. Рукопожатие у Президента очень крепкое.

Болельщиков интересовало, чем отличалась подготовка к Олимпийским играм и как при этом учитывались особенности трассы в Сочи.

— Подготовка велась целый год в разных местах, и конечно, основной нашей задачей было участие в Олимпийских играх. За год до Олимпиады у нас был предолимпийский этап Кубка Мира, который проходил в Сочи, и все спортсмены, которые в нем участвовали, знали какая трасса в Сочи — уровень сложности, рельеф. Естественно, что часть следующих тренировок пытались проводить на похожем рельефе.

— *Кто готовил лыжи для вашей группы?*

— У нас свои сервисмэны, которые готовят лыжи. Не знаю как у других спортсменов, на моих

лыжах хорошо работали структуры «Россиньол», которые делают в России.

— *Российские спринтеры приехали на «Лауру» чуть ли не раньше всех других команд и проводили разные тренировки, а ваша группа появилась дней за пять-шесть. Это было запланировано заранее?*

— Да, это было запланировано заранее. В Сочи условия для тренировок не очень хорошие. В Европе на такой же высоте мы могли тренироваться на разном рельефе, но в более спокойной обстановке. Поэтому многие спортсмены и из других стран тоже приезжали как можно позже.

— *В чем состояли подводящие тренировки к конкретным стартам на Олимпийских играх?*

— Каждый спортсмен за несколько дней до старта имеет свою систему подготовки.

Про себя могу сказать, что в этом году я перешел на следующую систему: за два дня до старта проводить скоростную тренировку, и более спокойный день — перед гонкой.

Основная задача состояла в том, чтобы быть в максимальной форме именно в этот период времени, а здесь секрет не только в какой-то одной или двух тренировках перед стартом.

— *И поэтому на «Лауре» вы с Легковым катались отдельно друг от друга?*

— Конечно, потому, что наш подход к каждой гонке различается. К тому же он участвовал в других стартах, у нас различались планы и время.

— *Всех интересуют подробности победной для российской сборной марафонской гонки.*

— Эта марафонская гонка была особенная:

обычно такие гонки стартуют во второй половине дня, а эта началась в 11 часов. Поэтому первые три круга, тридцать километров, трасса была довольно жесткой, а скорость — высокой. Вся группа шла вместе, и когда финн не поменял лыжи, я думаю, мало, кто оценил это как серьезную угрозу. Тактика у всех была одна — смена лыж после третьего круга, так как трассу начало «отпускать», она становилась все мягче и мягче, и лыжи ехали намного хуже.

Я сужу о том, что происходило на дистанции, со своей стороны. Норвежец Мартин Сундби все время старался держаться в голове группы, как многие другие спортсмены, которые планировали бороться за награды. Как сломал палку швейцарец Дарио Колонья, я не видел: он был где-то на подъеме слева от меня, я видел только, что он упал.

Сейчас, анализируя все, что было во время Олимпиады, могу сказать, что пауза в две недели, которая у меня была, повлияла на то, что я не совсем грамотно провел последние два километра марафонской дистанции. Нужно было перестроиться немного раньше, поскольку именно на финише я чувствовал, что сил еще оставалось много, и мой финиш был самый быстрый в тот день. Но на подъеме у меня была четвертая позиция, а трасса была настолько мягкой, что невозможно было никого обойти ни слева, ни справа. Я настраивался только на то, что нужно обогнать Сундби. Естественно, он делал все возможное, чтобы на финишный вираж я зашел по максимально большому радиусу, намного увеличив себе дистанцию. Уже на самом финише я был на корпус впереди Максима Вылегжанина, какое-то время я даже не видел его, увидел на долю секунды до финиша, понял, что нужно делать разножку, но было уже поздно.

— *Как вы оцениваете три этапа своей спортивной карьеры: до попадания в сборную, в основной сборной и тренировки под руководством тренера из Швейцарии Рето Бургермайстера? Какие были плюсы и минусы, какие различия в тренировочных процессах, во взаимоотношениях?*

— На всех этапах были свои плюсы и минусы, сейчас могу сказать с уверенностью, что на каждом я приобрел тот опыт, который у меня есть сейчас. Поэтому я нисколько не сожалею ни об одном годе, который был у меня.

— *Чем отличалась методика тренировок при переходе из юниорской сборной во взрослую команду?*

— Методика абсолютно одинаковая, отличие, возможно, было только в объемах, но небольшое.

— Во взрослой сборной вы успели поработать и с Юрием Бородавко, и с Олегом Перевозчиковым, их подходы к тренировочным процессам отличались или были схожими?

— Основной подход был одинаковый, хотя какие-то единичные тренировки различались.

— Чем отличались тренировки в группе Бургермайстера?

— Стало еще больше тренировок и меньше отдыха.

— Сколько километров пробегаете на лыжах за год?

— Последние несколько лет я считаю не километры, а часы: в год — примерно тысяча часов.

— Вы говорили, что в Сочи не очень хорошо тренироваться, почему?

— Для тренировок необходим не только сложный рельеф, но и спокойный, без подъемов и спусков, где можно идти в легком темпе и на невысоком пульсе. А так как в Сочи в основном горы, то говорить о восстановительной подготовке и тренировках сложно.

— Какое качество характера в себе вы цените больше всего?

— Наверное, все!

— Где лучше тренироваться, в большой группе или в маленькой?

— Это очень индивидуально, для меня лучше тренироваться в небольшой группе.

— Предлагали ли вам перейти в биатлон?

— Даже винтовку подарили.

— Какой момент на Олимпиаде или после был для вас пиком личного успеха?

— Когда Президент пожал мне руку.

— Чем запомнилось награждение в ледовом дворце «Большой», где проходила церемония закрытия Олимпиады?

— У нас все было расписано: после соревнований — пресс-конференция и обязательный допинг контроль, затем нас привезли на стадион, где шла подготовка к награждению. Времени думать и переживать просто не было. Когда мы вышли на огромный стадион, весь свет был направлен на нас: зрителей нам практически не было видно, а себя мы видели на экране. Это уже потом пришло осознание всего произошедшего.

Подготовила к печати И. Онучина.

Фото И. Онучиной и О. Мешкова.

Ияфовские «Game Makers»

11 марта 2014 года ияфовские волонтеры, работавшие на Олимпийских Играх в Сочи, провели семинар в конференц-зале института.

Отгремели праздничные фейерверки сочинской Олимпиады, стали историей семнадцать февральских дней 2014 года. Для каждого, кому посчастливилось побывать на Олимпиаде-2014, она была своя. И сейчас, как части чудесного пэчворка на олимпийских костюмах российских спортсменов и волонтеров, постепенно складывается общая картина этого грандиозного спортивного праздника.

11 марта 2014 года в конференц-зале ИЯФа было оживленно: собралось много желающих послушать рассказ ияфовских волонтеров Олега Мешкова, Максима Кузина и Натальи Марченко. В этом номере мы познакомим наших читателей с рассказом Максима Кузина, первого из ияфовских «Game Makers», выступавшего на семинаре.

— Для участия в Играх в качестве волонтера организаторам поступило более двухсот тысяч заявок. Среди них граждане из 83 регионов и 8 федеральных округов РФ и более чем из ста зарубежных государств. Конкурс был как в лучшие вузы страны — 8 человек на место! В результате было отобрано 25 тысяч человек. Чтобы оказаться

на этом грандиозном спортивном событии, нужно было преодолеть следующие этапы: заполнить анкету на портале организаторов и пройти первый «отсев» по формальным критериям, потом успешно пройти тест на знание английского языка, справиться с тестом на оценку личностных качеств и способностей, пройти очное или skype-интервью. И наконец — трехдневный очный тренинг в одном из волонтерских центров страны (для меня — в Томске). После этого с нами заключили контракт, и мы должны были до начала Игр пройти еще 15 общих дистанционных тестов и более 10 специализированных.

И вот, наконец, этапы отбора и обучения позади, и примерно за неделю до начала Игр я приехал в Сочи.

Так кто же он, волонтер Олимпиады-2014? Всегда улыбчивый, готовый помочь или подсказать, живущий в спартанских условиях в волонтерской деревне, готовый работать по 10-12 часов в сутки «за еду» и редкие билеты на соревнования. Дорога до Сочи — за свой счет, проживание и униформа — за счет организаторов.

Я жил в волонтерской деревне в поселке «Веселое». Фактически, это социальное жилье, в котором после Игр будут жить жители Краснодарского края, 12-этажные дома, на время Игр обнесенные забором с КПП. Требования к волонтерам были суровые: желающих расслабиться с помощью алкоголя немедленно лишали аккредитации. Волонтеров расселяли следующим образом: в однокомнатной квартире жили трое, в двухкомнатной — семеро, в трехкомнатной — десять человек. Я попал в «трешку». Бытовые сложности компенсировал прекрасный вид из окна на горы Абхазии.

Работать мне пришлось в прибрежном кластере в Олимпийском парке. Кроме основных спортивных объектов, здесь находились еще два, кото-

рые играли главную роль в обеспечении Игр. Это Главный операционный центр, где находился оргкомитет Игр, и главный медиацентр (ММС — Main Media Center), который тоже занимал очень большую площадь. В ММС стекалась вся видеoinформация со всех объектов, здесь работала вся пресса.

Олимпийский парк — действительно функциональный компактный кластер объектов, который можно обойти за десять минут. И он будет активно использоваться в дальнейшем, так, например, здесь будет проводиться Чемпионат мира по футболу 2018 года и этап соревнований автогонок «Формула-1».

Я попал на работу в ММС. Он состоит из двух больших частей: главный пресс-центр, где работала пресса, и Международный вещательный центр, куда стекалась вся видеoinформация, и откуда транслировался сигнал телекомпаниям. В вещательном центре было много зарубежных компаний, которые арендовали там площади для работы своих тележурналистов, с оборудованием, студиями и так далее. Здесь же находилась главная комната управления вещанием олимпийского сигнала, она представляла собой большое помещение, где было размещено около сорока полутораметровых мониторов, куда выводились картинки со всех объектов и камер, которые в тот момент были в работе, техническая информация по уровню сигналов, шумов и так далее. Обилие аппаратуры просто поражало! Кстати, на Игры было аккредитовано более 13 тысяч представителей СМИ и фотографов!

Обслуживанием здания ММС занимались три тысячи человек: 2300 «контрактников» и 700 волонтеров. Попасть в Медиацентр можно было только по аккредитации, и если туда нужно было провести на пресс-конференцию кого-то из атлетов или гостей, им делали специальную дневную аккредитацию.

У каждой группы волонтеров были свои клиентские группы. Нашими основными «клиентами» были журналисты и их гости. Мое рабочее место, к сожалению, находилось в подвальном помещении, где не было окон. И когда работаешь по двенадцать часов, приходишь затемно, и уходишь, когда тоже темно, связь с реальностью просто теряется. В нашей комнате было несколько телевизоров, по которым мы смотрели трансляции соревнований с трех-четырех объектов одновременно, что компенсировало другие недостатки.

Обеспечение безопасности Игр было на самом высоком уровне. По городу ходило очень много казаков и полицейских, их было немало и на всех спортивных объектах. Особенно много было представителей службы безопасности при проходе на объекты. На время проведения Олимпийских Игр две железнодорожных ветки, от Сочи до Олимпийского парка и в горный кластер, были объявлены «чистой зоной». По всей длине они были огорожены заборами: невозможно было даже просто подойти к рельсам. На вокзале нужно было проходить спецконтроль, как в аэропорту перед вылетом: все вещи досматривались на рентгеновском сканере, а также личный досмотр, который быстро, профессионально, а главное, деликатно, проводили специальные охранники. И к счастью, ни одного инцидента на Играх не произошло.

Иногда нам везло с бесплатными билетами на соревнования. Конечно, попасть везде, куда хотелось, не удалось. Мне повезло дважды получить билеты от оргкомитета: на женский хоккей и на лыжные гонки на стадионе «Лаура». Все остальные билеты пришлось покупать самому в кассах, я ходил на скоростной бег на коньках, кёрлинг и большой хоккей. Можно было также купить билет на тренировки спортсменов. Самые яркие впечатления у меня остались от большого мужского хоккея. Матчи проходили на огромном двенадцатитысячном стадионе «Большой», арена просто великолепная! Надо льдом — гигантский видеокуб, на который транслировалась вся информация: счет, время, повторы голевых моментов, силовые приемы и так далее.

В центре Олимпийского парка, на Медальной площади, по вечерам награждали медалями атлетов (кстати, медали наших Игр были самые инновационные: примененные технологии в совокуп-

ности раньше не использовались ни в ювелирной промышленности, ни в других областях), всегда горел факел Игр, рядом находился цветомузыкальный фонтан. Это было очень эффектное зрелище, а после награждения тут же проходили концерты российских и зарубежных рок-групп.

В первые дни Игр в Олимпийском парке было 40-50 тысяч посетителей в день, а в последние выходные парк ежедневно посещали более 100 тысяч человек! Билетов не было в продаже даже для того, чтобы просто попасть в него!

Что же останется нам после Игр? Наследие просто потрясающее. Построено одиннадцать спортивных объектов мирового уровня, некоторые из них — единственные в России. Сочи получил более 360 км дорог и мостов, 102 автомобильных моста, более 900 тыс. кв. м. дорожного

покрытия и тротуаров, более 200 км железнодорожного полотна. Международный аэропорт Сочи переделан полностью, теперь он включает в себя две взлетно-посадочные полосы, которые способны принимать дальние магистральные самолеты, и терминал с пропускной способностью до 4000 пассажиров в час. Построены две скоростные гондольные канатные дороги 3S, которые доставляют гостей от железнодорожной станции «Альпика-Сервис» на площадку Псехако (1436 м над уровнем моря) за 12 минут.

Сочи теперь — современный европейский город: везде чисто, просторно, много цветов и зелени, а горы и море просто великолепны!

*Подготовила к печати И. Онучина.
Снимки из личного архива М. Кузина.*

Мы продолжаем публикацию материалов об ияфовских волонтерах на Олимпиаде в Сочи. О том, что происходило на биатлонном комплексе Лаура, рассказывает Олег Мешков.

— Основным местом моей работы на Олимпиаде-2014 была Красная Поляна. Это своего рода конгломерат из поселков, расположенный в сорока километрах от побережья. Туда проложено две великолепных автомобильных трассы, одна из которых отстроена заново и включает два тоннеля, каждый протяженностью более километра. А также железная дорога протяженностью 42 километра, и курсирующий по ней поезд «Ласточка». На этой железнодорожной ветке построено несколько современных вокзалов. Все это было сделано в течение прошлого года.

В Красной Поляне я очутился 24 января, это был единственный день, когда здесь лежал снег.

Нас поселили в квартале социального жилья, деревня номер 7, «Морозко». Из окна нашей комнаты на окрестных горах была хорошо видна линия нулевой температуры, выше которой выпадает снег. Прямо под окнами был шатер, в котором проходили разного рода увеселения, развлечения, дискотеки. Наша деревня была огорожена условным забором. Для того чтобы попасть внутрь, нужно было пройти через КПП и предъявить аккредитацию. В деревне действовал сухой закон.

Я захватил с собой лыжное снаряжение, но для того, чтобы покататься по олимпийским трассам, пришлось приложить определенные усилия.

Со службой безопасности все было хорошо: она была эффективна, но не навязчива. Стадион осматривали с собаками. Однажды во время утренней пробежки я встретил наряд минеров в полном обмундировании, в бронежилетах, в ка-

сках и с поисковой собакой. Для того, чтобы попасть на объект, нужно было пройти через КПП, досмотр был примерно такой же, как в аэропорту.

Красная Поляна — это сплошные отели, разной степени «звёздности», они выдержаны более-менее в одном архитектурном стиле. Есть ещё кусок Красной поляны, который называется «Роза хутор». Он сплошь состоит из увеселительных заведений. В дальнейшем планируется, что Красная поляна превратится в горнолыжный курорт международного класса.

Лыжно-биатлонный комплекс «Лаура», где мы работали, расположен на плато, приблизительно 500 метров выше Красной Поляны. Туда можно добраться с

помощью подъемника. На Лауру ведет также и дорога, но в транспортных целях её практически не используют. Всех зрителей, которые прибывали на лыжные биатлонные соревнования, доставляли на подъемнике.

На работу нас тоже доставлял подъемник. Первое, что нужно было сделать, это «зачикиниться», то есть приложить свою аккредитацию к считыванию. Аккредитации работали железно, они четко определяли зону, в которую у тебя есть доступ.

Изначально была идея, что это будет единый комплекс лыжных и биатлонных гонок. Однако, обе федерации отменили эту идею, так как эти два вида спорта, казалось бы, близкие, тем не менее, организационно совершенно не совместимы. Поэтому был построен стационарный биатлонный стадион, который будет действовать и после Игр, и временный лыжный стадион с трибунами на 2000 зрителей, который после Игр будет разобран. Что будет с трассами, я не знаю, очень жалко, если они пропадут.

Я работал на лыжном стадионе, на биатлонном был всего пару раз на соревнованиях: нам давали на них бесплатные билеты.

Погода на «Лауре» очень изменчива, иногда случаются сильные осадки. Искусственного снега там не было. Время от времени приходил туман: из-за этого трижды переносили биатлонную гонку. И всего в часе езды от горных красот плещется море, растут пальмы. Когда из горного кластера я спускался в прибрежный, это всегда производило сильное впечатление: цветет мимоза, на улице — плюс 24, а мы накануне усиленно лопатили снег. Нужно сказать, что занимались мы этим с первых дней, потому, что как раз перед нашим приездом, в 20-х числах января, прошел мощный снегопад,

и надо было расчищать площадки для телекамер, дорожки. Еще мы занимались разметкой лыжного стадиона, для чего использовались борды (треугольные пирамидки) и... сосновые веточки, длиной не более 15 см, которые втыкали в снег. Но сначала нужно было засверлить отверстие шурупом, потому что снег был очень плотный. До начала Олимпийских Игр было необходимо разграничить зоны для атлетов и для зрителей, для этого мы устанавливали специальное ограждение. Но, пожалуй, самая тяжелая работа, которой нам пришлось заниматься, была установка вручную 500-килограммового столба освещения. Поставили. А потом пришло международное жюри и сказала, что лучше его все-таки убрать. В нашу задачу также входила разметка стартовых позиций: специальные бирки молотком загоняли в снег, около них спортсмены на старте занимали позицию в соответствии со своими номерами.

Также волонтеры дежурили в зонах, отведенных для атлетов, для прессы, ограничивали допуск зрителей или наоборот, выход тренеров и фотографов за отведенные рамки. Как правило, нас слушались. Я лично был вынужден завернуть в обход главного тренера шведской команды, который бежал поздравить шведскую женскую эстафетную четверку с победой.

У нас были и весьма необычные обязанности, например, соление трассы. Для того, чтобы снег не таял, на влажный снег рассыпают соль, она растворяется, поглощая при этом тепло. Часа два-три трасса не плавится под солнцем. На диво простая процедура: идешь с ведрами, горстью, как будто что-то сеешь, рассыпаешь соль в сравнительно скромных количествах: на весь стадион ушло приблизительно 30 килограммов соли.

Я работал в команде подготовки стадиона. Мы занимались расстановкой всех этих бордов, питстопов. Нашу деятельность оценивало международное жюри, которое в основном ориентировалось на то, насколько красиво все это выглядит на телевизионной картинке. Они могли попросить, например, все уже выставленные питстопы передвинуть на десять позиций влево, потому что зрителям на трибунах так будет удобнее смотреть.

Нам приходилось выполнять и очень тяжелую физическую работу: извлекать несколько километров кабеля из-под плотно укатанного снега, а затем крепить его на ограду, копать траншею для портикабля (это помост, на котором «бега-

ют» телекамеры, сопровождающие спортсменов на финише).

Когда не было соревнований, спортсмены тренировали и тестировали инвентарь. Сервисмены проверяли парафины, накатку на лыжи. Представители всех команд вдвоем, взявшись за руки, скатываются с горки, в какой-то момент руки отпускают и смотрят, кто проехал дальше. Возвращаются на горку, меняют лыжи местами и этот процесс повторяется. Казалось бы, за годы подготовки к Олимпиаде вся статистика набрана, но нет. Все дни, пока шли Игры, они так и катались с горки на «Лауре».

Я посмотрел все гонки, которые проходили на «Лауре», но расскажу лишь об одной. Это был победный для России пятидесятикилометровый марафон. Мы для этих соревнований «выставляли» стадион. Борьба была невероятная, конечно, мы изо всех сил болели за своих спортсменов. И вот на табло — первые трое наших! Счастье! Затем прошла двухэтапная процедура награждения: сначала атлетам вручили букетики цветов и официально было оповещено, кто какое место занял, а потом им вручили комплекты лыж от спонсоров. А под конец с ребятами встретила Елена Вяльбе и со всеми расцеловалась. Ну, а мы после марафона убрали стадион.

Всего на «Лауре» работало полторы тысячи волонтеров. После соревнований всех нас собрали на стадион, для того, что бы выразить благодарность. Мы получили дипломы от оргкомитета Олимпиады, и на этом олимпийские Игры для меня завершились.

*Подготовила к публикации И. Онучина.
Снимки из личного архива О. Мешкова.*

О работе на горнолыжном комплексе «Роза Хутор» рассказывает Наталья Марченко — третий ияфовский волонтер на Олимпиаде в Сочи.

— Моя волонтерская история началась еще семь лет назад, когда в Гватемале проводились выборы столицы зимних Олимпийских игр 2014 года. Я тогда очень переживала, надеялась на победу России, и была очень рада, когда это случилось. Уже тогда появилась мысль, что я должна принять в этом непосредственное участие, правда, не знала, в какой форме это можно сделать. И когда случайно увидела объявление о наборе волонтеров на Игры, уже ни минуты не сомневаясь, заполнила заявку. Требования к волонтерам были суровые, во время отбора мы прошли не один этап, пришлось ехать на обучение в Томск и в Екатеринбург, так как в Новосибирске не было волонтерского центра. Одной из главных задач волонтеров было изменить в лучшую сторону образ России в глазах иностранцев. Мы должны были показать миру другую Россию.

Местом моей работы на Олимпиаде-2014 был горнолыжный комплекс «Роза Хутор», расположенный в районе Красной Поляны, примерно в сорока километрах от Адлера. Наша группа волонтеров работала в Экстрим Парке, где проходили соревнования по сноуборду и фристайлу. Там основной нашей задачей была помощь болельщикам. У каждого из нас была рация. Когда болельщики приезжали на стадион, мы встречали и приветствовали на языке их страны. Конечно, к нам обращались с различными вопросами, и поначалу мы не всегда могли на них ответить. После первого соревновательного дня было проведено собрание, там мы выяснили все недочеты и, конечно, потом исправили их.

Наши рабочие смены иногда были очень тяжелыми, приходилось работать по двенадцать часов. У меня было две смены, которые начинались в 5

утра, а я жила в прибрежном кластере, поэтому спать просто вообще не ложились: пришли домой, в душ — и тут же в два часа ночи снова на работу.

Однажды у нас было две смены, шел дождь, мы стояли в дождевиках, а болельщики нас подбадривали. В эти дни у нас был девиз: это не зимняя Олимпиада, это — мокрая Олимпиада. Но, несмотря на все сложности, непосредственное участие в проведении Игр стоило того.

Хочется немного рассказать о российских болельщиках, которые были на нашем объекте «Роза Хутор». Сначала они смотрели на нас с недоверием, ничего не спрашивали, тогда, как иностранцы всегда к нам подходили и задавали много вопросов, дарили конфеты, значки. Видя это, и наши болельщики стали активно обращаться к нам и больше ценить нашу помощь.

Нужно сказать, что российские болельщики молодцы, они поддерживали не только наших спортсменов, но и спортсменов из других стран. Был эпизод, когда швейцарская фристайлистка упала на склоне, её выносили на носилках, а болельщики аплодировали ей стоя. Такие моменты дорогого стоят. До Игр я даже не предполагала, что так будет, и думаю, что это было очень важно.

Если говорить о жилье, то мы жили вчетвером в однокомнатной квартире. Организация питания, особенно по началу, вызвала отрицательные эмоции. Но потом оказалось, что после двенадцатичасовой смены все становится очень вкусным.

На объекте нам раздавали бесплатные билеты, в частности, на мужской кёрлинг, на женский хоккей. У меня уже были куплены билеты, поэтому я свои отдавала коллегам-волонтерам. Мне удалось три раза побывать на санно-бобслейном комплексе: повезло, и я видела, как победила наша четверка бобслеистов. Это невероятное ощущение, когда побеждает российская команда: испытываешь огромную гордость за страну!

Олимпиада, на мой взгляд, стала очень важным объединяющим событием для нашей страны. Благодаря Играм будет расти количество детей, занимающихся спортом, и это уже происходит. Остались прекрасные спортивные сооружения, которые будут активно использоваться. Сочи преобразился — сейчас это современный курортный город. Я всегда была за Олимпиаду, и считаю, что это было нужное для России мероприятие.

*Подготовила к публикации И. Онучина.
Снимок из личного архива Н. Марченко.*

Послесловие

Идея собрать все статьи о встречах с главами государств, выдающимися деятелями науки, культуры, спорта, которые проходили в стенах ИЯФа (и не только), вынашивалась не один год. А двадцатипятилетие нашей газеты стало достойным поводом для того, чтобы сконцентрироваться и довести эту работу до результата.

Огромная благодарность всем, кто поддержал эту идею! Прежде всего, учредителям газеты «Энергия-Импульс» в лице директора института академика Александра Николаевича Скринского и администрации ИЯФа, а также профкома в лице председателя Якова Валерьевича Ракишуна и заместителя председателя Елены Анатольевны Недопрядченко.

Эта книга не состоялась бы без активного заинтересованного участия многих людей. За поддержку большое спасибо ученому секретарю института Алексею Владимировичу Васильеву. Критические деловые советы начальника ОНИО Максима Витальевича Кузина, несомненно, сделали книгу интереснее, а его опыт и оперативность ускорили процесс взаимодействия с типографией и выход книги в свет.

Без фотографий «Ияфовские встречи» утратили бы значительную часть выразительности и информативности. Глубокая признательность Валентину Николаевичу Баяву, Валерию Владимировичу Петрову, Наталье Николаевне Купиной за то, что они предоставили фотографии, многие из которых — из их личных архивов. Специально для этой книги много замечательных рисунков сделал Дмитрий Игоревич Чекменёв.

**С глубокой благодарностью,
Ирина Валентиновна Онучина,
главный редактор газеты
«Энергия-Импульс» ИЯФ СО РАН.**

Содержание

Вступление	3
Б. Н. Ельцин.....	10
Р. И. Хасбулатов	13
Б. Ш. Окуджава.....	14
Е. А. Евтушенко.....	18
Э. А. Рязанов.....	20
С. П. Капица.....	24
А. И. Солженицын.....	26
А. Михалков-Кончаловский.....	32
И. Н. Головин	34
Цзян Цзэминь.....	39
В. В. Путин	42
Ким Чен Ир.....	44
В. С. Толоконский	45
Р. З. Сагдеев.....	46
А. Вагнер.....	48
Д. Кронин.....	50
В. М. Песков	52
Д. А. Медведев.....	54
Ж. И. Алферов	56
Л. Эванс.....	58
С. Б. Иванов.....	60
С. Т. Беляев	61
В. Небольсина.....	62
М. Перл.....	66
И. И. Алферова.....	68
М. М. Козаков.....	70
А. Чубайс.....	72
С. В. Степашин.....	73
Г. А. Зюганов	74
Д. В. Ширков	75
В. Шольский	76
Депутаты Госдумы.....	78
А. Е. Локоть.....	79
Олимпийские Игры-2014.....	80

